

МАЙ '88

фотоэпюд Игоря Яковлева

ISSN 0131-6656

СМЕНА⁹

Помним вас, герои войны. Фотоочерк
Глазами очевидца. Рассказ А. Суркова
Одиночество. Фотоочерк о милосердии
Василий Баженов. Трагедия зодчего
Футбольный турнир на приз «Смены»

ЖИВЯ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Масхуд Садыкович, после известных событий в Якутии, Казахстане, прибалтийских республиках, Крыму, Москве, Нагорном Карабахе, Сумгаите кто-то может усомниться в дружбе, братстве народов, интернационализме. Или, быть может, все гораздо проще и нет повода драматизировать происшедшее? Ну, были какие-то хулиганы, оголтелые молодчики, которые спровоцировали беспорядки. Но экстремистам дали дружный отпор, национальную кичливость, замшелый шовинизм осудили, приняты надлежащие меры. И, как говорится, нет проблем? Вам довелось побывать в Якутске, Алма-Ате и других городах, встречаться с различными людьми, как ученый вы изучали обстановку на местах, и каково теперь ваше мнение о последних событиях? Хотелось бы понять, в чем истинная причина националистических вспышек, какова их социальная окраска?

— Среди названных вами событий я бы выделил два, те, что произошли в Нагорном Карабахе и Сумгаите. Для кого-то весьма заманчиво бросить гипертрофированный вывод: нате вам — национальный конфликт! Дескать, пеклись о демократии — пожинайте плоды.

Деформационные процессы — наша боль, наша рана. И лечим мы ее не заморскими бальзамами, используем свою хирургию — по нарастающей идет гласность. Но беда в том, что в вихре мнений и суждений кто-то теряет социальную ориентацию, кто-то не прочь приложить свои силы, выпустить пар... И напрягать мозги, оказывается, совсем не обязательно.

Критику недостатков социализма, экономических, социальных, политических упущений определенные группы незрелых людей воспринимают как девальвацию самого социализма, что с необдуманной лихостью переносится и в область интернационализма, национальных отношений. Не понимая сути вещей, берутся за «исправление» недостатков. Отсюда и конфликты, но там, где многонациональная среда, конфликты меняют окраску и могут возникнуть под флагом националистических предрассудков: люди с обостренными национальными чувствами очень доверчивы и чутко реагируют на всевозможные распространяемые слухи, у них появляется неудержимое и неконтролируемое стремление во что бы то ни стало избежать не только реальную, но и мнимую, воображаемую угрозу — психологический шок. Это и толкает людей на крайние поступки, чем непременно пользуются фанатики национализма и шовинизма, педалируя на чувствах людей, вызывая у них взрыв отрицательных эмоций... А это уже — пожар в сухом лесу.

Но и эти события ни в коей мере не дают оснований для обывательских заключений, что, мол, в Советском Союзе нет дружбы народов, братского союза. И дружба, и союз определяются не тем, какое сегодня настроение у Петрова или Петросяна, а характером общественных отношений, отношением к собственности, духовным ценностям, классовой структурой общества.

— Однако не упрощается ли ситуация? События в Нагорном Карабахе и Сумгаите как раз и подтверждают, что в национальных отношениях не все гладко — есть какой-то надлом, пустота, ущербность психологии...

— Поймите, дело не в упрощении: будем диалектиками, марксистами. А это значит — не будем шарашать из одной крайности в другую. В том-то и задача — суметь отделить зерна от плевел, и мы не можем проблемы взаимоотношений национальностей рассма-

тривать в отрыве от общих социальных коллизий общества — тут ниточка одна! И было бы заблуждением проблемы национальных отношений непосредственно связывать с расширением гласности и демократизации. Метаморфозы восьмидесятых лишь обнажают все наши общие и специфические проблемы, которые до сих пор покоились в латентном — скрытом — состоянии. И говорить об этом было не принято. Смотрите, с 1970 по 1986 год по различным вопросам национальных отношений в нашей стране опубликовано около 1300 изданий на русском языке. Но, обратите внимание, примерно треть из них посвящена развитию, расцвету и сближению народов и наций СССР, одна восьмая — интернациональному и патриотическому воспитанию, одна десятая — критике буржуазных фальсификаций национальных отношений в нашей стране... А вот проблемы диалектического подхода к национализму не освещались, ибо такие работы ученых не поощрялись. Ленин же говорил, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще, а есть его конкретные виды, формы. Словом, с 30-х по 80-е годы обсудить всенародно насущные вопросы по этой проблеме, опубликовать работу было просто невыполнимо. В блокаде оказались не только ученые, но и писатели. Фадеев составителю своего сборника советов, чтобы тот брал его статьи не из журнала «Коммунист» и газеты «Правда», а брал их оригиналы в архивах. Дело в том, что Фадеев в своих статьях размышлял о национализме, извращении национальных отношений, великодержавном шовинизме, и всякое упоминание об этом безбожно выхолащивалось в редакциях.

— Масхуд Садыкович, вот совсем недавно издана ваша книга «Буржуазный национализм: принципы критики». Судя по всему, она написана вами не в 80-х годах...

— Да нет, конечно. Ей двадцать лет — двадцать лет, как говорится, пролежала на полке и появилась лишь после апрельского Пленума ЦК КПСС. В книге идет речь о сложностях проблемы национальных отношений, анти-

семитизме, сионизме и о национализме большой и малой нации. Рецензенты мне дали четко понять, что им не по душе, не ко двору, что надлежало вымарать, чтобы книга издалась. Видимо, их смущал национализм большой и малой нации. Конъюнктура, угодничество тогда были нормой. Словом, не договорились, не нашли общего языка. Видите, как просто разрешались проблемы.

— Большая нация. Это, надо полагать, русские, украинцы, казахи?..

— Необязательно. Это — относительное понятие. Так, например, грузины по отношению к русским — малая нация, а по отношению к абхазцам — большая. В работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации» Ленин подчеркивал необходимость отличать «национализм большой нации от национализма нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насильств». Это положение Ленина не рассмотрено ни в науке, ни в литературе. Тут, конечно же, сказаться произвол «эпохи» Сталина — Лысенко, их угодливых подражателей. Впрочем, и в наши дни еще не изжит замшелый ортодоксальный страх перед освещением острых проблем национальных отношений. Но если мы действительно горим желанием навести в нашем доме порядок, освободиться от догм, то, чтобы разобраться во всех сакраментальных вопросах, нам необходимо еще и еще раз перечитать Ленина, в том числе и его многочисленные труды, затрагивающие все сложности национального вопроса.

— С ленинскими принципами национальной политики мы знакомимся еще в школе. Это — ликвидация национального гнета, свободное самоопределение народов, абсолютное равенство наций и народностей, интернационализм, слияние рабочих всех наций...

И теперь, освободясь от излишне-го морализаторского пафоса, мы, судя по всему, должны сказать об искажении принципов ленинской национальной политики. Мы десятки лет только и говорили о лучезарно-

розовом свете интернационализма, воспевали братство, содружество народов, а в то же время происходило нарушение элементарных прав человека, народов и народностей... Так когда же дала крен наша национальная политика?

— Ее искажение началось еще в двадцатых годах. Вот, скажем, взять идею демократии в национальном вопросе, о необходимости которой постоянно говорил Ленин. Говорил, доказывал, ибо далеко не все видные партийные деятели разделяли его позицию. Среди оппонентов Ленина были Троцкий, Радек, Пятаков, Бухарин, Сталин, Роза Люксембург, Каменев... Ленину приходилось поправлять и Орджоникидзе, и Дзержинского...

Так, Троцкий не понимал и не признавал демократического духа, демократических основ построения социализма, придерживаясь политики «завинчивания гаек», категорически возражал против принципа самоопределения. Ленин же говорил, что обвинять сторонников свободного самоопределения нации все равно, что обвинять сторонников свободы разводов в разрушении семейных уз. Если есть закон о свободе разводов, то это не значит, что все должны разводиться. Это не призыв к разводу. Закон о свободе развода — демократическое право! Демократию, самоопределение — на основе которого мыслилось свободное объединение народов — Ленин рассматривал как краеугольный камень интернационализма. Долгое время этого не понимал и Бухарин. Позже, на XII съезде партии, осознав свои ошибки, он выступил против великодержавного русского шовинизма, за что тут же от Сталина «получил пощечину».

Сталин, как известно, выступил с проектом автономизации республик, то есть он считал, что Украина, Белоруссия, Закавказские республики должны войти в состав Российской Федерации на правах автономной области, ратовал за централизованную власть, что, конечно же, ограничивало права народов. Это шаг назад от демократии. Благодаря Ленину партия осудила Сталина, который обещал не возвращаться к разработанному им плану. На

самом же деле он полностью от него не отрекся, реализовывал свои ошибочные идеи.

В 1924 году на XIII партконференции Сталин заявил: «...некоторые товарищи фетишизируют, абсолютизируют вопрос о демократии, думая, что демократия всегда и при всяких условиях возможна», «демократии развернутой, полной демократии, очевидно, не будет».

На Первом съезде Советов было принято решение День образования СССР сделать всенародным праздником. Ос-

Великой Отечественной войны. Тщетно. А сейчас мы уже знаем, что во время войны крымские татары составляли одну пятую часть населения Крыма и одна пятая крымчан — Героев Советского Союза — люди татарской национальности.

Утверждать, что главную роль в разгроме фашизма сыграл тот или иной народ в буквальном смысле этого слова, неправильно, ибо социальный смысл войны заключается не в столкновении народов, а в столкновении фашизма с демократическими, анти-

В «Памяти» есть порядочные люди, но заблуждающиеся. Надо открыть глаза и тем, и другим. А читая некоторые статьи, что появляются в наших газетах и журналах, приходишь к мысли, что их авторы не совсем понимают, какую проблему таит в себе «Память», не до конца осознают антиинтернационалистическую направленность выступлений некоторых членов этого объединения.

Первоначально объединение «Память» было действительно патриотическим сообществом. Но стал все более

ных условиях колхозам и совхозам Средней Азии не приглашать к себе мастеров молочного производства из Прибалтики — на год, два? Если таким путем решать социально-экономические проблемы, то убежден: мы гораздо реже будем друг друга упрекать, дескать, как у нас, а как у вас, какие цены здесь, а какие там...

— Конечно же, дисгармония в экономическом развитии республик, регионов страны, несовпадение союзных и местных интересов, отступление от социальной справедливости, упущения в этих вопросах местных властей лишь провоцируют националистические настроения. В Таллине, к примеру, коренные жители нередко возмущаются, что квартиры чаще даются «пришельцам». Но почему? Оказывается, в «Таллинстрое» рабочих коренной национальности менее десяти процентов, а в целом среди строителей по республике — чуть больше 20 процентов. А квартиры, известно, чаще и быстрее получают строители. Помимо этого, в газете «Советская Эстония» сообщалось: «бывают годы, когда среди курсантов Таллинской школы милиции представителей коренной национальности вообще нет», молодые эстонцы избегают военных училищ, а вот среди студентов консерватории, музыкальной школы, художественного института и других подобных учреждений учатся в основном эстонские юноши и девушки. И все это очень легко подать с позиций национальной высокомерия, кичливости... Озлобить людей проще пареной репы...

— А Ленин писал, что озлобление играет худшую роль в политике. Если в каком-либо народе проявляются стремления к национальной исключительности, то озлобление к этому народу никак не способствует преодолению негативных явлений, а, напротив, только усиливает его. Отсюда ясно: борьба с самим явлением должна сочетаться с внимательным отношением к народу. Архитакт — вот чего нам пока не хватает. А мы порой спешим осудить.

Мотивы поступков. Не будем их изучать — ничего не поймем, да наломаем дров. Возьмите случай с крымскими татарами. И для них должны быть соответствующие условия, в которых они могли бы удовлетворять свои насущные, специфические национальные запросы. Речь идет о развитии языка, школьного дела, распространении татарских культурных ценностей, традиций... Все эти вопросы, надо думать, в ближайшее время разрешатся. Ведь, как известно, они изучаются правительственной комиссией во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко.

— А что мешает разрешиться так называемому «еврейскому вопросу»?

— «Еврейский вопроса» как социальной проблемы в нашей стране не существует — это выдумки.

Из литературы мы хорошо знаем, каким притеснениям, гонениям, какой травле подвергался еврейский люд в царской России. После революции многое изменилось. В конце 20-х годов, когда евреи пожелали заняться сельскохозяйственной деятельностью, по указанию М. И. Калинина в Хабаровском крае им была выделена территория. Поначалу образовалось два района, которые со временем были преобразованы в Еврейскую автономную область.

Однако так сложилось, что среди населения этой области евреи составляют пять процентов. В настоящее время они в основном проживают в крупных городах: Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Харькове, Кишиневе, Минске... Характерно и другое: доля лиц еврейской национальности в литературе, искусстве, науке, здраво-

МЫ СМОЖЕМ УВАЖАТЬ ДРУГ ДРУГА ЛИШЬ ТОГДА, КОГДА ДЕМОКРАТИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ СТАНЕТ НОРМОЙ ДЛЯ ВСЕХ: УКРАИНЦЕВ, ЯКУТОВ, ТАТАР, УЗБЕКОВ, РУССКИХ, ЭСТОНЦЕВ...

ЭТО ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ ОДНОГО ИЗ ВЕДУЩИХ В НАШЕЙ СТРАНЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК МАСХУДА ДЖУНУСОВА, С КОТОРЫМ ВЕДЕТ БЕСЕДУ НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ СЕРГЕЙ КАЛЕНИКИН.

новоположники нашего государства понимали, что образование СССР — величайшее событие, когда лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» воплощен в государственном единстве нашей страны. Однако под влиянием Сталина этот день как всенародный праздник не отмечался, к сожалению, не отмечается должным образом и по сей день...

Но самое крупное извращение ленинской национальной политики — это насильственное выселение народов, приписывание им массового предательства — явное забвение гуманистических идей пролетарского интернационализма. Это трагедия. И дело тут не только в том, что выселили народ, обидели его произволом. Брошена тень на идеалы братства людей, в национальных отношениях образовалась коррозия, и это не могло не повлиять на сознание других народов. У людей вкралась мысль — а у кого-то она теплится и ныне, — что о человеке можно судить, как-то измерять, оценивать его достоинства и недостатки по национальной принадлежности. Это откровенно националистический подход.

И Ленин, и Николай II — русские, и Тельман, и Гитлер — немцы. Но как они далеки друг от друга, какое между ними громадное противоречие, разное мировоззрение, мироощущение!

Оценивать людей по национальности, закрывать глаза на их идеальные убеждения, классовые взгляды — значит снизить до крайнего национализма.

Предательство — явление социальное, но никак не национальное. Кто спорит, были во время войны перебежчики, предатели, изменники. Но предательство не одноцветная картина. Во время войны изменники находились и среди русских, и среди украинцев, и среди белорусов, и среди отдельных представителей народов Средней Азии, и среди татар, и среди других народов и народностей. Но разве можно тут схоластически утверждать: «этот народ — предатель», «а этот — герой»? Чужь. Подобные ярлыки — из арсенала националистов. Разве это диалектический подход к исторической правде?

Двадцать лет крымские татары пытались обнародовать правду — данные из

фашистскими силами. Такие силы были и в самой Германии. Вспомним Тельмана и его соратников... А говоря об авангарде того или иного народа, мы отойдем от классового, научного подхода к анализу исторического прошлого.

Нации нельзя делить на революционные и контрреволюционные, на прогрессивные и реакционные. Другое дело, когда в какой-то нации берут верх какие-то реакционные силы, которые и создают соответствующую атмосферу в социально-политической жизни страны. Вспомним, к примеру, что кайзеровская и фашистская Германия развязала две войны, но можем ли мы утверждать, что немцы контрреволюционны, реакционны? Нет, не можем — исказим социальный смысл войны. А вольно или невольно искажая, вместо здоровой национальной гордости дадим образчик национального чванства, а под видом патриотизма будем протаскивать национальную исключительность, чем, кстати, грешат некоторые члены самодельного объединения «Память».

— Видимо, и в нашей беседе нельзя умолчать о «Памяти», ибо какую бы позицию лидеры этого объединения ни занимали — это позиция и по национальному вопросу, на которую довольно-таки остро реагируют люди.

— «Память». Об этой самодельной организации сказано много... Я как ученый считаю, что нужно разбираться как в причинах появления «Памяти», так и в самом самодельном обществе. Нужны исследования, анализ. Обвинения в экстремизме еще не решают проблемы.

— «Память» — объединение неоднородное. Среди его членов — люди с различными политическими, эстетическими, социально-экономическими взглядами и убеждениями. Но, увы, некоторые члены этого объединения, используя процесс демократизации общества, гласность, атакуют некоторые наши социалистические ценности, протаскивают шовинистические идеи, пренебрегают лучшими гуманистическими традициями русской общественной мысли.

внедряться тезис об «инородцах», «иноверцах»... Да если мы начнем заниматься восхвалением каждой нации, то зайдем в такие тупики, из которых ох как непросто выкарабкаться...

Среди прочих аргументов «Памяти» — Нечерноземье. Верно, Нечерноземье — колыбель русской культуры, русской государственности — за последние 20—30 лет пришло в упадок. И это вызывает боль у людей, и не только у русских.

Дело в том, что есть Нечерноземье и Черноземье. И отдача на единицу труда там и там, разумеется, разная. А это не учитывалось. Не учитывалась дифференциальная рента. Вот и вовсе оскудело Нечерноземье — появились брошенные деревни, люди перебираются в более благополучные места...

В последнее время, как знаете, предпринимаются попытки поправить дела. Но, чего греха таить, помощь союзных республик Нечерноземью пока что носит чисто символический характер. Впрочем, есть интересный опыт решения этой проблемы. И надо о нем сказать. Между Ножай-Юртовским райкомом партии, райисполкомом Чечено-Ингушетии и Молоковским райкомом, райисполкомом Калининской области заключен договор о сотрудничестве.

Дело в том, что в Молоковском районе — более пяти тысяч гектаров пашни, а людей крайне мало — на каждого работающего 33 гектара земли. Совершенно иное положение в Чечено-Ингушетии, где на человека приходится один-полтора гектара. Тоже проблема. Так вот, несколько колхозов Чечено-Ингушетии в Молоковском районе создают свои филиалы, на хозрасчетной основе получают семена, машины, обрабатывают землю и прочее. Все излишки, которые образуются после госпоставок, остаются в распоряжении колхозников. Взаимная заинтересованность. Люди довольны, и калининцы, и южане. И не было на сей счет никаких постановлений, распоряжений сверху. Опыт очень интересный, достоин пропаганды и распространения. В Средней Азии, Закавказье трудозатраты на единицу молочного продукта в три-четыре раза больше, чем в республиках Прибалтики. Так почему бы на хоздоговор-

«**П**риходить ко мне и не думайте. Ничего мне от вашего общества не нужно. А вот если вы на самом деле «милосердие», то достаньте мне лучше яду. Я устал жить...»

Письмо короткое, всего несколько строк, но в каждой строке — отчаяние одиночества. На конверте, кроме обратного адреса, лишь одно слово — «Милосердие», но ленинградские почтальоны знают, кому адресованы такие письма.

И вот уже дежурные координационного центра общества милосердия «Ленинград» дают задание одному из своих отрядов: срочно выяснить, что с человеком, успокоить его, помочь!

...В марте прошлого года «Литературная газета» опубликовала статью Даниила Гранина «О милосердии». Потом статья прозвучала по ленинградскому радио. Резонанс огромный. Люди спорили, размышляли: как вернуть милосердие, как победить равнодушие в других, да и, чего скрывать, в себе самих?

Это напоминало общегородской референдум. Многие говорили о том, что именно в забвении сострадания, участия, сердечности — истинных качеств человека нравственного — начало того, что нынче стыдливо называем мы негативными явлениями. Почему, встречая вместо отзывчивости, доброты, внимания — равнодушные, цинизм, черствость, мы миримся со злом? Не восстаем, не кидаемся в бой, а молчим, прячемся?

Вопросов было много. Ответов — мало. Свой вариант решения предложили группы энтузиастов — они помогают старикам, шефствуют над детдомовскими ребятами, ходят в походы с «трудными» подростками, организуют общественные поликлиники для ветеранов, словом, делают хорошее дело, не особенно афишируя его, испытывая лишь потребность творить добро. Именно эти группы, эти энтузиасты составили ядро формирующегося общества.

...Есть в Ленинграде педагогическое училище № 5, а в нем — музей «Дети блокады». Его создали полтора десятилетия назад педагоги и воспитатели, когда-то разделившие вместе со своими питомцами все тяготы и лишения осажденного города. Из той блокадной поры дошли до нас свидетельства доброты тех, кто жертвовал всем, отдавал последнюю кроху хлеба голодающим ребятишкам. Вопреки горю и смерти в человеке проявлялись лучшие его качества — бескорыстие, способность к самопожертвованию.

Вот только один пример. Декабрьским утром кануна 42-го года воспитатель детского сада Евдокия Чугай — ей было тогда восемнадцать лет — отправилась за елкой для новогоднего праздника. Голодная и обессиленная, под обстрелами, шла она целый день на окраину города и только когда стемнело оказалась на Охтинском кладбище. Елок там росло много, но пока срубила колючее деревце — настал комендантский час. И представить трудно, каково же ей, девчонке, было: целую ночь, лютую декабрьскую ночь провести на кладбище, дожидаясь рассвета... Лишь к вечеру следующего дня добрела девушка к своим ребя-

Елизавета БОГОСЛОВСКАЯ

МММ

Ленинградка.

тишкам. И когда увидела радость на исхудавших личиках, наверное, забылись и ледяной ветер, и страхи, и тяжелая дорога через город...

Все меньше остается в живых тех, кто пережил блокаду. Очень часто они одиноки — война скосила целые семьи, и у многих ленинградских стариков сегодня на свете ни одной родной души.

Человек рождается со способностью откликнуться на чужую боль, писал в статье «О милосердии» Даниил Гранин. Это чувство врожденное, данное человеку вместе с инстинктами, с душой, но без постоянного напряжения оно слабеет и атрофируется. И потому ленинградцы, люди разных профессий и возрастов, решили действовать. По инициативе Гранина был создан координационный центр, взявшийся за формирование общества милосердия. Единственное требование к членству — чтобы в результате твоих усилий хоть одной живой душе полегчало! Это стало основным принципом всех, кто включился в работу.

Осенью прошлого года на многолюдном собрании в Ленинградском Доме писателя горожане обсуждали, каким быть новому обществу. Создать денежный фонд помощи, кооперативы, которые обслуживали бы одиноких и больных стариков, вдохнуть жизнь в увядшее тимуровское движение — идей и добрых порывов

У этого старика есть дети.

было много. Но уже на первом собрании стало ясно: основываться новая общественная организация должна на энтузиазме, подвижничестве. Творчество души — вот что требовалось от ее участников.

Перед координационным центром открылась бездна проблем.

Вот письмо, написанное детской рукой: «Только не говорите никому, что это я вам пишу. Сами приходите и увидите. Она добрая, она хорошая. И раньше совсем не пила. Она красивая. Если вы всем помогаете — уговорите ее лечиться, а за это я обещаю, что, когда вырасту, буду хорошим человеком, буду служить в армии. Буду о маме заботиться, особенно когда она станет старенькой».

А вот письмо старика: «Воввал на Лужском рубеже, хоронил друзей-товарищей. Был тяжело ранен. Очнулся в Ленинграде, как раз когда горели Бадаевские склады — пахло горячей хлебной корочкой. Говорят, блокадный голод начался с этого запаха. Подлечился, из госпиталя перед отправкой на фронт все же успел забежать домой, на Лиговку — с женой и дочкой попрощался. Оказалось — навсегда. Зимой их не стало. Дрался с фашистом, не жалея сил, имею две Славы, Красную Звезду, медали. А теперь я инвалид, никому не нужный, беспомощный. И такая тоска...»

Ровные, скорбные строчки: «Наша

Где искать ответ на этот вопрос?

МИЛОСЕРДИЕ

беда — самая страшная. Дочери 27 лет, прикована к постели пожизненно. Буду рядом с ней, пока есть силы, но замечаю, что они уходят. Если бы вы, общество милосердия, разработали какие-нибудь приспособления для ухода за тяжелобольными. Нужны коляски, тележки, подъемники. Очень на вас надеюсь».

И снова дрожащая рука: «Люди добрые! Зайдите ко мне хоть разок, пусть соседи увидят, что не одна я на белом свете, что кто-то за меня и заступиться может. Все мои родные на Пискаревском лежат, а я теперь жалею лишь о том, что не померла вместе с ними от голода, что на беду свою выжила...»

Грустное лицо старика, заплаканное лицо ребенка видятся за этими письмами. И нельзя не откликнуться на зов, не помочь...

Комсомольский отряд милосердия техникума целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности взял шефство над домом престарелых и инвалидов № 5 в ленинградском пригороде —

Стрельне. Обязанности у шефов немудреные: написать письмо, вытереть пыль, заштопать прохудившиеся носки или кофту, помыть полы, двери, окна. И обязательно — поговорить со старушками о том, о сем. Некоторые ребята настолько втянулись в эти заботы, что стали записывать воспоминания своих новых знакомых. Ведь каждая судьба — книга, в ней и радостные, и горькие страницы, наша история. Бабушки с готовностью рассказывают. Ну, а прежде чем распрощаться со старушками до следующей встречи — молодежь дает концерт. Читают стихи, песни поют и современные, и те, что звучали, когда бабушки были невестами. У молодых — сами признаются — комок в горле.

И все это могло бы умилять и трогать, если бы... Впрочем, полистаем записи в дневнике командира отряда, секретаря комитета комсомола техникума Алексея Лушниковца:

«Агриппине Ивановне 74 года. Время не пожалело ее. Руки и лицо — высохшие, в глубоких морщинах.

Член клуба «Феникс» Геннадий Федоров в интернате частый гость.

Одна нога ампутирована по колено еще в войну.

— Третий год я здесь — говорит. — Трудно стало на кровать-то забираться. Скорей бы господь позвал...

Показывает тоненькую стопку почтовых открыток.

— Это от сына. С праздником регулярно поздравляет, — говорит она с гордостью. А это — от внучат. Сколько прошу — фотокарточку никак не вышлют. Дел, видно, много...

Ее отдали сюда, чтобы она не мешала сильным, «деловым» сыновьям и внукам. И она понимает, что это ее последний дом. А что, если отправить фотографии престарелых отцов и матерей их детям? На мой взгляд, предать родителей — значит предать Родину. Предавших Родину ждет суровое наказание, а дети, предавшие своих родителей, спокойно живут и работают, даже руководят другими. Таких много. Пусть посмотрят сынки и дочки на снимок. Может, что-то и екнует в душе. Придут, навестят, а кого-то и домой заберут. Всякое бывает...

Опытные люди — работники интерната идею с отправкой фотографий воспринимают скептически. Мы говорим об этом с Лушниковым по дороге к дому старика, с письма которого начался наш рассказ. Это он просил у общества милосердия только одного — «яду». Алексей волнуется:

— Иной прочел бы такое письмо и решил, что его разыгрывают. Но стоит встретиться взглядом с таким вот брошенным стариком — и уже не до шуток.

...Дверь открыла чистенькая румяная девочка. Махнула рукой в сторону длинного коридора коммунальной квартиры: «Вторая дверь налево»...

Мы постучали, не услышав ответа, вошли. В сумеречном свете показалось, что в комнате никого нет. Потом где-то в углу скрипнула пружина и раздался кашель, клокотание, хрипы. «Воды!» — разобрали мы.

Старик был настолько слаб, что даже не прореагировал на наше появление. Ему было все безразлично, точно как в письме: «я устал жить».

Пока мы вызвали по телефону врача, соседка бодро сообщила, что давно бы уже они отправили деда в приют, да не положено — сыновья есть у старика. Мы дождалась «неотложки», и приехавший врач сказал, что старика нужно немедленно в больницу. Врач ничуть не удивился запущенности и беспризорности этого дома и его хозяина: «Сколько таких...»

Мы вышли на улицу и по пути остановились перед необыкновенно парадным фасадом старинного петербургского особняка. Шедевр архитектуры. Мощные карiatиды подпирают балконы. Уютно светятся окна. Все выглядит благополучно. А за этим фасадом то, к чему мы только что прикоснулись: и людская черствость, и боль, и слезы, и беспомощность старого, всеми брошенного человека.

Не вяжется с бодрым взглядом на действительность? Но это есть. А ведь этого не должно быть!

...Прошло несколько дней, и вдруг я поймала себя на том, что все время — на улице, на работе — невольно вглядываюсь в лица людей. Пытаюсь определить, что за «фасадом». Вот этот румяный, спортивный мужчина — не сын ли он того старика? А эта девочка с красными от холода руками — почему мать не напомнила ей о варежках, да и есть ли этой матери дело до дочки? А старики на скамейке? Что у них? Не нужно ли им чем помочь?

Милосердие. Милосердствовать... Рядом с этим словом в словаре пометка — «устаревшее». Неужели и правда устарело это понятие?

Вглядываюсь в лица незнакомых людей. Могу ли я что-то сделать для них?

И молодые бывают одинокими.

Счастье, когда рядом есть мама.

Необычайно возрос читательский интерес к документальной прозе, к художественной литературе, в основу которой положено подлинное событие. Появились книги, кинофильмы, спектакли, созданные по дневникам, стенограммам, письмам. Читателя сегодня привлекает неповторимость и достоверность фактов.

Мы уже привыкли к тому, что многие написанные во время войны произведения находят дорогу к читателю в наши дни.

Сегодня предлагаем вашему вниманию один из таких рассказов Алексея Суркова. «Эти строки,— писал он,— не репортаж, не зарисовка, а слепок душевных переживаний, вызванных первыми днями войны, документ, к которому мне ничего не хотелось добавлять».

Все началось, как в завязке неприятельного романа.

Утром у нас, во Внукове, почему-то был выключен электрический ток. Радио молчало. Утро было тихое, розное, солнечное. В скворечниках возились скворцы. Прыгали по песку трясогузки. Штали по небу самолеты. На воскресенье назначено — закончить всяческие мелкие работы по дому, чтобы уже больше не возвращаться к «прозе существования».

Около двух часов дня я стоял на стремянке и прибивал к потолку электрический плафон. Прибил. Бросил на пол молоток, крикнул стоящей внизу Софье:

— Конец! К черту, все кончено. Хватит возиться.

И снизу с улицы ошалелый крик деда:

— Алеша! Немцы нам войну объявили.

Этого ждали давно. К этому готовились два десятилетия. Уже привыкли каждую весну настораживаться и ожидать. А последняя весна была особенно напряженная. Наша позиция в отношении Югославии о многом говорила. Немецкие штучки в Румынии, на Балка-

нах даже не очень искушенному в политике человеку многое подсказывали.

И все же принесенная дедом весть свалилась как снег на голову. Давножданное оказалось ошеломляюще неожиданным и щемящим сердце. Остановилось дыхание. К горлу подвалил какой-то ком.

Все вокруг — и пронзительно солнечный день, и время от времени прорезаемая гулом мотора тишина леса, и птичий щебет — все сразу изменилось, прибрело и новую окраску, и новую значительность.

И, может быть, от растерянности появилась острая потребность в движении, в действии.

Раз война — значит, в армию — значит, немедленно в Москву. Без сговора, без предупреждения Софья пошла собирать мне солдатское «приданое» — белье, полотенца, мыльницу, зубную щетку, раскапывать под ворохом штатских вещей обмундирование, сохранившееся со времени финской войны. Алешка полез за наганом. Бабушка на кухне тихо всхлипывала в платок. Дед, как всегда, суетился и производил шум. Только трехлетняя Наташа, повиная счастью своего возраста, бегала и шумела, как будто бы ничего и не случилось...

Ехать в Москву! Но с голыми руками ехать нельзя.

Алексей СУРКОВ

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Ведь, наверное, в редакциях сейчас кипит, как в котле. Ведь завтра надо выпускать первые военные номера газет.

И хотя не до рифм и ритмов было, хотя непреодолимо тянуло скорее узнать все и все выяснить, и с войной, и с собой, заставил себя сесть за машинку.

Писал залпом. Не оглядываясь, как выходило. Не вылезая из-за стола, закончил черновик и перепечатал набело оригинал первого стихотворения этой войны — «Присягаем победой». Сейчас читаю его и вижу, что получились довольно заурядные газетные стихи

«на злобу дня». А тогда от этих посредственных строк самому плакать хотелось. Писал это стихотворение, а в голове все время вертелись строчки из написанной еще под конец финской войны, но как-то все-таки не сложившейся «Песни смелых»: «Смелого пуля бьет, смелого штык не берет». Не будучи в силах отделаться от этих строк, стал заново писать текст песни. Получилось почти совсем не то, что было раньше. Только припев остался старый.

Итак, в кармане два стихотворения. Все готово. Не зная, придется ли вернуться назад, прощаюсь со своими и вместе с Софьей еду в Москву. Уже везде — по дороге на вокзал, на Брянском вокзале, в вагоне поезда, на Брянском вокзале, на улицах Москвы — атмосфера насыщена войной. О войне говорят. На войну собираются. Навстречу войне едут в первых эшелонах. О войне кричат экстренные выпуски газет. Война зияет чернотой строк приказов о введении военного положения, приказов МПВО о затемнении и порядке объявления воздушных тревог и отбоев. Грузные, как свинец, слова войны обрушиваются на барабанные перепонки из черных раструбов радиорупоров.

Прямо с вокзала еду в редакцию «Правды». Первый человек, встреченный в «Правде», — Николай Кружков. Он уже в военной форме. Уже получил назначение заместителем редактора в газету Южного фронта. Уже получил предписание и литер и вечером уезжает не то в Одессу, не то в Кишинев. Коля взволнован и в меру «под газом». Обнимаемся. Целуемся. Говорим непонятные слова. Уговариваемся встретиться «в шесть часов вечера после войны».

Кабинет Железнова. Он еще на своем посту, но уже одной ногой в армии. Он тоже едет след за Кружковым на Южный. Стихи не вызвали ни замечаний, ни поправок. Идут в набор, чтобы завтра и послезавтра встать на полосу. Звоню по забитому вызовами коммутиратору НКО и добиваюсь Баева. Велит немедленно приехать. Еду на Знаменку. Там дым коромыслом. Литераторы, журналисты входят и выходят. Получают назначения, предписания, литеры, наряды на обмундирование. Мне сказано, что начальник велел направить меня в редакцию газеты Западного фронта «Красноармейская правда». Сегодня отъезд не оформят. Огорченный, уезжаю во Внуково.

Наступает первая военная ночь. С тревожным ожиданием налета, с темными домами, вобравшими электрический свет в импровизированные шторы из одеял и прочего текстиля, способного встать стеной между темнотой улицы и светом жилья.

С утра опять отправляемся в город. Вторая порция горечи прощания, слез и всего, что связано с отрывом от родного и обжитого. При выходе из вокзала встретил своих — Джека Алтауэна и Александра Твардовского. В обстановке общей тревоги поразило совершенно сияющее круглое лицо Джека. В новенькой военной форме, в фуражке с малиновым околышем, из-под которой выбивались смолевые кудри, он был как политрук с довоенного плаката. Больше нам с Джеком не удалось встретиться. Говорили мне, что он был хорош в армии. Через год в окружении, под Харьковом, его раздали немецкий танк. Уверен, что смерть он принял мужественно, по-солдатски.

С 23-го по 26-е были изнурительные дни неясности и бесплодного терзания каждодневными расставаниями с родными. В ПУРе сказали, что по указанию из ЦК отправка меня во фронтовую газету временно отложена, так как решается вопрос о том, где меня нужно использовать. Побежал в «Правду» к П. Н. Поселову, уловив краем уха, что собираются послать на фронт собкором «Известий». Стал всячески просить перенять и отправить от «Правды», с которой, при всех скачках отношений, был связан полтора десятилетиями работы. При мне звонили Мехлису. Тот сказал, что он мной уже не распоряжается. Потом разъяснили, что поеду собкором «Известий», потому что от «Правды» уже едут многие писатели, а «Известия» имеют пока одного Николая Вирту. Отправился к новому хозяину. Хозяин принял радушно и весьма любезно, несмотря на то, что я не скрыл своего недовольства неожиданным поворотом в моей судьбе. Сказал, что меня загадали послать на Западный фронт в группе корреспондентов, состоящей из Евгения Кригера, находящегося уже на месте, Петра Белявского, неизвестного Александра Склезнава и фоторепортера Павла Трошкина. Кригера, чудесного товарища и превосходного журналиста, я знал еще со времен совместного жития на финском фронте. Петра Белявского, столь же замечательного товарища и прекрасного военного корреспондента, я узнал осенью прошлого года, когда ездил для проведения октябрьской радиопередачи в Кишинев. Первое же знакомство с Трошкиным показало, что это хороший товарищ, а дальнейшая совместная работа дополнила первое знание о нем убеждением в том, что он один из лучших, бесстрашнейших, способных для дела на любой риск военных фоторепортеров.

Все было оформлено — до «лейки» с хорошей заграничной пленкой и до некоей толики еды на дорогу. Оставалось оформить наш отъезд. И с этим-то затянулось на целых три дня. Каждый день собирались и не уезжали.

Чтобы не бездельничать, переделал на новый лад старую популярную свою песню «По военной дороге».

Что-то писал, готовил лозунги, печатавшиеся в те дни в «Известиях», а потом перескочившие на заборы и стены московских улиц.

Виделся с Владимиром Ставским. У него к не зажившей еще как следует после ранения ноге присоединилось новое горе — перелом большого пальца на руке. Сидели. Толковали. Он рассказывал, что виделся с Мехлисом и тот сказал ему, что ждать короткой и легкой войны не приходится, что война будет тяжелой, трудная, затяжная, с неприятностями. Для меня такой прогноз не был новым. Слишком хорошо я знал нашу армию по освободительному походу на запад и по финской войне, чтобы иметь достаточно оснований не строить радужных надежд на войну «коротким и сильным ударом», «малой кровью», «на чужой территории». И все-таки трезвые слова компетентного человека как-то облегчили душу. Ставский, как всегда в кульминационные минуты, и патетичен, и чувствителен. Это и немного смешно, и трогательно. Мы с ним помечтали о хорошей развязке, всплакнули и, кажется, немного выпили. Он сетовал на руку и ногу и завидовал мне, что я уже одной ногой на фронте.

Три дня вертелся как белка в колесе. Оказалось, что я — квартирьерщик и дачный пайщик — беден, как церковная крыса, и семью приходится оставлять почти без копейки денег. Припоминал, где мне должны. Звонил и забегал. Денег не получал, но получал обещания, что жене без меня заплатят по доверенности. Наскоро «налек» пачку доверенностей, по которым, кстати сказать, так без меня Софья почти ничего и не получила. Так у нас, к сожалению, часто водится. Пока сам ореш, еще чего-то добиваешься, как сорвался, так по принципу «с возу долой, коню легче» о тебе быстро забывают.

Четыре первых военных дня, проведенных в Москве, представили мне нашу литературную братию в лучшем свете, чем казалось до войны. Хотя и тут уже было не без греха. Митинговали очень жарко. Живот на алтарь отечества клаялись запальчиво. На людей, уже уехавших на фронт или собиравшихся ехать, смотрели, как на счастливых, с завистью. Конечно, не все, но подавляющее большинство. Список наших военных потерь — горькое, но гордое подтверждение этих моих слов.

Фадеев стал заведующим отделом литературы и искусства в «Правде» вместо Кружкова. Деловито и серьезно уехали на фронт Твардовский и Симонов. С некоторым налетом патетики, но по-хорошему, по-солдатски, уехал Безыменский. Легко и по-ребячьему уехал Долматовский навстречу ожидающим его большим испытаниям. О Джеке я уже говорил. Виктор Гусев при встрече со мной говорил с горечью, что его заставляют работать на радио и закрепляют за кинокомитетом. По-хорошему хорохорился и хрипчатый Константин Финн и при первом же случае вырвался-таки на фронт. Пробыл он там недолго, но не оставил горького осадка.

Не буду говорить о тех, кто не торопился или только для вида торопился уезжать на фронт. Их было так мало, что фальшинка их поведения не испортила общей картины горячего и искреннего патриотизма писателей.

Так было с братьями писателями... А народ? Народ толпился на мобилизационных пунктах военкоматов, в быстро разросшихся очередях у продовольственных и ширпотребных лавок, прилаживал к окнам затемнительные шторы, обзаводился противогАЗами, рыл нехитрые бомбоубежища и устанавливал очереди для дежурств по ночам и дням в подъездах и воротах домов. Народ входил в войну как всегда. Без того палье-машевого пафоса, каким облекли его существование еще не перестроившиеся газетчики, без стереотипных фраз, с плачами и причитаниями на мобилизационных пунктах и у дверей товарных вагонов, отправляемых на фронт, с гармоникой и поллитровкой, как было, да как, пожалуй, и будет, если еще придется воевать.

Народ шел на войну, повинясь малообъясненному умными людьми закону социального и национального чувства самосохранения не как на праздник, а как на неизбежный тяжелый труд и муку. А те, которые шли по плакатным образцам (молодежь по преимуществу), были самые несчастные. Через короткое время им пришлось пережить всю нестерпимую горечь разочарования и крушения иллюзий и эфемерии.

Я толкался все свободное время в эти дни на вокзалах, на мобпункте Москворецкого военкомата на Люсиновской, на улицах, возле колонн проходящих мобилизованных. Вглядывался в глаза и лица, вслушивался в слова и вздохи.

Сыновья солдат той большой войны, повинясь, видимо, биологическому инстинкту, преемственности чувств, во взглядах, словах, вздохах и походке, были похожи на тех, кого я видел в такое же душное лето 1914 года на улицах Петербурга, тогда еще не успевшие стать Петроградом. И жены, и матери солдатские были такими же. Они шли по улице, так же держась за локти и сундучки своих мужей, сыновей и братьев, как держались когда-то их матери. Они так же в последний раз обсуждали со своими подвыпившими «для храбрости» кормильцами будущую жизнь без «самого», всхлипывали и в последний момент начинали причитать уже совсем по-древнему, словами и ритмами старых бабьих заплачек. Хотели ли воевать эти люди?

Едва ли! Но они, не находя даже слов для выражения этого, знали и чувствовали, что воевать все-таки будут, и шли в неизбежность, покорные тому общему чувству локтя, которое делает из тысяч и миллионов отдельных личностей народ, нацию.

Запомнилось — в день нашего отъезда я поравнялся возле Белорусского вокзала с колонной мобилизованных. Их было много — около тысячи. Шли рядовые москвичи, по преимуществу люди простые, трудящиеся. Недалеко от головы колонны шел сильно подвыпивший парень с двухрядкой. Он дурашливо улыбался. Из-под сдвинутой на затылок кепки выбивались редкие русые волосы. Парень довольно бестолково перебирал пальцами лады и выкрикивал ухарские слова рязанской частушки.

Сосед, человек в возрасте сильно за тридцать, сопровождаемый женой с грудным ребенком и двумя маленькими бледненькими девочками, как раз в тот момент, когда я поравнялся с их рядом, обернулся к гармонисту и негромко, но зло сказал:

— Отстань ты, черт, пилить! всю душу вымотал. На свадьбу, что ли, собрался?..

...И русоволосый парень с гармошкой, и мастеровой с семейством и были тем самым русским народом, который пошел принимать ратный подвиг за Родину.

Стоит еще сказать о ночи с 24 на 25 июня. Эту ночь провел я во Внукове. В эту ночь была в Москве «пробная тревога». Тревога эта была по всем внешним признакам очень похожа на вразправдашнюю. Сейчас, когда после двадцати двух месяцев скитаний по местам, посещаемым немецкими самолетами, уже притупились все ощущения, связанные с воем сирен, ревом зениток и урчащим, зловещим воем авиамоторов, наполняющим небо, ночь на 25 июня кажется игрушечной. Но она была первым полным ощущением того нового, что внесла именно эта война в быт народа, — ощущением кроважадного, воющего, несущего смерть пространства над головой.

Как и во все предыдущие ночи, спалось плохо. Каждую ночь оказывалось, что многое из того, что обязательно нужно было сказать, не сказано. За разговорами ночь переваливала на вторую половину. Окна были раскрыты настежь. С севера доносился дробот колес пробегающих почти непрерывно поездов, и рев моторов, и ляг танковых и тракторных гусениц на автодороге Москва — Минск.

Старики и дети уснули. В окнах, сквозь затейливый узор березовых ветвей, проступало темно-синее звездное небо.

И вдруг издали, глухо всхлиывая, запела сирена. К ней присоединилась другая, третья... На станции Внуково растущий вой подхватили паровозные гудки. Звучали свистки на одицовских кирпичных заводах...

— Воздушная тревога!
Вот и до нас добралась война.
Метнулись в небо синевато-белые стрелы прожекторов. Справа, слева, особенно оттуда, где за лесом, на северо-востоке, залегла Москва. Прожекторные лучи скрещивались и разбегались. Вспыхивали и потухали. Все небо казалось исполосованным белыми рубцами. Оттого звезды как-то ушли в высоту, потускнели.

Рявнула первая зенитная пушка. И сразу, как разрастающийся гром, и вдалеке, и где-то рядом, вокруг, в лесу закричали сотни орудийных глоток. Небо наполнилось золотыми яблоками разрывов. Характерно посистывала, стали где-то совсем рядом падать осколки снарядов.

Иногда в скрепенье прожекторных лучей возникал самолет и пропадал. Иногда над лесом нарастал, пробиваясь сквозь орудийный грохот, рев мотора самолета. Зенитные пулеметы вычерчивали в небе красивые, разноцветные светящиеся траассы летящих пуль.

Проснулись старики. Проснулись ребята. На соседних дачах возникло тревожное движение.

Из сараюшки выполз дед — смешной, в нижнем белье, в ботинках на босу ногу, с одеялом на голове. С ним Алеша. Старый и малый сразу же деловито стали подсчитывать выстрелы. Излишек и недостаток возраста уравнили их отношение к происходящему. Софья нервничала. Решили перенести Наташу в сторожку. Девочка, еще не проснувшись как следует, чувствуя, что руки матери дрожат от нервного озноба, кричит:

— Мама, зачем ты меня трясешь? Не надо меня трясти!

Потом, когда мать расположилась с ней на полу в тесной комнатке сторожки, она стала кричать:

— Я не хочу лежать. Я хочу смотреть, как они бомбят.

Пожалуй, эта ребячья реплика было самое жуткое из всей ночи, из всех первых дней войны.

Соседи бегали по оврагу, и я слышал, как Лев Славин, знавший вкус бомбежек по Халхин-Голу, инстинктивно свою маленькую команду, что и как надо и не надо делать.

Стрельба кончилась на рассвете. Все внешне было так естественно, что не вызвало сомнений во всадежности ночного налета и казалось настоящим первым боевым крещением.

Тем больше было удивления (и, по чести сказать, некоторого недоверия), когда, приехав утром в город, узнали, что тревога была учебная, не настоящая.

Двадцать седьмого наконец все злоключения с под-

готовкой к отъезду были закончены, и мы приготовились к отбытию на Западный фронт. Было выяснено, что поезд по расписанию не идет. Надо ехать с попутным эшелоном.

Семьи наши собрались в редакции, в зале заседаний. Последние приготовления кончились. Машины подали к подъезду. Решили с родными проститься в редакции, не таскать их на вокзал.

Уселись. Последнее прощание. На душе тяжело и смутно. Последние нити связи с теплом домашнего существования обрывались. С осени 1939 года у меня это было третье расставание перед отъездом на фронт. Но к этому нельзя привыкнуть. Когда-то вновь удастся найти концы оборванных нитей и связать их? Шоферы дали газ, и машины рванулись вперед, завернули за угол и помчались по широкой и людной улице Горького, к Белорусскому вокзалу.

Огднулся на повороте. В овале заднего стекла машины на большой площади у подъезда редакции сиротливая группа провожающих. Кажется, плакали. Это последнее домашнее воспоминание. Потом было два месяца полной неизвестности, ибо первые письма пришли только в конце августа, уже в Касню, под Вязьмой, из далекой камской эвакуации.

Белорусский вокзал был набит до отказа военными. Тут были по преимуществу командиры и политработники, спешащие из отпусков в свои части. На всем пути до фронта нам пришлось видеть тысячи таких отпускников. Было такое впечатление, что по крайней мере добрая половина всех командиров и политработников ЗАПОВО почему-то именно в это тревожное и напряженное время была распушена в отпуска. Все это были люди из гарнизонов пограничных городов — Бреста, Беловежа, Ломжи, Остроленки, Гродно, Августова, Волковыска и других. Среди них были командиры разных рангов — от командиров дивизий и полков до взводных. У большинства из них там, в гарнизонных городах, остались семьи, и они еще не представляли той трагедии, что произошла в эти страшные первые пять суток войны. Не оправдавшая себя военная доктрина последних лет еще целиком господствовала над их сознанием. Не больше чем через неделю им предстояло распрощаться с обжитым миром представлений о войне и принять на сердце боль потери семьи, быта. Было от чего этим людям сесть в бессонные ночи в лесах за Бобруйском, Могилевом, Борисовом, Оршей, Витебском и Смоленском.

Самый ходовой из нас — Павел Трошкин — отправился в разведку насчет выяснения возможности попасть в поезд, идущий на Минск. В ожидании результатов разведки мы приспосаблились в уголке зала ожидания, близ комнаты военного коменданта. С первых же шагов по вокзалу поразил большой беспорядок и неорганизованность. Майор, комендант, совершенно выбитый из привычного распорядка, забывший, когда он последний раз спал, начисто потерял голос и душевное равновесие. На том же уровне находились и его помощники. Никто ничего не знал, никто ни на какой вопрос не мог ответить. Полная неразбериха царила в том месте, где должно было царить порядку и размеренной организованности.

Пришел Трошкин и обнадежил возможностью уехать в спецпоезде Буденного. Не поднимая шума, тихо собрали свои пожитки и отправились к перрону. Но все попытки прорвать кордоны, окружившие спецпоезд, окончились неудачей. Мы еще были тогда слишком деликатны и не догадались в темном уголке перемахнуть через железную решетку ограда. Спецпоезд на наших глазах получил паровоз и ушел в ночь...

Около полуночи кто-то пришел и сказал, что где-то на товарной стоит эшелон с тракторами, отправляющийся с ним. Комендант посоветовал отправляться с ним. Провожатого, однако, не дал, ссылаясь на отсутствие людей. С тяжелыми рюкзаками и чемоданами большая группа командиров отправилась искать в запутанной темноте забитого разными составами товарного двора желанный эшелон. Болтались долго. Наконец нашли. При длинном составе, груженном тракторами ЧТЗ, мобилизованными в сельских МТС, нашли три пустых, совершенно не оборудованных под людские перевозки, вагона, пол которых был густо посыпан угольной пылью. С грехом пополам, как сельди в бочке, разместились на полу — кто на чемоданах и мешках, кто на корточках.

Долго с замиранием сердца следили за маневрированием паровозов, составляющих эшелон. Потом почувляли толчок в голове состава. Прогнусавила дудка составителя. Троекратно отрывисто прокричал паровоз. Лязгнули тарелки буферов. Вагоны вздрогнули и сорвались с места, отсчитывая все чаще «тик-так» на стыках рельсов.

Тихо, без грома оркестров, без залихватских солдатских песен еще один эшелон отошел от Москвы навстречу великой и трудной войне.

Больше года война пыталась нас, советских людей, железом и кровью, болью потерь и унижением отступлений.

И радостно мне писать эти строки спустя двадцать два месяца, в дни, когда ветер боевого счастья повернул с востока на запад, когда за нашей спиной сверкает незакатное солнце Сталинграда, освещающее трудную, но неизбежную дорогу на Берлин.

Москва
Апрель 1943 г.

ЮРИЙ ЧЕХОНАДСКИЙ

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Поменьше трагизма, поменьше!
Смотрите, как падает снег,
как лица прекрасны у женщин,
как чуден нам отданный век.
Поменьше, поменьше трагизма,
отчаянья, страха и слез —
не все еще кончено в жизни,
не все еще в жизни — всерьез.
Над многим напрасно мы бились,
но живы мы будем еще —
не все катастрофы случились,
и горе мы знаем не все.
Полны мы иных вдохновений,
и, мир этот горький любя,
в горячем потоке мгновений
увидим, увидим себя,
когда он, без дна и без края,
безмерной свободой пьян,
вольется, ревя и играя,
навечно в седой океан.

ТАНКИСТ

Я видел пламя изнутри,
я видел, как оно рождалось:
мгновенье, аспышка —
время сжалось, —
а пламя вырвалось, прорвалось —
с тех пор во мне оно горит.

Я видел пламя изнутри,
когда наш танк,
засев в овраге,
вдруг вспыхнул, как комок бумаги,
и мир взревел: «Умри! Умри!»

И плавилось лицо мое,
и пальцы таяли, как свечи,
и так, казалось, будет вечно, —
но крепче сталь,
коль жарче печи,
и кровь, как колокол на вече,
тугая, грозно в сердце бьет.

Крещен в купели из огня,
я выйти смог живым из боя
и был произведен в герои —
вы не смотрите на меня.

Туда хочу я каждый год
поехать —
этот день так жду я!
Но знаю: снова не смогу я
миг пережить, последний, тот...

КОВРИК

РАССКАЗ СОЛДАТА
Тряпичный коврик деревенский,
из «Русслянд» сувенир —
трофей,
на вилле мы в предместье венском
нашли под грохот батарей.
Нет, лучше я ковров не видел,
не передать подобных чувств.
Владелец виллы был «ценитель»
ремесел, промыслов, искусств.
Хрусталь из Чехии, полотна
из европейских галерей...

...Прижав к себе детей
голодных,
мадонны ждали у дверей.
Да, я запомнил эту дату
лучше дат иных боев —
сверкал фарфор и мрамор статуи,
был дом наполнен до краев,
и, видно, ценностью немалой
считался коврик из тряпич,
висящий в самом центре зала
среди фламандских пышных лиц.
Бежал владелец,

был ли пойман —
не знаю... А не все ль равно!
Спасли мы наш российский коврик
с Россией нашей заодно.
Споткнувшись, сволочи, упали,
нашли свою гибель в ней!
Вот только жаль сержанта Ваню,
я с ним был с самых первых дней.
Мы ничего не взяли кроме —
какой достался он ценой!
Да вот не дожил Ваня, помер
в теплушке по пути домой.
Всем эшелон хоронили
его уже в земле родной,
на коврик тело опустили
и радость с горем вместе пили,
объятья думою одной.
И мягко там лежать Ванюше,
хоть коврик весь из узелков, —
он так же связан, как и души
народа испокон веков...

СВИСТОК

Памяти моего дяди

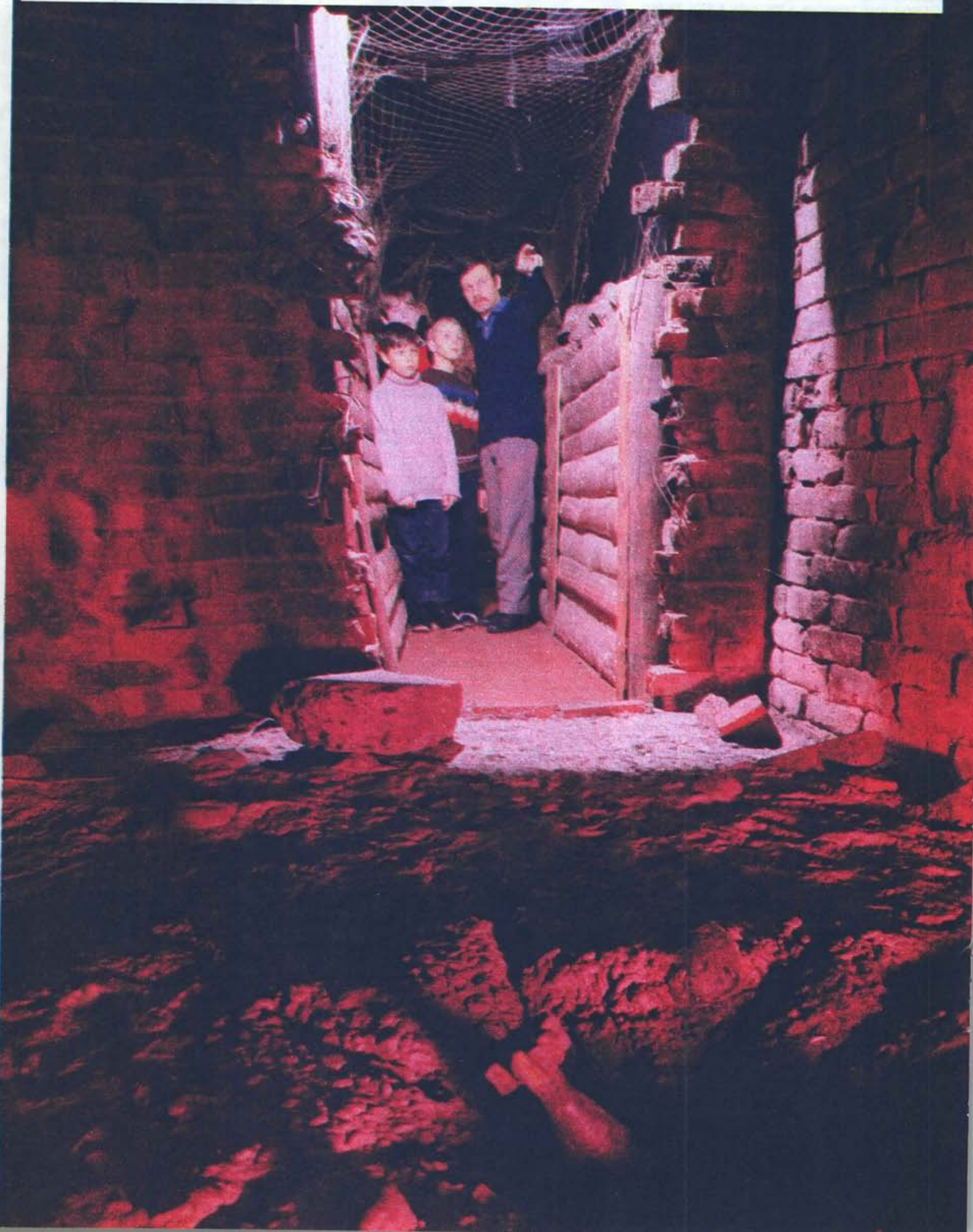
...Николай. Одна рука.
Надо же таков? —
Удивляюсь я пока, —
Что с другой рукою?
Деревянная нога.
Бабы:
— Здравствуй, Коля!!!
— Здравствуй, Коля!!! —
Облака
Вторили над полем...
Паровоз ушел вперед,
Свой свисток уносит...
— Дай-ка отдышусь, народ, —
Николай нас просит.
Отдыхал он у леска,
Снял ремень широкий...
От солдатского виска
Шрам стекал глубокий.
И меня он подозвал:
— Ты помог бы, парень,
Дяде, что повоевал,
Дяде, что изранен,
Самокрутку смастерить.
А свисток — за мною!..
Ой же, как же, — говорит, —
Хорошо весною!
...Мастерил он мне свисток
Из сучка от ивы.
Шрам его,
Его висок
Трогал я, счастливый.

В ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Сегодня он —
При всем парадном.
Волос поправил редкий строй.
Пригласил бережно
Награды
Четырехпалою рукой.
Внучонок —
Маленький проказник,
Любимец деда —
Тут как тут...
Он знает:
В этот майский праздник
В честь деда
Будет дан
Салют.

Вышел он, хоть слеп, да весел:
— Баянист, играй, играй!
Хоть в глазах лишь темный вечер —
Отвоеван светлый край.
Темный вечер — с тех бомбёжек!
Темный вечер!.. Но — спляшу!
— Кто тут смелая? Эх, кто же
Выйдет в пару, я прошу?!
В круг выводит молодца.
Подыскал он ей куплет:
Пусть, мол, ей в отцы годится,
А на чувства дай ответ!
А она-то! А она-то!
Нету скидки никакой,
Что партнер ее — женатый,
А не парень холостой.
Подыскала песню тоже,
Ай молодуха! Шустра!
Тех, стоял кто, помоложе —
Подрумянить чем нашла.
А «костер» все разгорался,
Баянист играет влать,
Кто-то громко восхищался:
«Вот так парочка сошлась!..»
Отплясался, слеп да весел:
— Баянист, играй, играй!
Хоть в глазах лишь темный вечер —
Отвоеван светлый край.

Я панибратски называю Пашкой
Сменщика седого своего.
А он — участник схватки
рукопашной:
Три немца шли на Пашку одного.
Не богатырь, конечно,
Пашка-сменщик,
А про врагов не скажешь: комары...
В болоте выбрал место,
где помельче,
И выжидал, чертей их, до поры...
Плеснуть бы огоньком из автомата
По тем троицам, что рыщут среди мха...
Да если б не заданье у солдата:
...К утру привел он в роту языка.

∞ Первый зал музея посвящен защитникам Брестской крепости.

Герой Советского Союза
Вениамин Вильский
тоже был игарчанином.

—...А музей ему нужен для того, чтобы прославиться. Ну, сами посудите, для чего школе бокса исторический музей? Памятник Евдокименко решил себе поставить, не знает, чем бы еще выделиться!..

Слова эти — в адрес директора детско-юношеской спортивной школы Валерия Афанасьевича Евдокименко. Скромный автор этой характеристики просил на него не ссылаться, но поскольку подобного мнения не он один, фразу его цитирую.

Живет Валерий в Игарке. И, думаю, прежде чем рассказать об упомянутом уже музее, необходимо дать географическую, так сказать, характеристику места действия — происходит оно за Полярным кругом. Обстоятельство это, как поймет дальше читатель, нельзя не учитывать.

Нынешней зимой в школах Игарки сорок дней были активированы: при морозах под пятьдесят уроки отменяются. Так что жить за Полярным кругом, как сказал мне один конопатый второклассник, не так уж плохо — вон сколько выходных к каникулам прибавляется!

Зима в здешних краях длинна; лишь в июне вскроется, выплывавая на берег гигантские ледяные глыбы, Енисей. На считанные недели придет в Игарку лето, в сентябре вновь повалит снег, в октябре уставшее солнце опустится к горизонту, потом вообще забудет про свои обязанности. И только луна да северное сияние, если нет облаков и метели, осветят чахлую тайгу в округе. Оконные рамы здесь тройные, а хозяйственные мужички и больше ставят, но если стены промерзают — случается такое, — и десяток рам не спасут.

«Девять месяцев мерзлые хлопья согреваем дыханьем своим». Прав, конечно, местный поэт. Да попробуй согрей ее, Арктику!

...Ползет с холма на холм меж сугробов «пазик» — на всех городских маршрутах такие автобусы. Дома двухэтажные по сторонам. Стекла будто молоком залиты, на крышах и окнах — длинные снежные языки. Но вот смотришь — в ровном ряду строений одно горбом выгнулось, у другого рамы парал-

Чай не пил — какая сила.

Скоро откроется шахматное
отделение школы.

ранее смирились с временностью своего пребывания, в ожидании, когда же набегут пятнадцать лет стажа, достаточных для получения пенсии, в грезах о благополучной и обеспеченной старости на материке?

«Я вот задумываюсь о причинах социальной пассивности многих горожан, — размышлял в разговоре со мной редактор игарской газеты Александр Смирнов. — Казалось бы, временность их жизни здесь должна толкать людей на активные поступки, ведь все равно уезжать. Но потом понял, что ошибаюсь: временный человек потому и пассивен, что он временный, наплевать ему на то, что будет после него».

Но есть, есть люди и с другой позицией.

...С Евдокименко встретились на пороге подвала, точнее технического этажа нового дома, где вместе с тренерами спортшколы оборудует он шахматное отделение. Широкий, приплюснутый нос, как по линейке вычерченные скулы, мощная шея, жесткий, чуть исподлобья взгляд — передо мной стоял

лелограммом, из третьего, квартал от этих двух, жильцы выехали — пока приводится их дом в вертикальное положение. Строители виноваты? Если бы, хотя и они, бывает, не без греха. Всех бед виновник — вечная мерзлота, многометровый зыбкий слоеный пирог из льда и грунта. Чуть подтайка — плывут и оседают фундаменты. Хочешь нечто капитальное соорудить — бей сваи. Лучше всего, если упрутся они в скалу. В Игарке на таких основаниях и пяти-и даже девятиэтажки лепят. Только мало пока их на город. Жилищная проблема остра, те, кто не решил ее для себя, помыкавшись по углам год-другой, возвращаются на Большую землю. Легко ли жить в Игарке — вопрос риторический. Но вот как жить, то есть какую линию поведения избрать? За-

На тренировку.

Сергей ПОПОВ

НА МЕРЗЛОТЕ

Фото Евгения СТЕЦКО

боксер. Еще отметил: улыбка хоть и нечастая, но добрая, открытая. Одет в линялую солдатскую гимнастерку, на ногах — заложенные раствором сапоги. Работа по возведению шахматных палат, как я понял, в самом разгаре. Кто это строительство финансирует? Ох, не задавайте подобных вопросов, потому что вопрос этот, как говорится, «на засыпку».

Показывал нам Валерий в один из дней Игарку. Гуляем себе, разговариваем, но вдруг экскурсовод наш замолкает на полуслове и, увидев приближающуюся по дороге легковушку, бросается, раскинув руки, ей наперерез. С ума он, что ли, сошел? Машина резко тормозит, Евдокименко подбегает и, несмотря на недовольство мужчины, сидящего рядом с шофером, о чем-то его просит. Доносятся обрывки фраз: «Нам позарез нужны...», «Только вы можете помочь...» и т. п.

— В кабинете-то он бы меня и слушать не стал, а тут куда ему деваться — вмиг вопрос и решил, — прокомментировал он потом итоги неофициальных переговоров.

Экскурсия наша закончилась у здания средней школы № 9. На торце ее, над дверью в подвал, красовалась надпись большими белыми буквами: «Зал бокса». Мы вошли и оказались в настоящем спортзале. Грамоты и призы, пестревшие на одной из стен, свидетельствовали, что к делу здесь относятся серьезно.

Зал в подвале — единственный, которым располагает на сегодня школа. И коль уж мы в зал зашли, вот вам его история.

В Игарку Евдокименко приехал 13 лет назад с женой Любой (она учительница начальных классов) и дочкой (теперь у них и вторая подрастает) по распределению после окончания Омского института физкультуры. Обещали место тренера в ДЮСШ, а школы как таковой не оказалось. Единственный зал и то арендовался у какой-то конторы. Поглядел на все это Евдокименко и хотел уж было сматывать удочки. Год тренировал гимнастов. «А я ведь не гимнаст — гибкости-то никакой. Я же боксер...» Но вот однажды попав в подвал девятой школы, Валерий подумал: метра на три углубить, досками облицевать, покрасить — вот и зал. «А чертёжи у вас есть?» — спросил секретарь горкома партии, к которому молодой тренер обратился с идеей. «Чертежи — в голове», — ответил Евдокименко. И все-таки в горкоме его поддержали, помогли и с проектом, и со стройматериалами. Но основную работу именно Евдокименко с детьми провернул — не считано, сколько они кубов земли вычерпали.

Но — положительный факт — мысль о том, чтобы сбежать из Игарки, к нему больше не возвращалась. «Что я за фрукт, если сматуюсь и вспомнить меня будет нечем?»

Зал не однажды затопляло — подвал он и есть подвал, несколько лет назад он горел, но каждый раз директор с тренерами и детьми наводили порядок.

Появился зал — пошли результаты. Стали побеждать ребята на турнирах в Красноярске и в других городах. А турниры-то все именные, на призы героев. «Бокс — спорт мужественных». И пришла к Евдокименко честолюбивая мысль проводить турнир по боксу и в Игарке. А имя искать долго не пришлось: Вениамин Вильский, Герой Советского Союза, игарчанин.

Кем был он, один из четырех тысяч горожан, ушедших на войну? Как сложилась его судьба? Евдокименко решил узнать о нем все. Это, казалось, несложно. Герой жил в Красноярске, работал машинистом электровоза. Но пока Валерий собирался к нему в гости, Вильского не стало.

Ощущение вины, что опоздал к живому герою, лишь подстегнуло интерес к его жизни. Круг поиска расширился, в него вовлеклись новые люди: старший тренер Евгений Шумилов, журналист Александр Тоцев, в недавнем

прошлом секретарь горкома комсомола. Поиск вывел их на гвардии генерал-майора в отставке Чурилова, Героя Советского Союза, бывшего командира 17-й гвардейской механизированной бригады, в составе которой воевал разведчик Вильский. Леонид Дмитриевич откликнулся сразу, помог связаться с другими однополчанами...

Я задавал Евдокименко вопрос: почему он, тренер по боксу, увлекся историей войны? Ответил он так:

— Помню, был еще пацаном, поди-дешь к мужикам на завалинке, присядь рядом и слушаешь, слушаешь, как о войне рассказывают. А потом подумалось: ведь умирают эти люди, и неужели вся память вместе с ними в могилу уйдет и ничего живым не останется? Отец у меня фронт прошел, а мать всю войну на железной дороге. Не сахар, конечно. Когда подросток, стал на соревнования по боксу ездить, всегда хотелось о героях, в честь которых они проводились, побольше узнать. Помню, приехали как-то в Омск: приз памяти Смирнова. А кто он — никто и не знает. И так мне за человека этого стало обидно! — Голос у Валерия командирский, а тут совсем глухим стал. — И решил, что если в Игарке возьмем турнир проводить, то уж все будет капитально...

Число экспонатов, писем росло: из Бреста, Киева, Карачева прислали подлинные образцы гранат, снарядов, касок, карабинов, автоматов, мин, осколков — всего и не перечислять. А на письма отвечали не только однополчане, сотрудники военных архивов и музеев, но и следопыты ГДР, Польши, Чехословакии.

Смотреть, как вода в подвале заливают с таким трудом добытые реликвии, ребята не могли. Евдокименко стал бить пороги городских организаций с просьбой выделить помещение для музея. После долгих мытарств его дали — тоже в здании девятой школы, но уже с другой стороны, в бывшей учительской квартире.

— Стоп, перематой пленку, — просит Тоцев Евдокименко. — Вот здесь комроты говорят, что разведчики без касок ходили...

Мы сидим у Валерия дома и слушаем запись, сделанную год назад, 9 мая — в день открытия музея Вильского.

Бывший командир разведроты Сергей Дарбинян из Еревана, Герой Советского Союза Тагир Кержнев из Йошкар-Олы, Василий Юрчина из Кривого Рога, москвич Виктор Романов, Николай Журавлев, Владимир Емельяненко, отложив дела, забыв о болезнях, прилетели в Игарку. И приезд этот стал для них праздником.

...В Москве уже распускались тополя, а Игарка встретила их метелью. В легких плащах они замерзали, и Валерий из дома принес все, что было у него теплого. «Он носился с нами как с детьми, ему так хотелось порадовать ветеранов», — говорил мне, вспоминая те майские дни, первый секретарь горкома комсомола Сергей Лялько — один из тех, чьими руками создан музей.

...Крутится пленка, слышны голоса первых посетителей. Пройдем и мы вместе с ними по маленьким залам.

Вот открывается дверь, и вы оказываетесь в осажденной Брестской крепости. Обгорелые стены с надписью штыком: «Умрем, но из крепости не уйдем!», изрытый осколками пол, из которого торчит неразорвавшаяся мина, убитый фашист с ножом в руке, истекающий кровью наш боец... (Потом я узнаю от ребят, каких мук этот зал им стоил. Профессиональные художники отказались помочь «за спасибо», и оформлением занялись любители: сварщик речного порта Валерий Петросян, рабочий гидробазы Виктор Головачик, инженер Евгений Ким — энтузиастов пришло много, и всем хотелось внести свою лепту.) «А меня мучило, что получалось не то, — вспоминает Евдокименко. — Однажды после бессонной ночи пришел я сюда в четыре утра и все кувалдой расколотил. Утром встречу Петросяна, говорю: я твою картину угробил. Думал, он на меня

с кулаками полезет, а Валерий говорит: «Вот и хорошо, мне она самому не нравилась». Зато теперь, когда предметный ряд, фигуры людей и живописное полотно слились воедино, эффект воздействия оказался поразительным.

Второй зал — окоп. Из него видна вся картина переправы через Одер: и горящий город Кебен на высоком берегу, и пятерка наших разведчиков, пригнувшись, чтобы под пулеметным огнем вскочить в лодку и грести к другому берегу.

А дальше попадаем вы во фронтую землянку. Как же точно передает она детали военного быта, если ветераны, зайдя сюда, плачут!.. Голос на пленке: «Ребята, а где вы довоенную махорку-то раздобыли?» Они сто лет уже не крутили самокруток, а руки, оказывается, все эти годы помнили нехитрое ремесло. Слышу голоса, представляю лица, освещенные пламенем фитиля, заправленного в снарядную гильзу. Кто-то запевает:

«Не забыть нам годы огневые
И привалы у Днепра.
Завивался в кольца голубые
Дым махорки у костра»...

Потом мы попадаем в зал, где все рассказывает о послевоенном пути героя. Узнаем, что жизнь его была проста и честна. «Меня поразило, — скажет мне завуч спортшколы Володя Коврижных, — что соседи его лишь на похоронах узнали, что с ними рядом жил Герой Советского Союза».

Я понимаю, сколько погрешностей обнаружат во всей этой экспозиции профессиональные музейеведы. Понимаю, что в государственном музее экспонаты были бы под стеклом. Но какое ощущение человеческого тепла, подлинности создается в этих залах, которые и залами назвать можно лишь условно!

Вся площадь — тридцать квадратных метров, двухкомнатная квартира.

Здесь посетителям — а это прежде всего дети, школьники — разрешается трогать, брать в руки все: и простреленную каску, и сапог, в котором фриц протопал пол-Европы, и образцы нашего оружия, и гимнастерку Вильского, в которой он, девятнадцатилетний, прошел в июне 45-го по Красной площади как участник Парада Победы.

И я понял, почему ветераны плачут, бывая в этом музее, — к ним на миг возвращается ощущение молодости, они снова оказываются в героическом и горьком том времени.

Ну, а мы давайте вернемся в наше время, в сегодняшнюю Игарку. И с горечью отметим, что бывший «форпост культуры на Крайнем Севере», как определен город в книге «Мы из Игарки», написанной пионерами Заполярья по замыслу Алексея Максимовича Горького и изданной впервые полвека назад, форпостом уже не является.

В памяти старожилов — та Игарка, куда на гастроли прилетали из столицы Большой и Малый театры, а по инициативе знаменитой актрисы Веры Пашенной был открыт свой профессиональный театр. Игарку знали. Игарку любили. Здесь помещалось управление Северморпути, здесь не раз бывал Отто Юльевич Шмидт, другие челюскинцы. Еще двадцать лет назад улицы города слышали разную речь иностранных моряков. Порадуемся, что сегодня вся вывозка древесины ведется на советских судах, но Игарке от этого ни холодно, ни жарко — ни процента валюты от продажи пиломатериалов за границу городу не перепадает, хотя в казну идет немалый доход.

В конце тридцатых годов в Игарке был открыт отличный краеведческий музей, но просуществовал он лишь до 1962 года: пожар на бирже не только уничтожил плоды годового труда коллектива лесоконбината, но и спалил полгорода. «Горели жилые дома, горел роддом, — вспоминает очевидец этой трагедии Леопольд Антонович Барановский, — и вопроса — спасти матерей с младенцами или фонды музея — не было». А сегодня уже инстанции противятся созданию музея: не положена

маленькому городу такая роскошь! В городе действует детская школа искусств, так открыта она, говорят, полугалегально — тоже не положено. Инстанции мало волнуют, что Игарка не в Рязанской губернии, а за Полярным кругом, что условия жизни здесь особые и забота о людях должна быть особой. Стригут всех под общий ранжир.

Больше трех лет закрыт для широкого посещения уникальный музей вечной мерзлоты, и туристы — а их более десяти тысяч за лето бывает — вместо обещанных в проспектах подземных красот вынуждены ограничиваться унылым осмотром городской архитектуры. Горисполком же, взявшийся за устройство подземной экспозиции, никак не может ее закончить — не хватает средств для проведения работ.

Туризм всегда считался выгодным делом, но в Игарке вы не то что не попадете в обещанный музей, но не сможете даже открытку или буклет купить, посвященный городу. Не мной сказано, что отучены мы от коммерции. Хотя ведь ясно, что дополнительные скромные рубли городскому бюджету не были бы лишними.

От заместителя председателя горисполкома Виктора Борисовича Охотина узнал удивительную вещь: оказывается, за счет средств государственных капитальных вложений в Игарке не построено ни одного объекта культуры, здравоохранения, спорта. Если и появляются эти объекты, то полугалегально. Вот одна из организаций — их немало приоткрыл город — обещает женскую консультацию, а в бумагах — да простят меня товарищи из исполкома, что выдаю, вероятно, их тайну — целомудренно числится сей объект коттеджем.

Думаете, такие игарчата здоровые, что и спортом им заниматься не нужно? Вот вам статистика: в 1986 году на 5289 детей было 5308 простудных заболеваний; почти двести детей отстают в физическом развитии. Сколько лет Евдокименко добивается строительства здания для ДЮСШ! Всем он надоел, со всеми он переругался, от него отмахивались как от надоевшей мухи. Только нынче первая свая под будущую спортшколу будет наконец забита. Но какой ценой далось это решение! И каждый так необходимый городу объект — это бесконечные утряски и согласования на всех уровнях, это всякий раз борьба, в которой портятся характеры, расходуются нервы.

Вот шла у нас речь о музее Вильского, а ведь официально никакой это не музей — нет у него статуса. И хотя горком комсомола проявляет к нему интерес — здесь принимают в комсомол и пионеры, — внимание городских организаций к будущей судьбе этого ребенка, думается, могло быть и большим. И можно понять обиду тренеров спортшколы, когда они говорят, что за год существования в их музее побывали лишь двадцать учителей из трехсот, работающих в школах города.

История создания музея Вильского — пример «инициативы снизу», инициативы, никем не декретированной и никем не навязанной. Так уж ли много мы видим в реальной жизни подобных инициатив? Не воспринимаются ли они вызовом авторитету «вышестоящих организаций»?

И последнее. По поводу памятника. Да, Евдокименко — человек сложного характера и не из одних достоинств слепа. Но насчет «прославиться» оппоненты не правы, потому что любовь, любовь к памяти героя, прежде всего движет Валерием Афанасьевичем, когда добивается он переименования одной из улиц в улицу Вильского (и очень переживает, что выбрали для переименования, на его взгляд, одну из самых занюханых). Когда обращается он к железнодорожникам Красноярска с просьбой назвать именем Вильского один из поездов. Когда настаивает, чтобы и спортивной школе присвоили это имя...

Но допустим, допустим, что оппоненты правы и в основе всех деяний Евдокименко — честолюбие. Что ж, тогда да здравствует честолюбие!..

...На рубеже сороковых и пятидесятих годов шло сооружение Волго-Донского канала. Создавалось водохранилище. На его дне могли оказаться десятки братских могил. Пришлось провести перезахоронение останков защитников Сталинграда. Потеряли ориентиры скорбных вех родственники погибших.

Но война, отдавшего свою жизнь за Отечество, забывать нельзя. Сделать все возможное, чтобы восстановить добрую память о героях, — такую задачу поставили перед собой коллектив средней школы № 116 поселка Майский и партком учхоза «Горная поляна» Волгоградской области во главе со своим директором, участником войны А. Гориним. Активный поиск начался в 1971 году, когда нашли списки убитых бойцов. Но беда в том, что в списках, аккуратно оформленных педагогическим коллективом в трех общих тетрадках, были большие пробелы. Неполные данные, отсутствие адресов родственников — все это представляло известные трудности на пути коммунистов учхоза и отряда школьных следопытов, которые вместе взялись за одно большое дело.

В период поиска оставшихся в живых бойцов и командиров противотанкового полка и родственников погибших следопыты провели большую работу. Они посылали запросы в архивы, райвоенкоматы, переписывались с краеведами, историками. Это был упорный труд. Медленно приподнималась завеса времени над прошедшими событиями, все новые и новые люди вступали в круг общения.

И пошли из школы № 116 письма-запросы. Их адресаты жили от Карпат до Камчатки и от Архангельска до Памира. Вскоре начали поступать ответы. Родственники погибших воинов благодарили за приглашение принять участие в митинге в честь Дня Победы, присылали фотографии бойцов. Часто строки были залиты слезами, их и в поселке читали со слезами на глазах. Сопереживание молодежи и старшего поколения особенно усилилось при первой встрече 9 Мая 1975 года, когда в Майский приехали отдать дань уважения павшим около ста родственников. Энтузиасты связались с райвоенкоматом, обществом охраны памятников истории и культуры, другими организациями и с их помощью реконструировали памятник героическим защитникам, сделали его именованным, зажгли у монумента Вечный огонь. Теперь родные павших солдат приезжают сюда ежегодно в мае. Так что поселок как бы оправдал свое название.

Вместе с коммунистами А. Гориним, Н. Кульченко, К. Потаповым, В. Грибаниной, Н. Потаповой в поиске активно участвовали юные следопыты Володя Горин, Надя Вишнякова, Люба Невежина, Таня Кульченко, Наташа Величко, Галя Потапова, Лена Колесова, Ира Контарева, Сергей Глинский, Александр Кандауров, Николай Никонов, Андрей Гармай и другие школьники. Они разыскали более четырехсот родственников воинов, отдавших жизни за отчий край. Многие приезжают к следопытам, как к близким друзьям. Тепло встречается, например, Наташа Шувалова с женой и сыном П. Семушкина, Таня Кульченко — с сыном Н. Соколова, Володя Горин — с матерью и братом Д. Бадаляна, Света Рукавишниковичева — с сыном А. Кабалоева.

Сейчас в школе открыт музей, в котором собраны многие реликвии боевой славы, свидетельства мужества, стойкости, душевной чистоты и идейной зрелости фронтовиков. Нашлись и участники сражений в районе Майского. Так, бывший командир взвода разведки гвардии капитан в отставке М. Скол-

ков, проживающий в Тульской области, подарил музею рукопись своих воспоминаний.

Комсомольская организация школы носит имя гвардии сержанта Д. Бадаляна. В 19 лет он погиб за Родину. Долго искали следопыты родственников юного героя. Только через 32 года Арусяк Карповна Бадалян смогла приехать на могилу сына. Она передала музею школьные тетрадки Дмитрия, рукописи и вырезку из армейской газеты с его стихотворениями, письма с фронта, рисунки сына. Стало традицией 9 Мая у братской могилы в торжественной обстановке вручать школьникам комсомольские билеты.

Не отстают от комсомольцев и пионеры. Их дружине присвоено имя гвардии младшего лейтенанта П. Семушкина. Когда октябрята еще только готовятся повязать красные галстуки, ребята постарше знакомят их с биографией боевого офицера, с его вещами и документами, переданными в музей женой и сыном Семушкина.

Так создается одна из цепочек памяти народной о Великой Отечественной войне — от старших знания, мысли и чувства переходят к молодым поколениям, от них к еще более младшим... Так священный огонь, горящий в сердцах патриотов, становится поистине вечным. Многие люди несут его по жизни, стараясь не загасить пламя, передать его другим как эстафету той самой радости, которая приходит вместе со слезами.

Я встречался с этими молодыми людьми, смотрел в их ясные глаза, видел их светлые улыбки. И вспоминал тех, кого никто ни разу не встречал в поселке Майский — вызывающе разукрашенных наподобие вождей индейских племен, уныло шаркающих по асфальту, изнывающих от безделья, в 15—17 лет объявляющих себя потерянными для общества. И думалось мне, что они не все так уж плохи, что многие смогут смыть с себя дешевую заграничную краску и увидеть, найти свое истинное лицо. Их нужно только увлечь настоящей работой, требующей и физического, и душевного напряжения. Им необходимы социальная практика, опыт. Но оглянитесь вокруг: везде ли есть у нас условия для его обретения?

А. ПУШКИН, контр-адмирал

Читаю «Смену» лет пять. Каждый номер жду с нетерпением. Никогда не писала подобных писем, но наболело, хочется высказаться по поводу «бурной музыкальной волны».

Мне 26 лет, оканчиваю вуз, очень люблю музыку, кино. Но в последнее время от музыки только раздражаюсь, фильмы почти не смотрю, книг хороших нет, а те, что лежат на полках книжных магазинов, только притупляют мозги и воруют дорогое время.

Давайте посмотрим трезвыми глазами на то, что мы видим по телевизору, слышим по радио. На кого рассчитывают композиторы, поэты, исполнители песен? Выскакивают на сцену взлохмаченные девичьи в неопишуемых нарядах, а что поют — вообще непонятно. Как-то в «Утренней почте» Ирина Отиева исполнила песню — смысла не помню, запомнился только вид певицы — то полубогащенной, то в дорогой шубке. А в конце выступления она упала в обморок, и ее на носилках погрузили в «Скорую». И вы меня будете убеждать, что это искусство? Или Катя Семенова — сидит на подоконнике в трико, с пучком на голове («по-домашнему»), на стене висит ее фотография, и она, полуразваливаясь, поет песню про «20° мороза». Ну, давайте теперь будем по телевидению в трусах и в майках

петь, тоже вроде по-домашнему, хотя что-то подобное уже было. «Уходя, не забудьте про часы» — какая низкопробщина! А что поют мужчины?! А что и как поют рок-группы?! Я не могу передать всей ненависти к этим песням.

Или «Секрет» и песня «Сара Барабу». Четыре дяди показывают рожки, падают в бассейн, кривляются, и на все это тратится лента, средства. Де кому это нужно? А какой внешний вид исполнителей? Куда смотрят соответствующие инстанции, выпуская их на сцену? Все рыжие, кудрявые, накрашенные (я имею в виду мужчин), одежда вообще сомнительна, то халаты, то майки. Да где же мужское достоинство, где мужская красота, где женское обаяние?

Как-то, давая интервью, В. Леонтьев сказал приблизительно так: «Кто вам (то есть нам, телезрителям) дал право критиковать нас (то есть певцов), мы так уязвимы, ведь мы все на виду». Я пыталась себя заставить понять современных исполнителей, но это оказалось выше моих сил, не могу смириться с таким безобразием.

И еще — о видеоклипах. К чему эти мигания в глазах? Невозможно сосредоточиться на содержании песни, на мелодии. Хотелось бы слушать песню и слышать ее, смотреть в глаза исполнителю, сопереживать с ним, и все это должно увязываться с приличным, но в то же время современным внешним видом. Все должно сочетаться, должна быть гармония. Я не одинока в своих суждениях, меня поддерживают многие мои ровесники, но слышала, что молодежь в возрасте лет до 16—18 приходит от этого в восторг. Ну а что же смотреть и слушать молодым людям моего возраста? Алла Пугачева, София Ротару надоело, у них сейчас «молодежный период». Современные рок-группы я не воспринимаю. Нравится мне слушать песни Игоря Николаева, кое-что Александра Барыкина, совсем чуть-чуть Владимира Кузьмина. Очень люблю музыку Раймонда Паулса. Но этого так мало, и все это заглушается громом, каким-то нелепым содержанием других песенок.

Знаю, что мое письмо не будет напечатано, слишком резко, непоследовательно, но очень бы хотелось узнать, что думают другие слушатели, и пусть укажут свой возраст. Может, я уже старая стала и ничего не понимаю в музыке?

Крик души: давайте остановимся, посмотрим на себя трезво. Нельзя же выходить на сцену, если у тебя нет голоса, если песенка дешевая, если она не трогает зрителя совсем. Я не против всего нового, но не такого бездарного и глупого.

Татьяна КУЛЕШОВА,
Петропавловск-Камчатский

«Очень прошу вас, помогите! Два года назад со мной случилась беда — потеряла возможность двигаться, и я уже привыкла к мысли, что с тех пор навсегда прикована к постели... А недавно я узнала, что где-то во Владимири делают хорошие инвалидные коляски, только достать их очень трудно... Н. Кузнецова, Красноярский край».

Этим письмом отчаяния и боли началась статья Михаила Быкова «Унижение по плану», опубликованная в «Смене» № 2 за 1988 год. В ней рассказывалось о сложном положении многих тысяч инвалидов, которые не могут приобрести кресла-коляски — единственное для них средство пере-

движения и общения с внешним миром. К тому же те коляски, что выпускает наша промышленность, неудобны, громоздки, тяжелы.

Мы получили официальное письмо, подписанное заместителем председателя Госплана СССР Г. Б. Строгановым, которое было опубликовано в «Смене» № 7. Кроме того, в редакцию пришло еще два ответа. Начальник Глававтоэлектроприбора Министерства автомобильной промышленности Р. А. Карачурин сообщил, что «...на Ставровском заводе автотракторного оборудования в 1988 году предусмотрено изготовить 20 тысяч кресел-колясок... По получении заявок на кресла-коляски Ставровский завод сможет организовать дополнительный выпуск колясок до 20 тысяч штук, начиная с 1988 года».

В письме, подписанном заместителем министра социального обеспечения РСФСР В. М. Котельниковым, говорится, в частности, что полностью прекращено производство велокресел-колясок старого образца на куйбышевском заводе «Рембыттехника», а «для инвалидов, проживающих на территории РСФСР, Министерству на 1988—1989 годы предусмотрено выделение 21,8 тысячи велокресел-колясок, что снимет имеющуюся очередность за получением колясок в отдельных территориях».

Казалось бы, все складывается хорошо, но приехавший со Ставровского завода представитель рассказал в редакции о том, что завод находится в очень сложных условиях из-за постоянного срыва поставок подшипников Московским ГПЗ-2 и Курским ГПЗ-20. Из-за маленького подшипника возникают большие проблемы. Ставровцы рассказали о разработанной ими новой модели самоходной велоколяски, но выражали большую обеспокоенность, что дело может застопориться опять же из-за нехватки подшипников.

Мы связались с директором Московского ГПЗ-2 Д. П. Юлиным, Дмитрий Петрович обнадеежил нас, сказав, что с поставками положение выправляется и в самое ближайшее время будет полностью нормализовано. Мы надеемся, что слово директора завода окажется твердым, и думаем, что работники Курского ГПЗ-2 последуют примеру москвичей.

Обещаем своим читателям держать этот вопрос на контроле.

Я окончил школу с золотой медалью, сразу поступил в институт, получил красный диплом, сразу поступил в аспирантуру, по сути, уже заканчиваю диссертацию, свободно владею английским и немецким. Мне безразлично, что у меня нет свободного времени, маленькая зарплата, нет девушки. Зато у меня есть цель в жизни — стать высококлассным специалистом и делать максимум для того, чтобы Советский Союз становился день ото дня сильнее.

Мне кажется, не надо столь много внимания уделять всяким там панкам, хиппи, фарцовщикам и проч. Это всегонавского бездельники и паразиты, которые могут и Родину продать заграничные тряпки. Будущее не за ними. Будущее за такими, как я. Мы займем руководящие посты и будем решать судьбы нашей Родины.

Пожалуйста, опубликуйте мое письмо. Уверен, что у меня найдется много единомышленников среди молодежи в научной среде, среди офицеров Советской Армии, молодых деятелей искусства.

Парашют из города Щекино.

Асы XXI века.

Школа оснащена первоклассными тренажерами.

Николай ХЛЕБОДАРОВ

З

десь все настоящее: десантники подарили парашютную вышку, авиационные училища — тренажеры, воинские части — самолеты и вертолет. Из Центра подготовки космонавтов прислали настоящие космические костюмы, кресло Юрия Гагарина, космический квадрат площадью полтысячи действующих тренажеров самолета, сидя в которых можно испытать полное ощущение взлета и посадки, катапультные кресла и приборы по определению быстроты реакции, бегущая дорожка и даже центрифуга. И все это богатство можно увидеть не в подмосковном Звездном городке, а в городе Щекино Тульской области, в клубе юных летчиков и космонавтов.

Создан этот клуб благодаря энтузиазму морского летчика Дмитрия Емельяновича Киреичева. Это он, заручившись поддержкой дважды Героя Советского Союза Г. Т. Берегового, который побывал в Щекине, сумел оснастить школу уникальным оборудованием. Но оказалось, что собрать самую современную технику легче, чем организовать обучение на ней.

— Авиационно-космическая техника? — удивлялись в инстанциях. — По какому праву вы ее получили? Вы юридически не признаны, поэтому о штатных преподавателях и речи быть не может. Занимаются школьники? Тогда обращайтесь в Министерство просвещения...

«Без нас открыли — сами и расхлебывайте» — был ответ. Лишь после приезда в Щекино заместителя министра просвещения СССР вопрос был решен — клуб получил официальный статус. Киреичеву удалось найти и преподавателей. Один из них — бывший военный летчик

Леонид Дмитриевич Кузьмин — вскоре возглавил клуб. Теперь здесь велись уже не только теоретические занятия. С возникновением парашютного и планерного отделений, секции полетов на дельтапланах у ребят появилась возможность попробовать себя в настоящем деле.

— Многие наши воспитанники нашли призвание в авиации, — говорит Леонид Дмитриевич. — Многие уже летают. Уровень подготовки в клубе таков, что выпускников его охотно принимают во все летные училища. Думаю, что специализированная подготовка — наше будущее. Ребята охотнее занимаются, когда видят впереди определенную цель. Сегодня рвутся в парашютисты и дельтапланеристы. Кстати, в нашей равнинной Тульской области есть прекрасные стартовые площадки — вершины шахтных терриконов. При хорошей организации дела мы можем

стать настоящим центром дельтапланеризма...

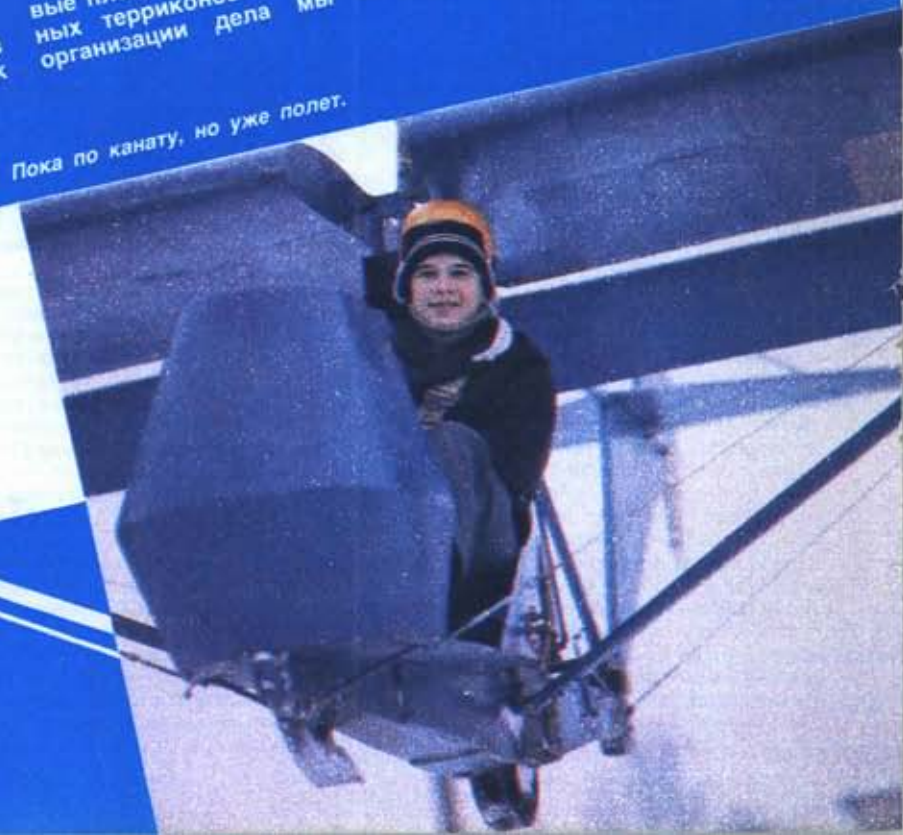
А совсем рядом со Щекином, в Туле, авиационно-спортивный клуб имени дважды Героя Советского Союза В. Ф. Сафонова, давший стране чемпионов и рекордсменов мира, чахнет из-за слабой материально-технической базы, как, впрочем, и многие другие аэроклубы. В одной Москве их когда-то было одиннадцать, сейчас осталось три.

«Щекинский почин» хотя и не очень громок, но это опыт решения многих проблем и прежде всего подготовки летной смены. Усилиями практически одних энтузиастов создана прекрасная школа, в которой растут будущие классные летчики, а может быть, и космонавты. Конечно, энтузиазм увлеченных одинок не может эксплуатировать и дальше. Но достаточно ли их усилий для перестройки дела военно-патриотического воспитания?

Пока по канату, но уже полет.

ВНЕБЬО!

Фото Евгения СТЕЦКО

ВАЛЕНТИН СОРОКИН НАДЕЖДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Еще о Жукове

Нам за Победу
Тост поднять дано,
За добрый путь
Надежды человечества.
Сдались враги,
И вымерли давно
Каганы самурайства
И немечества.

И вновь упрямый
Маршал на коне,
И красен Кремль,
Россия, мать родимая,
Так много обелисков
По стране —
Летит за стаей
Стая побединая!

И ты стоишь,
С холма глядишь вперед,
От вдовьих слез
Еще безмерней зрячая,—
Вон, самый сизый,
Вдруг да упадет
В твои ладони,
От работ горячие.

Дрожит простор,
И возбужден и мглист,
То ливнями ударит,
То морозами.
И — только стон,
И — только крыльев свист
Проносится
За танковыми грозами.

Фронтальными
Раздумьями гоним,
Среди героев
Полководец здравствует.
Пусть в славе,
Загоревшейся над ним,
Иной лжегений
Высоко пиратствует.

Хоть сложен мир,
А разберешься — прост:
Живут бойцы,
И подвиги не рушатся.
И никаким трезвоном
Дутых звезд
Гвардейские, четыре,
Не приглушатся.

В доверчивом
Терпении один,
И опыта особого,
И норова,—
Державы исполинской
Гражданин,
Достойный сын
Мятежного Суворова!

Имя

Вот самолет
Опустится на лапах,
Качнется, и ко мне из маеты
У шумного, ликующего трапа
Вдруг подойдешь
И улыбнешься ты.

Ничем среди обычных
Не прекрасна,
Ну, может, чуть
Ясней, чем облака.

Манишь туда,
Где дремлет путь опасный,
Влюбленных
Уводящий сквозь века.

И я тебя не спутаю
С иными.
И пусть в краю
Железа и огня
Славянское
Классическое имя
Всегда звенит
Под сердцем у меня.

Мы тем с тобой
Сильны и знамениты,
Что верность
Предков наших испокон
С крыльца родного
Реяла в зениты
И утверждала
Нравы и закон.

Вечная верность

Я слышу, слышу,
Наша встреча близко,
И жизнь сегодня
Радостью права.
Но почему шумит
У обелиска,
Кого скликает
Вечная трава?

Как будто мы
С тобою виноваты,
Что, взятые
Пороховою тьмой,
Не поступаются
Никогда солдаты,
Родные
И усталые, домой.

Над ними ливней
Пролетают струи,
Звонят, перекликаясь,
Журавли,
И не дают покоя
Поцелуи,
Которые цветами
Проросли.
Ты — боль
И упование, и мука.
В слепом огне
Враждующих эпох
Есть верность павшим:
От детей до внуков —
Единый, грозный
Непоборный вздох!

Прости меня,
И обними глазами,
Окинь простор,—
Ведь на любой версте
Могил холмы
Бредут под небесами,
На каждый штык
Примкнуто по звезде.

Ты выше света
Русскими страстями
И неубитым
Голосом тоски.
О, невозможно.
Память скоростями
Перечеркнуть,
Стучащую в виски!

Притча

1
С вершины гор, где ветер и ледник,
Бежал в пустыню весело родник.

Бежал, звенел, и, щедрый, на пути
Траву, цветы он приглашал расти.

И звал пичуг к долинам небольшим
На радость людям, добрым и чужим.

Пусть, думал он, передохнут,
попьют
И, может, даже песню пропоют

О крае кедров, сосен и берез,
Густых буранов и прозрачных гроз.

Ведь на земле, куда я ни взгляну,
Все тропы
как бы сходятся в одну.

Все люди как бы в засухе-беде
Идут, бредут с надеждами к воде.

Вода — прохлада и покой, вода,
Нагнись и пей досыта без труда.

Родник бежал, звенел издавека
И в наши, и в грядущие века.

2
Но человек явился к роднику
С тяжелым инструментом на боку.

И начал рыть, тесать,
долбить кругом,
Соорудил бассейн, построил дом.

И мельницу, и станцию воздвиг,
До звезд ступени выложил из книг.

Луга расширил и пустил коней,
В закут — овец,
в запруду — окуней.

И сад разбил, там лебедь
на волне,
Там ведьма скачет в гости
на луне.

А в ресторане музыка звучит,
Играет хмель,
сковорода скворчит.

Рехнулся непочтительный нахал,
Прорыл от родника
во двор канал.

На что уж свиньи грязные и те
В целительной купаются воде.

И человек с красавицей вдвоем
Пирует ночью, радуется днем.

3
На въезде вывела его рука:
«Я человек — хозяин родника».
И чуть пониже возвещал плакат:
«Я человек, и бог мне —
друг и брат».

Еще пониже, и не съела гарь:
«Я человек — я над водою царь».

Тянулись караваны разных стран,
Купцы спешили шумно в ресторан.

В бассейн и в сад спешили,
и на луг,
Купив за деньги искренность услуг.

В шкатулках золото, жемчуг, серебро:
«Добро,— хозяин вскрикивал,—
добро!»

Красавица-хозяйка в нем души
Не чаяла, такие барыши...

В ушах алмаз, и на груди алмаз,
И в профиль чародейка, и в анфас.

И даже плосколобые рабы
Не сдерживались вслух
от похвалы:

«Живем, печенье, пироги едим,
Хозяина в обиду не дадим!»

4
Упало солнце на ледник с небес,
И смолкли птицы, и родник исчез.

Купцов пропали резвые следы,
Кольцо хозяйка за стакан воды,

Серьгу несет, и медальон рабам,
А нет, не до богатства
плоским лбам.

Меха им предлагает и шелка,
Охочих нет, хотя цена жалка.

Бросаются, как воры, из беды,
Вино забыв,
схватив бурдюк воды...

Забыв и торт, и прочую еду,
В сравнении с водою — ерунду.

Хозяина забыв, забыв ее,
Светило благородное свое.

А к дому движутся пески, пески
Барханами трагической тоски.

В бреду хозяин, в панике жена:
«Скажи, зачем я умереть должна?»

5
Срывает золото, жемчуг и алмаз,
И в профиль чародейка, и в анфас.

Кричит: «Меня сгубил ты, паразит!»
А муж встает, по золоту скользит

И рушится, и слышит, как ручей
Звенит: «А я ничей, ничей, ничей».

Перетрудился я, кому пенять,
Нельзя меня на золото менять.

Я утомился, я не в силах впредь
Торговую индустрию вертеть.

Да, я родник, ручей, я родничок,
Я к вам бежал, но не за пятак.

И не за ожерелье и кольцо
Я освежал вам душу и лицо.

С вершины гор, где ветер и ледник,
Бежал в пустыню я, малыш-родник.

Бежал, звенел, и, щедрый, на пути
Траву, цветы я приглашал расти!..»

ЖИВА ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Окончание.
Начало на 2-й обл.

охранении во много раз превышает их долю среди общего состава населения. Иначе говоря, наличие специфический состав евреев, которые в основном заняты умственным трудом. Спрашивается: о каких притеснениях евреев можно говорить всерьез? Но, разумеется, эта национальность не без проблем.

— Судя по всему, проблема всех проблем — эмиграция? Только об этом и слышишь. И тут вот что получается: мы выступаем против привилегий, а на самом деле только лица еврейской национальности и имеют право на эмиграцию.

— Сейчас нет тех эмигрантских настроений, что были раньше. И привилегий нет. Покинуть СССР могут лица и другой национальности. Вот, скажем, в начале этого года из нашей страны эмигрировало немцев гораздо больше, чем евреев. Выезжают и представители других национальностей...

— И все же чем объясняется, на ваш взгляд, тот факт, что еврейская нация стоит как бы под особым прицелом буржуазных средств массовой информации, западных «специалистов» различного толка, советологов?

— Видимо, тут сказывается специфическая структура их состава населения. Еврейская национальность почти не располагает рабочим классом и колхозным крестьянством. В этом ее и особенность, и, увы, слабость. Идеологические проблемы у евреев появляются не только из-за особенностей их истории. Тут надо учитывать и их социальную структуру, и среду.

Если бы, скажем, и другие народы и народности состояли в основном из интеллигенции, работников умственного труда, то и они, возможно, столкнулись бы с проблемами, которые ныне свойственны евреям. Идеологическое настроение нации во многом определяется рабочим классом. Еще мыслители прошлого утверждали, что никто так не жаждет славы своей нации, как интеллигент малой национальности.

— Продолжим беседу о привилегиях и... демократии в национальных отношениях. Насколько мне известно, в прибалтийских республиках очень остро реагируют на официальное введение двуязычия, ученые призывают к тому, чтобы языки были юридически и политически равноправны. Иначе говоря, это протест против обязательности для всех изучения русского языка, который, выходит, на особом положении.

— Давайте разбираться. Тут следует различать равенство языков и равенство общественных функций языка. Как лингвистические единицы, абсолютно равны русский, на котором говорят 137 миллионов человек, и чукотский язык, каким владеют 700 человек. Но разве общественные функции у них могут быть равны? Нет, разумеется. Мы как бы сталкиваемся с противоречием — равенство языков и неравенство общественных функций языка. Из-за этого противоречия нет-нет да и появляются споры, недоразумения.

Русский язык — язык межнационального общения, и от этого никуда не уйти. Ныне каждый второй житель СССР — русский. 24 миллиона русских проживают вне РСФСР, 10 — на Украине, 6 — в Казахстане и других республиках. В сущности, в каждом регионе страны есть среда для обучения русскому языку. Белорус попадает в Казахстан — на каком языке он общается? Чаще всего используется русский. Я уже не говорю о том, насколько бога-

че духовно становится человек, овладевший языком Ломоносова, Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Толстого...

— Это так, но бывает, что никто и не спрашивает ни у осетина, ни у молдаванина, желает ли он изучать русский язык, — обязан знать, и все тут. Между тем: «мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни был должен был изучать его из-под палки. ...Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений...» Это слова Ленина.

— Какие тут могут быть дискуссии? Никому нельзя навязывать обязательное изучение русского языка...

Изучать или не изучать русский язык? Да пусть сами народы, народности разберутся и решат все по своей воле. Это их дело и право. Вот, к примеру, казахи пришли к согласию об обязательном знании русского языка. И вот что тут любопытно. Если секретарь райкома партии казахов, то он персонально отвечает за состояние изучения русского языка в районе, а если секретарь райкома русский, то и этот партийный работник несет ответственность, но за знание казахского языка. Между прочим, ленинская тактика. Когда же представитель какой-то нации нажимает только лишь на свой язык, — психологических перекосов не избегать. Примеров сколько угодно. Ведь в том же Казахстане в 30-х годах русские больше знали казахский язык, чем в 80-х годах. И в других республиках ситуация не лучше.

Когда я был в Якутии, один из секретарей Якутского обкома партии сетовал, что 30 лет живет в Якутии, а языком коренных жителей не владеет, считает своим упущением. Понятно, как порой нелегко приходится секретарю, с какими осложнениями имеет он дело. К сожалению, в нашей стране только три процента русских владеют языками народов СССР, что не только не способствует сближению людей, но и задает национальные чувства малых народов.

— Язык — тема пограничная, и давайте коснемся школы... Впрочем, не будем нарушать последовательность в становлении человека и затронем проблему национального детского сада. Как там быть с языком? Есть расхожая точка зрения, что детские сады необходимо создавать с учетом национальности. На том стоят, к примеру, прибалтийские социологи, выступая против объединенных детских садов.

— Да, они говорят, что пусть сначала ребенок хорошо выучит, скажем, эстонский язык, а уж потом — русский. Иначе, мол, можно психологически травмировать детей. Я не разделяю этой точки зрения. Ведь хорошо известно, что лучше всего язык ребята усваиваются в дошкольном периоде. Нельзя так: сначала изучим эстонский, а после уж — русский. Зачем устанавливать очередность? Создаем лишние проблемы.

На мой взгляд, в многонациональных регионах нужны единые — объединенные — детские сады, где могут быть национальные группы. Пусть дети с малолетства активно общаются друг с другом, проникаются уважением, овладевают языком того народа, с каким тесно контактируют. И вырастут эти дети без националистических комплексов. Но в садах обязательно должны быть группы, допустим, с казахским, украинским, русским, эстонским и другими языками.

— Хорошо, а за кем слово, какой язык изучать ребенку?

— Конечно же, за родителями. Только они решают. Двуязычие — норма,

и она распространяется на воспитателей детских садов, учреждений.

— Теперь о школе. В той же Эстонии, Грузии, Узбекистане существуют национальные школы, то есть созданы школы с русским, грузинским и другими языками обучения.

— Да, тут сложностей предостаточно. Пока что в условиях социализма существуют нации, народы, народности. С этим надо считаться. В определенных случаях могут создаваться комплексные школы, в которых бы обучение, к примеру, шло на русском и эстонском языках. Искуственно же создаваться школы для русских или эстонцев в одном микрорайоне, видимо, не должны. Нам надо придерживаться демократических принципов, учитывать интересы общие и специфические. Поэтому если в Узбекской ССР таджики проживают компактно, то для них должны быть свои школы.

— Но ведь Владимир Ильич Ленин выступал против национальных, обособленных школ, против так называемой культурно-национальной автономии, призывал к слиянию детей всех национальностей в единых школах данной местности, а «проповедывать особые национальные школы для каждой «национальной культуры» реакционно» — так писал Ленин.

— Все правильно. Но обратите внимание, что Ленин выступал против разделения школьного дела по национальностям, а не по языку обучения. Это разные вещи, надо различать. Ленинские указания как раз и сводились к тому, чтобы максимально учитывались национальные, специфические потребности, в том числе и родной язык. Увы, ни один здравомыслящий специалист вам не скажет, что проблема развития национального языка у нас решена и нет оснований беспокоиться за его судьбу. Только один пример. В Горно-Алтайске еще в 60-е годы была открыта одна-единственная школа, в которой обучение велось на родном алтайском языке.

Один из пробелов и состоит в том, что мы, увлекшись обязательным двуязычием, забыли о языках малых народов. Двуязычие должно быть двусторонним! Согласитесь, важно, чтобы не только представители малых народов знали русский, но и русские, украинцы и другие владели бы языком того народа, с каким соприкасаются на производстве, в быту, общественных местах. И здесь не витиеватыми лозунгами надо размахивать, а делать дело, то есть мы должны реально поднять авторитет языков других народов.

— Каким образом?

— Тут местные власти должны проявить выдумку, смекалку — в этом вопросе не скучные, безликие лекции нужны, а какие-то жизненные, яркие мероприятия. Можно организовать праздник языка, найти доходчивые и привлекательные формы его изучения... Тут надо подумать.

— Видимо, многое могут подсказать ученые.

— Безусловно. Но беда в том, что в годы застоя наука по изучению национальных отношений весьма сильно пострадала. И сейчас зачастую складывается прямо-таки парадоксальная картина: тому, что говорит экономист, противоречит юрист, языковед возражает юристу... Чехарда. Выход, конечно же, есть. Все наши национальные проблемы — экономические, социальные, культурные, философские, исторические, экономические — надо объединить, синтезировать, изучить в полном объеме. Только тогда сможем управлять национальными отношениями. Не на словах, а на деле обеспечим интернационализм.

Вот мы рассказываем — очень подробно и регулярно — о национальных, социальных конфликтах в ЮАР, Ирландии, Латинской Америке, о проблемах их народов. Споры нет, мы должны знать и об этом. Но совершенно непо-

нятно, почему закрываем глаза на то, что происходит в нашей огромной стране. Разве скажешь, что Центральное телевидение учитывает федеративный характер СССР? 70—90 процентов внутрисюжной информации первой программы о делах, заботах и проблемах районов, областей Российской Федерации! Надо полнее учитывать многонациональный состав нашей страны — половина всей информации ЦТ должна отражать жизнь союзных республик. Ведь это тоже один из каналов приобщения к культуре других народов. И очень в этом мы нуждаемся. Помните, Белинский говорил, что некоторые граждане имеют больше представления о Париже, чем о чукчах. Вы думаете, эта проблема была лишь актуальна в прошлом веке?

Хотите пример? Один аспирант Института социологических исследований очень сильно обиделся на одного видного московского профессора. Аспирант прибыл из Туркмении. Профессор же, уточняя, спросил: а столица вашей республики Ташкент? Или... Ашхабад? Аспирант сетовал: как же так, насколько мы, туркмены, знаем историю России, ее писателей, историю русской культуры, а профессор даже столицу моей республики не знает, хотя работает в Академии наук!

Вернемся к средствам массовой информации. Как-то проанализировал печатную продукцию журналов. Об интернациональном воспитании — в год один, два материала, а читать их... можно только из-под палки, заснешь тут же. Ни один центральный журнал, ни одно издание Академии педагогических наук не имеют специального отдела, который бы регулярно и профессионально занимался интернациональными вопросами, национальными проблемами.

С интернационалистическими убеждениями люди не рождаются — они формируются. Это же прямая обязанность средств массовой информации. А какие возможности у телевидения! Ведь можно очень интересно рассказывать — а не рассказывать раз-другой — об истории, культуре народов СССР. Можно сделать сотни передач. У нас удивительно самобытные народы и народности. Мы так мало знаем друг о друге.

— Несколько месяцев назад в гостях у «Смены» был немецкий журналист, писатель, и мы с ним совершили поездку в Литву. Когда нам в Вильнюсе и Каунасе рассказывали об истории литовского народа — а рассказывали прежде всего гостю, — то, признаюсь, я себя чувствовал неважно. Для меня было открытием, насколько богата история Литвы, хотя в дипломе по истории СССР у меня — «отлично».

— Вот и путаем даже названия столиц. Впрочем, мы и свою, национальную историю не очень-то почитаем. А что это значит? Да прежде всего то, что мы, предавая забвению жизнь наших предков, в какой-то мере обесцениваем и усложняем свое существование. История — живой материал. Сколько забыто!.. Но тут, учтите, есть еще одна крайность — что-то необдуманно выдергиваем из истории, усложняя национальные отношения.

— Невольно подумаете: как сложно обычному человеку разобраться во всех межнациональных коллизиях, которые связаны и с днем сегодняшним, и с днем вчерашним. Это само по себе сложно, у нас к тому же еще что-то скрывается, что-то недоговаривается, что-то замалчивается, плюрализм мнений...

— Вы намекаете на сумятицу в умах? Она есть. В разной степени, но существует. Как-то в Алма-Ате читал лекцию, а потом — вопросы слушателей. Вот где материал для раздумий! Ну вот, один из вопросов звучал при-

мерно так: целесообразны ли в Государственном гимне СССР слова: «Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила Великая Русь...»? Оказалось, что моего слушателя смущает образ Руси, в чем он усмотрел патриархальность, отголосок феодализма. По его мнению, эта строка Гимна должна отражать интернациональные идеи революционного класса, и прежде всего — русского. Стал объяснять, что строка Гимна верна по смыслу. Мы не Иваны, не помнящие родства. Русь, Россия, партия Ленина — это не просто слова, символы. Нередко нашу многонациональную страну сравнивают с большой семьей. А как в семье? Всегда есть младшие и старшие. И русский народ для украинцев, эвенков, латышей, башкир, нганасанов, аварцев, карачаевцев и других — старший брат. Нет, это не некая исключительность. Напротив, «статус» старшего брата русский народ оценю ко многому обязывает. Как старший, помогает — где нужно подставит свое могучее плечо... Старший должен быть мудрым, понимать мысли, особенности, традиции и интересы меньших братьев. У русского народа ноша не из легких, и хлопот у него предостаточно.

Наши зарубежные недоброжелатели случая не упустят, чтобы не столкнуться одну национальность с другой. Но главное для них — сформировать антирусское настроение, создать отрицательный образ русского человека, противопоставить русским все народы и народности. Такова стратегическая задача наших недругов. Любый наш промах в межнациональном общении ими используется, как говорится, на всю катушку.

— Да и религия не стоит в стороне, не дремлет, знает, как извлечь свои выгоды из бесшабашно-мирянской жизни... «Национализм тесно связан с религией. Нередко они дополняют и усиливают друг друга», — вычитал такие вот слова в вашей книге.

— У нас сложились весьма догматические представления о религии. Их следует пересмотреть.

Всем известно, что религии — православие, ислам и другие — проповедуют определенные нормы нравственности: не убий, не укради, уважай родителей и так далее, и тому подобное. Но кто сказал, что это религиозные заповеди? Эти нормы — заповеди не от бога, как утверждает церковь! Их родила земная жизнь — жизнь народов. Смошенничала здесь церковь, присвоив себе эти нормальные человеческие нормы.

Наверное, пора бы разобраться, что в религии божественное, а что земное — народное, с мифической окраской.

Есть религия ортодоксальная, которая заложена в Коране, Библии, а есть религия бытовая, выработанная опытом жизни, мудростью человеческого ума. Архисложная проблема, ибо масса религиозных обычаев очень тесно переплетается с национальными традициями народов.

Вспомним, как после 1917 года в нашей стране было запрещено празднование Нового года. Тогда казалось, что подобные празднования могут укрепить религиозные верования населения. Потом сообразили — подход неверный. Новый год стал отмечаться (по христианскому летосчислению), и он очень скоро утратил функцию религиозной символики.

Возьмите похоронные обряды. Вот скажите, чем отличается русский церковный похоронный обряд от нецерковного?

— Церковные похороны — это поп, отпевание, религиозная атрибутика... Так, кажется.

— Правильно. А во всем остальном — полное совпадение с обычными, светскими похоронами. Основные элементы, принципы ритуалов одни.

Масленица. Старинный славянский

праздник. Отмечаем? Отмечаем, но не как масленицу, а как праздник проводов зимы. То есть здесь отсеки религиозную интерпретацию, и он воспринимается как народный праздник. Видите, какая взаимосвязь?

У мусульманских народов все намного сложнее, драматичнее. Здесь вообще не изучалось и не учитывается, где религиозные ритуалы, а где народные традиции. Вернемся к тем же похоронам. Представьте себе такую картину: подходит представитель власти и указывает: умерших хоронить в гробу! Мусульмане никак не могли с этим согласиться, пойти на это, не соглашались, а их заставляли! Но ведь так повелось, что мусульмане хоронят не в гробу, а в саване. Видите, и здесь были перегибы. Иными словами: искусственно нагнеталась нездоровая обстановка, обострялись национальные отношения. Не надо учить народ, как хоронить людей! Он знает сам, как это надо делать, за плечами опыт тысячелетий. А помочь можно, нужно.

Мы не должны, не имеем права ломать, разрушать нравственно-положительные народные обычаи. В них каждая мелочь имеет глубокий смысл. А что получается в жизни? Ведь зачастую некоторые ретивые руководители устраивают чуть ли не охоту на народные обряды, традиции — запрещают, преследуют, притесняют... А священники, служители церкви тут как тут. Дескать, религия и есть та спасительная хранилища всего национально-сокровенного. Люди и тянутся к религии. Вот к чему приводят ханжество, поспешность, бесцеремонность к прошлому, традициям своих и дружеских народов. В иных изданиях клокочет мысль, что в истории существовала непреодолимая преграда, полная изолированность — китайская стена между народными и религиозными обрядами. И это, замечу, рассматривается как проявление партийной принципиальности. А между тем партийная оценка в ленинском понимании — научный подход, учет всего предшествующего опыта развития человечества, знание всей системы прямой и обратной связи национальных и религиозных обрядов.

В Туркмении есть религиозный обряд, во время которого люди катаются на качелях. Ну, раз праздник, то народ, среди которого немало и неверующих, естественно, строит качели, а партийные работники, милиция ходят и разрушают, ломают их. Как же — борьба с религией! Я им и говорю: что вы делаете? Да соорудите для народа железобетонные качели, и пусть люди на них качаются круглый год. Так нет, превратили это в проблему. Правда, недавно узнал, что вроде бы Ашхабадский горсовет все-таки принял решение о строительстве качелей.

Все, что в свое время религия прибрала из народных традиций к своим рукам, надо у нее отобрать и вернуть людям, но, повторяю, с атеистической трактовкой. Во-первых, свою жизнь обогатим, а во-вторых, лишим деятелей религиозного культа козырей.

Религия. Одно дело — ее социальная сущность, а другое — ее нравственные нормы.

Согласитесь, сколько у нас можно найти примеров, когда люди превозносят свою национальность, унижают других представителей народа, игнорируют межнациональную культуру! А где же образ такого человека? В жизни таких людей полно, а в отечественной литературе? Где отрицательный герой с той самой национальной кичливостью, национальным эгоизмом? Где? А ведь сколько можно было бы написать комедий. И люди, смеясь, расставались бы со своей национальной спесью, пред-рассудками! Сила комедии, сатиры известна. Националистическая спесь — очень хороший материал для художника. Не могу понять, почему писатели не вступают в борьбу с пережитками на-

ционализма и шовинизма? Традиции русской гуманистической литературы во многом позабыты.

Два своих последних пленума Союза писателей посвятил проблемам национальных отношений. Очень много на нем сказано правильных слов. Будем надеяться, что за ними последуют и дела.

Да и с самой литературой не все в порядке. Вот мы говорим: столько-то выдает печатной продукции, тиражи... Посмотрим с другой стороны. Если в РСФСР на языке коренной национальности республики в 1959 году тираж книг на одного человека этой национальности — 8,3, а в 1979-м — 10,6, то в Белорусской ССР — соответственно 1,2 и 0,9, в Узбекской — 2,6 и 2,1, Азербайджанской — 2,7 и 2,0, Киргизской — 2,9 и 1,8, Таджикской ССР — 1,9 и 1,3...

Закрываем национальные школы, сокращаем выпуск литературы, ограничиваем развитие родного языка — все это в той или иной степени влияет на социальное самочувствие людей, их психологическую уравновешенность, отношение к действительности. Поверьте, люди малых наций очень болезненно реагируют на всевозможные ущемления.

— Надо полагать, с развитием промышленности, народного хозяйства миграционные процессы в нашей стране усилятся, и к межрегиональным перемещениям, которые во многом изменят национальный состав трудовых ресурсов, надо соответственно готовиться, дабы избежать напряжения в межнациональном общении.

— Да, верно. Люди должны быть во всех отношениях готовы к встрече с представителями другой национальности, чтобы, скажем, исключить всевозможные неожиданности при встрече молдаванина с якутом, которые видели друг друга лишь по телевизору.

— Видимо, чтобы не обострять отношений, не травмировать психологию человека, надо не только придерживаться социальной справедливости, избегать перекосов в социально-экономической жизни, но стоит подумать и о повышении общей культуры человека.

— Обязательно. Отсюда все идет. Но, поднимая уважение к человеку вообще, мы все-таки должны выделить уважение к человеку другой национальности. А тут предполагаются усилия...

— Но это, собственно, наша обязанность. Есть же Конституция СССР.

— В нашей Конституции написано, что уважение — это долг гражданина. А все ли, что заложено в Конституции, отражается в жизни? Не думаю. Поэтому считаю, что на одном из пленумов Верховного суда необходимо рассмотреть вопрос о проблемах национальных отношений, национализма и принять соответствующие законы. Если люди позволяют себе всевозможные выходки, оскорбляют, унижают человека другой национальности, то их надо привлечь к строгой ответственности. Если бы такие законы существовали, то, думаю, в Сумгаите не было бы столь трагических событий.

Теперь два слова о Совете Национальностей СССР, который, безусловно, должен полнее учитывать национальные, специфические запросы, проблемы. Так, Комиссии Совета должны быть построены по принципу региональности, с учетом социальных и экономических проблем. Может быть, при Верховном Совете СССР есть смысл создать комиссии по социально-экономическому развитию республик и автономных областей. Я не говорю о создании второй палаты, но вот республики, которые в своем составе имеют автономные области, округа, должны иметь специальные национальные комиссии. На местах нужно иметь свой, в миниатюре, Совет Национальностей, которому были бы хорошо известны все ну-

жды и проблемы народов и народностей.

И почему бы там, где есть необходимость, не организовать, не создать национальные районы. Тут, полагаю, и можно воспользоваться опытом 20-х годов, когда в нашей стране существовали национальные сельсоветы, районы.

— А нужно ли такое обособление? Зачем эта автономия?

— Не об автономии речь. У нее другой статус. Надо исходить из специфических интересов всех народов и народностей. У всех должна быть благоприятная социально-политическая среда. Об этом речь. А обособление — когда нет такой среды. Вот недавно обнаружилось, что в Джамбулской области Казахстана есть поселения, где проживают азербайджанцы и курды. Но на них местные органы власти до сих пор не обращали внимания. Люди жили изолированно от казахского и русского народов, по своим законам, придерживались старозаветных ритуалов — замуж выдавали малолетних девочек... Эти люди не вошли в контекст социально-культурной жизни Казахстана, обделены вниманием.

— Как мы уже с вами говорили, все наши проблемы, связанные с национальными отношениями, прорвались наружу благодаря процессу демократизации общества, но с расширением демократии не усилятся ли национализм, шовинистические поползновения?

— Конечно же, какие-то националистические выходки могут усилиться. Но в условиях полной демократии национализм, шовинизм, космополитизм обречены. Однако это не значит, что все разрешится по мановению волшебной палочки.

— Быть может, в условиях демократических преобразований стоит упразднить в паспорте графу национальности. Ведь мы же говорим, что в нашей стране все народы и народности имеют равные права, что национальность не играет никакой роли при поступлении в вуз, на работу? Какой смысл тогда ее указывать в паспорте? Кстати, в некоторых странах она не указывается, и, говорят, в царской России не делали подобных отметок.

— Мы как-то проводили исследования, и вот что они показали. Жители Средней Азии, прибалтийских республик считают, что национальность надо обязательно указывать, русские же, живущие в союзных республиках, наоборот, говорят о том, что национальность надо снять, на том же стоит еврейское население, а у русских, проживающих в Москве, мнения разделились — одни полагают, что национальность не надо указывать, другие же считают иначе... Видите, какой большой букет мнений.

А за этими мнениями стоят определенные интересы и даже определенные противоречия.

— Думается, Масхуд Садыкович, было бы демократичнее так: национальность указывать по желанию человека.

— Со временем, конечно же, национальность из паспорта исчезнет. Пока люди еще к этому не готовы, и ее надо оставить.

Давайте подведем итоги. Как отмечал Владимир Ильич Ленин, людей без национальных особенностей... нет. И мы должны с этим считаться — и не только на митинге, не только на производственном собрании, а постоянно — везде и всегда. Братство народов СССР — уникальное явление в развитии мировой цивилизации, и наш долг перед временем не потерять то, что накоплено опытом социализма.

Говоря о молодом поколении, не стоит умалить роль старшего. Великий Гете как-то сказал: для чего существует старшее поколение? Для того, чтобы молодежь не повторяла их ошибки.

на приз
журнала

«СМЕНА»

— В этом году я, конечно, на «золото» надеялся. Две серебряные медали сменовского турнира у меня ведь уже есть. И надо же было нам в первой игре так оступиться! Нет, честное слово, я бы с радостью отдал свой приз лучшего игрока соревнований за участие в финальном матче. Я много мечтаю в футболе добиться, но вот золотой медали «Смены» у меня уже никогда не будет...

Руслан Лукин, лидер первой сборной СССР, чуть не плакал, произнося эти слова. У него, похоже, действительно неплохое футбольное будущее, но как хочется пожить настоящим!

За последние годы большой спорт помолодел буквально на глазах. Календарь юношеских

соревнований по своей насыщенности теперь мало чем отличается от взрослого — у футболистов-десятиклассников есть, к примеру, свое первенство мира. Раньше, бывало, игрок лет до двадцати трех мог ходить в «подающих надежды». Теперь же оправдывать авансы нужно куда в более молодом возрасте.

Они уже достаточно капризны, эти «звездочки». Многие их сверстники гоняют еще мяч по пыльному пустырю, а этих уже не устраивают условия размещения в интуристовской гостинице, они любят сравнивать аэропорты различных городов страны и мира, отдавая предпочтение последним, и попробуйте подать им к отъезду на тренировку другой автобус, кроме мягкого

«Икаруса». Что это — завышенность притязаний или зачатки того отношения к своим обязанностям, которое принято называть профессиональным?

— Футбол во все времена будет оставаться игрой, в которой можно либо проиграть, либо одержать победу. Вот только резонанс от этих успехов или неудач бывает порой настолько громким, что забываешь: а ведь играют-то по существу дети, — говорит лучший болгарский футболист всех времен Иван Колев, не первый год привозящий в нашу страну юношеские сборные. — К примеру, сейчас я в силу обстоятельств прибыл в Душанбе со вторым составом команды — первый как раз в эти сроки пробивается сквозь сито отбороч-

ных матчей в чемпионат Европы. То есть объективно мы здесь не столько себя показываем, сколько других смотрим. Но результат-то с меня по возвращении спросят, да еще как спросят! Сейчас на возраст, по-моему, во всех странах не слишком смотрят — проигрывает-то в конце концов национальная сборная. Так что в юношеском футболе сегодня нет мелочей, и корить мальчишек за излишний порой практицизм, считаю, не стоит.

Контракты в шестнадцатилетнем возрасте предлагаются сегодня не только зарубежным футболистам. Если еще недавно наши сборные комплектовались исключительно из игроков спортшкол, то сейчас, к примеру,

тот же Руслан Лукин прочно обосновался в дубле бакинско-го «Нефтчи», а в недалеком будущем видит себя уже и в основном составе:

— Мне вообще-то все равно, на каком месте играть. В сборной тренеры используют меня на самом остром атаки, в клубе же я оттянут чуть в глубину поля,

играя, как мы говорим, «под нападающими». Соответственно и задачи мне ставятся разные, но, знаете, и пытаться забивать самому, и выводить на удар партнеров мне одинаково приятно. Когда получается, понятно...

Рисуется, конечно. Но играть уже сегодня умеет здорово. Если бы только не излишняя горячность и нетерпеливое желание забить, во что бы то ни стало отличиться, заявить о себе на будущее. Впрочем, этот «грех» — общий для всех команд — участниц нашего турнира (а их на сей раз собралось в столице Таджикистана десять: Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Финляндия, Чехословакия, РСФСР, Таджикистан и две сборные СССР).

Каждый из них упорно верит в свое завтра, но и сегодня хочет быть только первым. В прошлом году победа досталась сборной СССР-1. Правда, игра ее за четыре месяца до начала мирового первенства в Канаде не слишком впечатляла, и скептики заранее выражали соболезнования тре-

неру Александру Пискареву. Тот отмахивался: дайте срок. Мне, признаться, тренер тоже видится не грядущим триумфатором, а человеком, до поры до времени прячущимся за фразу: «Все идет по плану», чтобы потом браться доказывать, что занято именно то место, которое и планировалось. Но Пискарев и его ребята все-таки в упорной борьбе завоевали первое место в Канаде.

На нынешнем турнире Пискарев был в роли помощника Геннадия Костылева, старшего тренера первой сборной. А ту свою «звездную» команду он уже передал другому тренеру, она теперь не юношеская, а юниорская. Сборная СССР-1 в Душанбе свою марку не поддержала — поражение от команды Венгрии

в первый же день оставило ее за бортом главного финала. Выручила ее «вторая», питомцы Александра Кузнецова. Разница в год на этом этапе весьма и весьма ощутима, но младшие бились настолько отчаянно, что соперники — опытные и довольно уже умелые — уступили, дрогнули в дополнительное время: основного для выявления победителя в финале не хватило. Кузнецов сумел все же найти какой-то ключик к ребятам. Но через два года и он расстанется с этой командой...

Он очень тернист и сложен — путь в большой футбол. Турнир на приз нашего журнала — своеобразный мостик в будущее для этих ребят. Будущее, которое они приближают с таким нетерпением...

Сергей МИКУЛИК

фото Сергея ВЕТРОВА

На выставке плакатов
«Художники — против наркомании».

ДОЛГИЙ ПУТЬ К БЛИЖНЕМУ

Марек КОТАНСКИЙ,
руководитель
движения МОНАР*

Хорошо помню своего первого наркомана. Он был подавлен, а я пылал терапевтическим нетерпением. «Ты, должно быть, несчастье?» — вырвался у меня идиотский вопрос. «Отстань от меня и займись своими делами», — ответил он. В тот момент я и подумал, что лечение наркоманов следует начинать со знакомства с их мышлением, реакциями, жаргоном, привычками.

Так начались пять лет постоянных неудач в больнице в Гарволине... Пациенты содержались в больнице несколько месяцев, выписывались, несколько недель воздерживались от наркотиков, а потом все начиналось сначала. Пробуя разорвать этот заколдованный круг, мы занимались групповой и индивидуальной терапией, создавали то полностью изолированные, то полужизолированные, то открытые палаты. Вел философские беседы, дискуссии по искусству и культуре, вместе ходили в кино и театры, слушали музыку.

Все напрасно!

Каждый из пристрастившихся к наркотикам знал, что в психиатрической больнице есть подпольный мир. И знал разные способы одурачивания медперсонала. Замкнутый больничный мир, определенный порядок взаимозависимости, основанный на разном статусе пациентов и работников клиники, создавал в подсознании больных образ сдерживающей системы, где самодисциплина и самоконтроль ни к чему. Следовало искать какие-то другие условия, которые бы заставили наркоманов проснуться от спячки и активно ставить перед собой достойные жизненные цели. Я начал мечтать о некоем доме, где они могли бы проявить свой заложенный от природы потенциал доброй воли и жизнедеятельности.

И тут поступило предложение — разместить часть пациентов в заброшенной помещицкой усадьбе в девяти километрах от больницы. Вест о переезде мои подопечные встретили с энтузиазмом. Благодаря большому усердию и различным формам интеллектуальной деятельности они уже несколько месяцев воздерживались от употребления наркотиков.

15 октября 1978 года мы переехали.

Но к тяжелой работе по расчистке снега и ремонту поместья, к подъему в шесть утра ребята оказались не готовы. И снова все рухнуло. Почти с самого начала они стали принимать «порошок», одурачивая нас. Точно так же, как делали это в психиатрической больнице.

Тогда во время одного из сеансов психотерапии я резко и даже несколько театрально сказал: «Либо вы прекратите приток наркотиков сами, либо мы распродаем, а я закрою клинику». Пятых тут же выгнал вон, вызвав ошарашенные возгласы оставшихся: «Вы выгоняете больных, нуждающихся в вашей помощи?!» Да, я нарушил главный для любого медика принцип — стараться спасти каждого и любым способом. Но у меня не было выбора.

Вместе с оставшимися мы решили, что отныне в усадьбе в Глоскове не будет места нарушающим правила. Тот, кто начнет вновь принимать наркотики, будет изгнан ради спасения остальных.

Правда, те, кому велено было уйти, затем один за другим вернулись, умоляя их принять. Начался новый порочный круг — они постоянно уходили и возвращались. А раз можно вернуться, когда хочешь, — нет никакого стимула преодолевать свои дурные наклонности.

Тогда мы ввели уточнение — начать лечение в центре можно только один раз. Мы вместе будем переживать все хорошее и плохое, но только однажды начав — и до положительного результата.

И в университете, и в неврологической клинике меня учили быть мягким и снисходительным. Но, оказывается, в общении с наркоманами просто необходимы настоящий гнев и даже агрессивность. Подделку под истинные чувства они обнаруживают немедленно. Только страстью и усердием можно выиграть этот «матч». Теплые чувства и уговоры успеха не имеют. И если накал моих эмоций падает — им делается скучно.

Доведя своих пациентов до предела напряжения, я уже могу приказывать им что угодно. И они это выполняют, даже не спрашивая зачем. Усвоив, что я честен и действительно хочу их вылечить, они уже почти идентифицируют себя со мной.

Но дай только наркоману власть — он будет более жестким, чем я. Подавляющему большинству новичков они говорили бы: «Ты не подходишь для лечения, так как не вписываешься в нашу систему». И ни минуты бы не колебались.

Когда я начал работать с наркоманами, занимался такими вещами, как интервью, тесты, анкеты. Но быстро отказался от этого «чистого искусства». Если бы я с первого разговора начал копаться в прошлой жизни

этих ребят, не смог бы их воспринимать такими, какие они есть, потерял бы шанс полюбить их и помочь. Поэтому я вообще не читаю историй болезни.

Поначалу было очень трудно. Создавая первый такой центр в Польше, мы шли дорогой первопроходцев.

Поместье было запущенным. Все ремонтные работы приходилось выполнять самим. Но ребята смогли делать очень многое, даже красивые деревянные скульптуры. Они установили контакт с мебельной фабрикой в Вышкове и мебелировали все комнаты с большим вкусом. Постепенно установился определенный режим дня, режим работы в поле и в свинарнике. Они стали получать удовольствие от обычных каждодневных занятий. Таких, как посещение школы, уборка и мелкий ремонт дома. То есть снова становились нормальными людьми.

И сегодня можно говорить о связной и последовательной системе лечения, благодаря которой через два года они начинают новую жизнь. Как правило, успешно. Учатся, работают и больше не употребляют «зелье».

Вся власть в центре принадлежит общине, включающей обслуживающий персонал, пациентов и меня. Она решает все текущие вопросы, принимает новых пациентов и изгоняет тех, кто не соблюдает правила. Персонал состоит из врача-терапевта, двух психологов, социолога, двух педагогов, преподавателя истории и польского языка и одного бывшего пациента, который бросил наркотики и изучает в Варшавском университете ресоциализацию. Все это — сильные личности, способные прийти друг другу на помощь. Некоторым кажется странным, что пациенты решают — останется ли тот или иной наставник в центре или покинет его после испытательного срока. Но я думаю: иначе и быть не может. В конце концов это мы здесь для них, а не наоборот.

Каждый работает по 42 часа без отдыха, затем на пару дней уезжает и потом возвращается на очередную «смену».

Подопечных у нас 30—35, но иногда их число доходит и до пятидесяти. Иногда ситуация просто безвыходна. Как не принять шестнадцатилетнюю девушку, 25-летнюю мать с ребенком или умирающего десятилетнего наркомана? Возраст пациентов обычно от 16 до 30 лет. Но обстоятельства заставили нас начать работать и с подростками: возрастная граница наркомании резко снизилась. И сейчас эксперимент по лечению подростков совместно со взрослыми уже дает результаты.

В центре, жизнь которого устроена на принципах взаимовоспитания, есть супружеские пары и дети, которые трех-четыре года от роду впервые начали вести нормальную

жизнь именно в Глоскове. Недавно во время обследования трехлетней девочки Майка на вопрос врача о том, что такое «соломка» (так называемый «польский героин» — наркотик домашнего приготовления), ответила: «Это то, за чем мама и папа ездят в деревню».

Сейчас наркотиками балуются и люди благосостоятельные, и дети рабочих и интеллигенции, ну и, конечно, представители «высшего общества». Собравшиеся у нас в Глоскове образуют как бы микробщество Польши, основной закон которого — полное воздержание от наркотиков и алкоголя. Что же касается психозов на почве воздержания от того и другого — это первые шаги на дороге к выздоровлению. Сбоев в реализации этого принципа быть не должно. Поэтому община и отвергает всякого, кто позволил себе «слабость».

У нас есть служба защиты МОНАР, созданная самими пациентами. Ее члены имеют право контролировать всех и искать наркотики в любое время дня и ночи. Они великолепно выполняют свой долг — именно им удалось положить конец подпольному притоку наркотиков в усадьбу.

По ходу дела нам потребовалось создать новый специфический тип морали и выработать основные направления, которые бы не вели к бесправности пациентов или безразличным ситуациям. Отказ даже от друга, если он или она нарушили правило абсолютного воздержания, — долг каждого, желающего предотвратить катастрофу в нашем доме. Я переживаю о каждом таком уходе. Но сдерживаю себя и говорю: «Вот тебе, парень, пятьдесят злотых на билет и три минуты, чтобы нас покинуть».

Бывают ситуации, когда просто необходимо отделаться от пациента, которого через пять минут охватит страшное желание принять дозу наркотика. Он уже безнадежен, а его страстное желание мгновенно перекинется на других. И если он не уйдет сейчас, то уйдет через несколько часов. Но тогда уже с ним уйдут и еще несколько человек.

Странная, но неотвратимая операция, напоминающая отчасти эпидемию чумы. Когда в палате кто-то вдруг заболевает чумой, его не оставляют с другими больными. Кладут на носилки и уносят в изолятор.

Но зато жизни остальных в безопасности! Конечно, нет правил без исключений.

На моей памяти община три раза разрешала человеку вернуться, давая ему еще один шанс. В семьдесят девятом двое мальчишек «уколотись», и их немедленно изгнали. Они явились ко мне и попросили: «Марек, пошли нас в тюрьму!» Я не мог этого сделать и сказал им: «Идите в больницу в Гарволине, видеть вас не хочу!» Они так и сделали. За год,

* МОНАР — аббревиатура словосочетания «Молодежный наркологический центр».

Фото Томаша ЛОСЯ

проведенный в больнице, один из них сумел закончить два класса школы, а другой сдал экзамены в университете. И мы приняли их обратно, увидев, какие усилия они потратили, чтобы измениться. Теперь один из них — терапевт у нас в Глоскове, другой руководит отделением МОНАР в Гданьске.

Недавно я имел еще один повод убедиться в том, что ребятам можно доверять. В момент, когда в усадьбе не было никого из персонала, приехала девушка, которую удалили из центра два года назад. Она была известна тем, что всех всегда обманывала и возбуждала агрессивность... Пациенты собрались все вместе и после двухчасовой дискуссии решили принять ее обратно. Потому что жестокость — исключение из правил, а доброта и любовь к ближнему — правило.

А, кроме этих правил, есть еще работа на благо центра, учеба, дисциплина. За соблюдением этой системы ценностей следит совет, избранный из числа пациентов. Он все планирует, организует и оценивает результаты работы. Мы все ему подчиняемся.

Все обитатели усадьбы сами заботятся о всем хозяйстве. Умудряются найти дополнительные места для новичков, разделяя большие комнаты на маленькие части. Построили теплицу, развели свиноферму.

Утром — пробежка в несколько километров, днем — тяжелый физический труд, вечером — интенсивная психотерапия. Возможно, кому-то все это покажется издевательством. Но только предельная усталость от труда и поможет сопротивляться искушению «уколотся», становясь единственным спасением от депрессии.

Единственный путь избавиться от привычки к наркотикам — понять и почувствовать вкус обычной жизни. И мы раз за разом заполняем ужасную внутреннюю пустоту человека, личность которого в руинах, как и его организм.

Чтобы при соприкосновении с реальной, не всегда красивой жизнью за воротами центра мои пациенты не потянулись к уже известному им успокоительному средству, я стараюсь научить их вставать рано утром, выполнять ежедневные обязанности и, насколько возможно, организовывать свое свободное время. Они не должны потеряться в обыденном, не избегать его, а иметь хоть какой-нибудь иммунитет против будущих разочарований и трудностей. Мы помогаем им обрести чувство безопасности, которого у них прежде не было, и создать возможность для деятельности, которая бы практически не отвлекала времени на отдых. Помогаем им добиваться хотя бы небольших жизненных побед и понимать самих себя и других людей. Поэтому никаких решетчатых окон и охраны! Если хочешь — беги, но обратно ты сюда уже

не вернешься. Поэтому думай над тем, что можешь потерять.

Зависимость от наркотиков — заболевание, поражающее эмоции, самую уязвимую сферу человеческой личности. Происходят значительные психопатические изменения, разрушается организм. Задеты мозг, центральная нервная система, почки. Быстро наступает общая вялость, неспособность хоть на чем-нибудь сконцентрироваться, трудности в приобретении знаний, амнезия, потеря силы воли. Осилить все это можно только необычным способом и в необычных условиях. Поначалу даже приходится давать таблетки в течение нескольких недель, в свободное время предлагая поиграть в бадминтон или встретиться с интересным человеком. Избавление от наркотиков — медленный и трудный процесс, требующий полного изменения личности. И какая-либо гонка тут недопустима.

То, что мы делаем, можно сравнить с установлением протеза, искусственного стимулятора. Через какое-то время поплавший к нам психопат привыкает к нему, начинает воспринимать его уже как естественный, для него заново открывается окружающий мир.

Первые три месяца — самый трудный период. Наркоман твердит нам, что очень хочет излечиться, но у него почти нет мотивации для лечения. Подсознание его все еще обращено на наркотики. И приходится прodelывать болезненную операцию с его психикой, заставляя новичка осознать, что именно употребление наркотиков привело его в никуда. Только когда он осознает свою полную ничтожность, мелькнет шанс создать нечто в опустошенном «я». Мы вступаем в настоящую борьбу с человеком за него самого. И обязаны выйти победителями.

Недавно студент четвертого курса университета, будущий искусствовед, неплохой в сущности парень, едва оказавшись в Глоскове, начал усиленно всем демонстрировать, что он не такой «свихнутый», как все остальные. Ну, и вызвал естественную раздраженную реакцию: «Кто тебе сказал, что ты лучше нас? Зачем ты тогда вообще сюда пришел? Чего ты ждешь от нас? Тебе здесь окажут помощь, но никто не собирается терпеть твою блажь и высокомерие!»

И парень начал думать, разбираться в самом себе, вспоминать, сколько дров он наломал в своей жизни. И постепенно научился быть честным с собой и с нами. За душой самоуверенностью обнаружился предельно растерянный, больной молодой человек. Довольно жалкий. Но которому не было противно протянуть руку.

Существует определенный тип человеческих эмоций и отношений, который можно стимулировать только заставляя человека

У Марека Котаньского много друзей.

стать активным, не ожидая, однако, что эта активность придет в результате развития эмоций. Он должен делать, что ему говорят. Даже когда он не понимает или не чувствует правильность того или иного решения. Во время первого этапа лечения у пациента нет ничего, кроме обязанностей, он не имеет практически никаких прав. Если человек, принимаемый в центр, с самого начала уравнивается в правах с полноправными членами МОНАРА, ему не за что будет бороться.

Существует еще одна сторона дела. Пациент, принимаемый в центр, совершенно не обладает сопротивляемостью — каждый его контакт с миром наркоманов закончился бы употреблением наркотиков, так как он еще не развил свой собственный защитный механизм. Первые три месяца — тяжелый период для него. Это период постоянных симптомов желания убежать, «уколотся». В течение первых нескольких месяцев такие люди скорее предпочли бы уйти, чем остаться. Под любым предлогом. Они агрессивны по отношению ко всем и ко всему. Вслух говорят, что им здесь нравится, а ночью, лежа в кровати, продолжают думать о том, как бы выбраться отсюда и как раздобыть «зелье». Поэтому им не разрешается покидать территорию в течение первого месяца. Когда они впервые выходят в Гарволин после «карантинного» периода, их всегда сопровождают те, кто находится в центре дольше.

Что же тогда удерживает их от побега, почему они остаются, несмотря на то, что так плохо себя чувствуют? Я думаю, что существуют какие-то решающие факторы. Плюс добровольность лечения. Если кто-то решает остаться в Глоскове, он должен соблюдать все законы, но его не лишают свободы. Что человеку помогает выжить, так это домашняя обстановка и убежденность, что все здесь хотят помочь тебе.

Они доверяют мне полностью, они верят в мои чудесные способности, верят, что я неспособен совершать ошибки или делать зло. Эта «непогрешимость» была моим сознательным приемом долгие время. Я был кем-то вроде доброго духа. Это очень помогло мне в позитивных манипуляциях.

В определенный момент я начал спрашивать себя, не является ли система Глоскова системой лидера. Считаю, что так оно и было в Глоскове долгое время, но сейчас уже изменилось. В течение нескольких месяцев я был очень поглощен работой по предотвращению распространения наркомании, потому что мечтаю снизить уровень наркомании в Польше. У меня остается все меньше и меньше времени на пациентов в Глоскове. Если раньше я ездил туда четыре раза в неделю на несколько десятков часов, то сейчас посвящаю им три-четыре часа в неделю.

Процент излеченных растет год от года, так как Глосков может предложить в настоящее время довольно эффективное лечение от наркомании.

Вернемся снова к этапам лечения. После подготовительного этапа наступает период членства в общине. Молодой человек, который научился справляться с тяжелой каждодневной реальностью, должен зарекомендовать себя фанатизмом деятельности, стимулируемым его собственной природной энергией. Этот этап продолжается около года. Это период увлечения МОНАРОМ и его идеями. Вдруг пациент осознает, что все, чем он занимается здесь, важно для него. Это период обучения наблюдению позитивных сторон жизни, момент, когда человек впервые становится удовлетворен собой.

Я обычно говорю моим пациентам: «Преусловием, вы почувствуете самоуважение, то, чего вы не чувствовали годы, и вы захотите снова испытать это чувство, захотите закричать: «Я был дрянью», вместо того чтобы повторять про себя: «Я дрянью».

Глосков — это что-то вроде острова, который защищает своих пациентов от неизвестного. Хотя мы стараемся создать у себя условия, насколько возможно похожие на настоящую жизнь, опасного столкновения с реальностью нельзя избежать. Есть момент в лечении, когда мы не можем предложить ничего другого, кроме физической поддержки, — остальное зависит от самого человека. Истина состоит в том, что пациент сам должен излечить себя и найти замену наркотикам. Это может быть мечта о семейном доме, альпинизм или хорошая работа. Самое главное для них — найти свое место в жизни. Все мы знаем, это непросто. Но мы, нормальные люди, знаем, как жить день за днем, а наркоман не знает. Кроме воссоздания личности, успешное лечение означает планирование своей жизни на несколько лет вперед. Ведь безделье и скука — худшие враги человека, решившего покончить с привычкой употребления наркотиков. Активная жизнь помогает преодолеть депрессию, что иногда случается еще в течение ряда лет после того, как пациент покидает центр.

Я уже рассказывал вам, что, когда наркоман попадает в МОНАР, ему практически не за что здесь бороться. Наиболее вероятно, что ему даже не захочется выходить из комнаты. Он предпочтет слушать музыку и курить сигареты. Даже в солнечный летний день он не сменит свою комнату на озеро или лес. Он смотрит с удивлением на пациентов, которые хотят гонять мяч или выполнять домашнее задание после прихода с работы. Но это заставляет его задуматься, осознать, что он собой представляет и на что способен.

Новичок может обнаружить свою «никчемность», когда он столкнется с другими пациентами, которые уже находятся в центре в течение нескольких месяцев и могут называть себя «членами общины».

Своим поведением, отношением они заставляют его почти физически почувствовать собственную никчемность. И новичок почти сразу же стремится доказать, что это неправда. Он еще не полностью осознал природу своих желаний. Но это и есть начало отвыкания от чудовищной привычки.

Потом он переходит в среднюю группу и страстно ждет, когда я ему скажу: «Отныне ты — член МОНАРА, с сегодняшнего дня твои обязанности иные». Теперь он обязан отвечать за других, тех, кто пришел после него, кто постоянно оценивает его поведение. Он уже прошел некий путь к осуждению, следуя примеру других, и теперь ощущает, что сам должен быть примером. МОНАР становится для него делом, которое следует продолжать и защищать.

Я уже до некоторой степени привык, что методы, используемые в Глоскове и других местах, где возникли подобные центры, сильно критикуют. Но, несмотря на весь огонь критики, для меня главное то, что из нашего центра вышло много хороших людей. И теперь они стали более активными и способны помогать другим решать их проблемы. Поэтому я с оптимизмом смотрю на свою работу и на будущее своих подопечных, многие из которых уже помогают мне бороться с наркоманией в Польше.

Человек никогда не потерпит неудач, если он верит в себя.

Алексей НИКОЛАЕВ

Фото Евгения СТЕЦКО,
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

К 250-летию со дня рождения Василия Баженова

ТРАГЕДИЯ ЗОДЧЕГО

Путь этой жизни указала судьба: первые шаги великого зодчего на земле пришлось по пепелищу...

Страшно горела Москва летом 1737 года. С воем, с треском, под стоны задыхавшихся в дыму колоколов кидался огонь из одного конца города в другой, не щадя ни божьих храмов, ни вельможных дворцов и в одночасье испепелил дома черного люда. Спалив мосты, обошел пожар лишь Замоскворечье, но, словно в отместку за то, чего не добрал здесь, отлютовал в Кремле. Грановитую, Оружейную, иные палаты и дворцы, набережные сады с оранжереями схватил огненный смерч намертво. Рухнули колокола с Ивана Великого; огня не выдержал — треснул и сам Царь-колокол, висевший под шатром рядом с колокольней. Не скоро, но, будто насытившись разбоем, отбушевал пожар, оставив лебедой зарастать новые пустыри по обе стороны обуглившихся кремлевских стен.

Своеобразие баженковского стиля угадывается в этом памятнике Подмошья.

«Звонки на холме» — таким он был...

Здесь, на папелище, держась за рясю Ивана Баженова, причетника церкви Спаса, «что за Золотой решеткой в Кремле», и сделал первый свой шаг по земле Баженов Василий. Кому было знать, что отблеск «великого» пожара зажжет на небосводе русского зодчества звезду первой величины? А звезда Василия Баженова всходила стремительно.

Начатков грамоты, под отцовским кровом обретенных, достало тринадцатилетнему отроку, чтобы отворились перед ним двери Славяно-греко-латинской академии. Сметливость ума одолела и крутые сословные преграды на пути к университету, а склонность и способности явные к искусствам изящным привели в стены столичной Академии художеств.

Девятнадцать лет не минуло Баженову, когда выполнил он первый свой архитектурный проект — церкви в Старках, под Коломнаю, — блеск и зрелость которого в изумление привели профессоров, заставив признать, что Академия дала ему все, что могла, а большее не в ее, выходило, силах. Удивляться ли, что с надеждами великими отправлен был петербургский студент на казенный кошт в Париж — «для дальнейшего усовершенствования»?

Но не подивиться нельзя тому, что первый же публичный экзамен в столице искусства вылился в неслыханный доселе триумф. Представленные Баженовым проекты и модели настолько поразили первейших мэтров европейской архитектуры, что Флорентийская, Климентинская и Бо-

лонская академии единодушно приняли его в действительные свои члены, а самая знаменитая из них — академия св. Луки в Риме — присо-вокупила к сему особую привилегию — быть ее профессором. Едва ли не первый это был случай проваления потребности просвещенной Европы в российских учителях!

Но давайте мысленно свернем с пути Баженовым пройденного, и представим себе, что столь стремительно обрушившаяся слава вскружить могла ему голову. Сколько бы шедевров европейского зодчества значилось сегодня под этим русским именем, если к тому же учесть, что заказов, во всех европейских столицах ему тотчас предложенных, хватило бы не на одну жизнь? И вполне понятно недоумение Людовика XVI, давшего специальную аудиенцию двадцатилетнему россиянину, когда последний отказал французскому королю в услугах, сославшись на обязанности свои к отечеству.

По прибытии в Петербург в заказах отечественных недостатка не было, но привилегия выбирать принадлежала здесь не художнику — пользовались ею другие.

Граф Григорий Орлов, фаворит императрицы и начальник над всей российской артиллерией, склонность свою к изящным искусствам явил весьма своеобразно — зачислением академика архитектуры в свое ведомство с чином капитана и поручив ему для начала постройку арсенала на Литейном проспекте. Сомневаться в успехе основания были, и весьма: казенное, сугубо практического назначения здание не лучший объект для высокой архитектурной мысли, а между тем это обстоятельство не смутило Баженова. Выстроенное им величественное и монументальное здание, украсив великолепную столицу новым архитектурным шедевром, стало и памятником военной мощи России. И никого не удиви-

ло, когда именно Баженову поручили составить проект Института для благородных девиц, которым, теша благотворительные свои склонности, давно желала престолодержательница украсить петровскую столицу... С этого дня и поладает Баженов в жесткие объятия «русской Минервы»...

Проект, рабочие чертежи сохранились до нашего времени, но с горечью цитирую далее один из многих, подобных этому, отзывов: «Будь здание Института построено, мы имели бы одно из замечательнейших произведений русской архитектурной мысли, равное по силе и совершенству прославленным творениям мирового зодчества. Но по неизвестным причинам этот проект так и остался проектом».

Отныне «неизвестные причины» будут сопровождать весь дальнейший жизненный путь Баженова, но всякий раз сходясь к персоне весьма, однако, известной. И первый этот удар судьбы, последовавший от каприза монархини, вспоминать он будет лишь с улыбкой легкой грусти...

А между тем капитан, он же академик архитектуры Василий Баженов, командирован в Москву «для казенных артиллерийских надобностей», по негласному предписанию — в порядок привести и приукрасить обветшавшие здания Кремля по причине намерения императрицы почтить древнюю столицу высочайшим посещением. Но, судя по событиям дальнейшим, не этим были заняты мысли Баженова, когда после долгих лет прискакал он в Москву и увидел город детства.

Семейный портрет В. И. Баженова. Работа И. Т. Некрасова.

Колокольня церкви в Замоскворечье — творение Баженова.

«Порфиросная вдова» встретила Баженова урюмо. Тихо двигалась в болотистых берегах Неглинки, не отражая в мутных водах славного некогда града. Лишь в Москве-реке, сквозь сумрак закопченных кремлевских стен, угадывался тусклый блеск куполов. Следы «великого» пожара, с детства памятные и как бы еще не остывшие, обжигая душу, будили мысль...

Центр Москвы мыслится зодчим неким величественным зданием и площадью одновременно. Дворец-площадь на кремлевском холме должен был вобрать в себя древний Кремль вместе с соборами, палатами, монастырями, колокольнями. Эта гигантская, тысячи людей вмещающая и куполом неба перекрытая зала сама собой образовывала площадь наподобие тех, где собиралась когда-то народное вече. Странно, что не нашлось тогда доброхотного догадчика, уразумевшего бы здесь республиканские идеи. — остается думать, что сама грандиозность явленной проектом картины не оставляла места каким бы то ни было параллелям. А между тем в баженовском проекте вполне возможно было увидеть и вызов новой императорской столице: зодчий мыслит Москву как центр России — от дворца-площади на три стороны расходились лучи улиц, переходившие за пределами города в большие дороги, ведущие к Москве — из Петербурга, Ярославля, Коломны. Общая же архитектурная идея Баженова сводилась к тому, чтобы слить весь кремлевский комплекс с городом со стороны Красной площади и Москвы-реки, по набережной которой должна была спускаться от него грандиозная мраморная лестница.

Для дальнейшего заметим: сметная стоимость одной этой лестницы достигала пяти миллионов рублей, тогда как осуществление всего проекта измерялось баснословной по тем временам суммой — в пятьдесят миллионов. Но из проекта можно было уразуметь и то, что новый кремлевский архитектурный ансамбль затмит собой и величайшие постройки античных времен, оставив позади даже Акрополь в Афинах... Словом, восхищенная проектом императрица работы повелела начать. Но вот вопрос — собиралась ли она строить?..

Великому зодчеству сопутствует история, и, по несчастью, не всегда за художником последнее слово. А между тем Пугачев прошел уже по Заволжью, показав всему миру, как шаток Екатерины трон; клокотали в России «чумные бунты»; Турецкая война выкачивала казенные сундуки, что тоже ведомо было министерским кабинетам Европы, и послы не спускали глаз с российского двора. Екатерина же — монархиня трезвая, и вряд ли достало бы у нее легкомыслия всерьез затевать грандиозное строительство в тягчайших финансовых условиях, но скрыть их, пустив пыль в глаза, оно могло: Европа должна увидеть, что и при истощительной войне способна Россия позволить себе осуществить замысел, равного которому не знала история. Задумывал это представление опытный режиссер.

И вот в тот самый момент, когда, добывая из казны последние крохи, близилась к победному концу Турецкая война, спектакль, данный исключительно для Европы, кончился — тем же монаршим повелением строительство прекращено. Впрочем, мастерица театралных жестов сочла за благо огордить себя от недоуменных вопросов, и тотчас нашлись, конечно, услужники, вдруг заметившие, что кремлевский холм неустойчив...

Удар такой силы выдержать мог не всякий художник — погубило дело жизни. Но Екатерина не была бы Екатериной, не умея она поощрить «моего любимого архитектора» новым огромным заказом, призванным запечатлеть славу военной победы над Турцией, а с тем и могуществом собственного трона. Предлагаем читателю несколько строк из собственноручного письма российской императрицы к европейскому корреспонденту, который, конечно же,

она знала это — не оставит в тайне его содержания:

«Я призвала в одно прекрасное утро Баженова, моего архитектора, и сказала ему: друг мой, в трех верстах от города есть луг; представьте себе, что этот луг — Черное море; что из города к нему ведут две дороги: так пусть одна из этих дорог будет Танаисом (Донем), а другая — Борисфеном (Днепром); в устье первого Вы построите банкетную залу, которую назовете Азовом; в устье второго — театр, который назовете Кинобурином; Вы начертите песком Крымский полуостров; поместите на нем Керчь и Еникале в виде балльных зал; налево от Танаиса устройте буфеты с вином и мясом для народа; напротив Крыма будет иллюминация, представляющая радость обеих империй по поводу восстановления мира; из-за Дуная Вы выпустите фейерверк, а на площади, которая должна изображать Черное море, расставьте и расцветите лодки и иллюминированные корабли».

Кокетливые эти писания монаршего пера призваны для того, чтобы мог читатель осознать истинное отношение императрицы к гениальному архитектору, призванному, по ее разумению, тешить тщеславие высочайшей особы. Словом, России было приказано торжествовать, а способствовать торжеству наряжен первый ее зодчий. И хотя не знаем мы, что думал Баженов, создавая театральный этот балаган, но художник остался художником.

Дело не в том, что и в этой «шутке гения» проявился огромный талант Баженова, а постройка увеселительного городка на Ходынском поле вылилась в триумф зодчего, воспетый даже одой Сумарокова. Рисунки, сделанные тогда с натуры его учеником Матвеем Казаковым, говорят о глубоком замысле, в котором начал искать Баженов новые национальные формы отечественной архитектуры и корни которых ушли в древнерусское зодчество, под влиянием моды к тому времени забываемое. Отсюда шел он к главному, после кремлевского проекта, своему творению — Царицыну, по иронии судьбы как бы дарованному его фантазии той же монаршей рукой.

В этом создании он хотел — и мог! — сказать все. Наступивший пик зрелости, широкая образованность в европейском архитектурном наследии и одновременно глубокое знание древнерусского зодчества дали Баженову возможность для размышлений и сопоставлений. Здесь было начало собственного, самобытного и нового, национального стиля. Перед ним открывалось дело жизни.

Баженов знал: в основу западной архитектуры всегда полагался принцип четких, геометрически правильных построений. Этот принцип подчинял себе и само здание, и природу, его окружающую. Древнерусский зодчий шел от природы, подчиняя ей само здание и как бы не строя его, а производя на свет. Отсюда — лиризм, одухотворенность, живая трепетность, чего достичь невозможно геометрически выверенными композициями. Поэтому не было у древнерусских зодчих соперников в умении поставить творение свое среди лесов, на берегах рек и озер, по склонам холмов. Храм ли, дворец, терем или ряд изб, рассыпанных на речном косогоре, — все казалось частью природы. От природы же, от русского пейзажа шла и гармоничность целого: в отличие от европейских русские мастера никогда не выделяли одного главного фасада здания в расчете на единственную точку зрения; напротив, создания их как бы приглашают человека созерцать творение мастера постепенно, обходя его кругом, когда каждый новый взгляд открывает иную и всегда неожиданную картину.

Все эти мысли, сопоставления, собственное понимание национальных корней русского зодчества и воплотил Баженов в проекте Царицына. Трансформировав по-своему волевые композиции древнерусских монастырских комплексов, он свободно и живописно разбросал соединенные кое-где легкими

переходами постройки среди тенистых лесов и тихих царицынских прудов. Внешний убор — стрельчатые пролеты, зубчатые карнизы — вел родословную от времен давно минувших, и каждое здание казалось вылепленным от руки. В эпоху, когда классицизм одолевал уставшее от собственной пышности барокко, когда царили в архитектуре гладкие стены, прямые фронтоны и белостовольные колонны, Баженов возродил древнерусское узорочье в излюбленной его цветовой гамме — красного кирпича и белого резного камня, как бы спрятав за ним навязанный державной заказчицей псевдоготический стиль. По существу, стиль был новый — баженовский.

До сих пор остается загадкой, как смог зодчий соединить изрядную мрачноватость готики с нарядным, лиричным и простодушным в своей непосредственности древнерусским узорочьем, придав созданному им стилю черты романтической сказки!

А теперь представим себе императрицу, в сопровождении пышной свиты приехавшую «наблюдательно осмотреть» почти завершенное Царицыно.

Она не увидела прямых широких проспектов, ведущих к парадным фасадам: пышные, величественные колоннады не сопровождали во дворец карету с императорским гербом, и шелест листвы не заглушался звуками бьющих в небо фонтанов. Но более всего смущала таинственность, а непонятные знаки, отмечавшие стены, внушали страх... Не знаем мы, увидела ли в них Екатерина символы ненавистного ей масонства и козни столь же ненавистного наследника, к Баженову благоволившего и масонства, в отместку матери, не чуждого. Но очевидцы рассказывают, что, отправляясь в Царицыно, получила она депешу, страшно ее встревожившую. Говорят, доносили о раскрытии заговора и о покушении на нее, которое готовили в Царицыне. В таких-то делах знала она толк и, будучи владелицей трона незаконной, вполне могла в это поверить. Страх породил державный гнев.

— Скрыть сии казematы! — последние были слова, сказанные императрицей в Царицыне. Ни звука не произнесла она и когда побледневший Баженов, подводя к ее карете склонившуюся в поклоне жену, тихо, но твердо сказал: — Государыня, я достоин вашего гнева, но имея счастья угодить вам, но жена моя ничего не строила!..

Долговременный отпуск, за сими событиями последовавший и через год императрице продленный, равнялся отставке. Монаршая немилость довершила остальное — от Баженова отвернулись, его забыли.

Человек непрактичный, по-русски нерасчетливый и состояния в лучшие годы так и не сколотивший, входил в долги. Кредиторы брали за горло; появилось, затем и повторено было в «Московских ведомостях» объявление о распродаже. С торгов пошли и славная его библиотека, и уникальная коллекция картин, и самый баженовский дом — все за бесценок. Жизнь казалась конченой. Но последнего своего слова Баженов еще не сказал.

...Лейб-гвардии поручик Петр Егорович Пашков, человек независимый и в капиталах немалых, выйдя в отставку, откупил у казны старый Ваганьковский холм близ Кремля, решив ставить на нем новый дом и строительство поручив опальному зодчему Василию Баженову. По-всякому входят люди в историю: никто не знал бы нынче об отставном гвардейском поручике, особо не прославившемся в сражениях и на мирном поприще не слишком заметном, если бы не суждено было Пашкову дому остаться самым, быть может, красивым зданием Москвы и лебединой песней его творца.

Все определяет здесь гениальную руку Баженова — мощь общего архитектурного замысла здания, продолжающего собою линии холма и как бы вырастающего из него, тонкость и оригинальность декора, изысканное чувство пропорций, смелость приемов.

Но, пожалуй, самое поразительное, что, создавая одно здание, Баженов показал себя тончайшим мастером архитектурного ансамбля, зодчим, которому по плечу сложнейшие градостроительные задачи. Боровицкие ворота Кремля и «замок на холме», издавна нареченный так москвичами, не спорят друг с другом; напротив, стилиевой контраст как бы и связывает их общей гармонией. И, пожалуй, трудно не увидеть в торжественном этом и величественном диалоге отзвука памятного зодчему и погубленного императрицей кремлевского ансамбля...

А между тем фанфарное царствование «русской Минервы» сменилось болезненным бредом ее наследника: «о таких милостях еще не слышали, о таких жестокостях давно забыли». Россия превратилась в кордегардию; целые полки ссылались в Сибирь. Зато вышли из казематов Радищев и Новиков. Опальный Баженов оказался вдруг действительным тайным советником и вице-президентом Российской Академии художеств... Но — «дали белке орехов, когда зубов не стало». К концу клонилась жизнь, сложившаяся из грандиозных замыслов и трагических крушений. 2 августа 1799 года паралич остановил его шестидесятидвухлетнее сердце.

«Погребение сделайте мне простое, то есть без всякой лишней церемонии, с трезвым священником одним, в простом виде и где бог приведет, и весьма желаю быть положенным в Глазеве...»

Эту-то его волю выполнили, но могла потеряться, и теперь уже неведомо никому, где нашел последний покой великий зодчий России.

Горькие, но юбилейные совсем получились заметки, и ладно бы о старых только толковать грехах — спросить, мол, не с кого, да вот наших-то, нынешних за славной датой тоже не спрячь, а все — по привычке — норовим. Дружный хор фанфарных отчетов о юбилейном вечере Баженова в периодической статье под недвусмысленным заголовком «Юбилей по сценарию» нарушили одни лишь «Известия»: «Президент Академии художеств произносил в Колонном зале «Слово о Василии Ивановиче Баженове», а совсем рядом, в ста буквально шагах, продолжает рушиться величайшее творение архитектора — Пашков дом». Добавим: и Царицыно по-прежнему пребывает в бесконечной череде шумных реставрационных кампаний, а которая по счету нынешняя, никто толком уже и не знает.

А в юбилейном — по случаю 250-летия со дня рождения зодчего — «Слово» звучало: «Наследие выдающегося зодчего сохраняет свое значение и в настоящее время, являясь живым источником национальной классической традиции. Творения Баженова, замечательного архитектора, гуманиста, патриота, вошли в золотой фонд русской архитектуры и стали нашей гордостью».

Вот и подумает тут: не странно ли звучат эти обкатанные за долгие годы слова о традициях и наследии, когда стоит лишь выйти из юбилейного зала и даже не ехать в Царицыно смотреть руины, не глядеть на гибнущий Пашков дом, а попытаться взглянуть на неповторимую, изумительную еще недавно панораму Кремля, загроможденную с одной стороны горизонтальной махиной гостиницы «Россия», с другой — вертикально «Националя»? О каких традициях, о каком отношении к наследию можно говорить на юбилеях, когда «ночные бульдозеры» по-прежнему крушат втихомолку это наследие и по-прежнему — в традициях недавних лет?! За последние три-четыре года только в одной Москве ушли из жизни палаты XVIII века на Кадашевской набережной, Торговые ряды возле Немецкого рынка; в Лету канули дома Щепкина, Белинского, Плещеева... Но не завершил этим многооточным списком невозможных наших потерь.

А между тем отзвучал очередной юбилей, заставив лишь вспомнить, что фанфар Баженову и при жизни хватало. Только не мало ли для такой-то даты?..

Еще двадцать лет назад только в столице было пятьсот хоров. А сейчас? Двадцать? Пятнадцать? Не больше... Волна «хорового энтузиазма» докатилась до нашего времени скорее в форме ностальгических воспоминаний, нежели реальных призывов к возрождению этого коллективного искусства. Но ведь хор — это нечто большее, чем просто коллектив людей, умеющих «петь вместе». Хор — странный организм, способный повлиять на судьбу человека, его мировоззрение, уровень культуры, психологию. Это еще и панacea от духовной чумы — одиночества.

Конечно, ритм жизни участился, успела не раз поменяться музыкальная мода; на смену музыкальным инструментам начала века пришли компьютеры и сэмплеры... Но голос, человеческий голос, он ведь остался прежним. Так почему же он звучит сейчас так одиноко? Можно винить во всех и вся прагматичную дочку XX века — урбанизацию. Но что толку! Во всем есть своя причина, «свой тайный смысл».

— Я считаю, что хор жизнеспособен и сегодня, — говорит заслуженный деятель культуры РСФСР Елизавета Алексеевна Лобачева. — Но для этого нужно как минимум два условия: первое, должен быть настоящим лидер, преданный своему делу всем сердцем, и второе, необходим поиск новых форм работы и нового репертуара. Не надо бояться синтеза искусств на базе хора. Пусть будет и танец, и пантомима, и декламация стихов. Пусть! Можно использовать и новейшие звуковые и световые эффекты. Почему нет? Главное — во всем чувствовать меру и иметь вкус. Необходимо поднять хоровое искусство на современный уровень восприятия.

Елизавета Алексеевна отдала полвека своей жизни хоровому искусству, но и сейчас, в канун своего 70-летия, она не оставила музыкального поприща. Просто не могла оставить. И что, казалось бы, удивительно — занимается с молодежью. Причем успешно и, как всегда, самозабвенно.

— Если бы у меня были возможность и силы, я бы написала большую статью, — говорит Елизавета Алексеевна, — обращенную к людям старшего поколения. Я бы написала: «Люди старшего поколения! Отдайте свой талант и знания детям нашим, внукам нашим. Не будьте злыми. Хватит жить для себя, подумайте о будущем!» Это смысл моей жизни, и вы не представляете, какая я счастливая, сколько у меня друзей. Мне достаточно тех чинов и наград, которые я имею. Не в них счастье! Счастье и молодость — в людской любви. Когда ее имеешь, честное слово, умирать не страшно.

Сейчас во главе академического хора Центрального Дома медицинских работников, которым я руководила более 30 лет, — моя дочь Людмила Анатольевна Степчкова. Преемственность поколений, так сказать. И это не случайно. Хор, если в нем нормальная, душевная атмосфера, не отпускает людей. Шутка ли сказать — в нашем коллективе нашли друг друга, полюбили и поженились четырнадцать пар! Их дети сейчас составляют костяк молодежного вокально-танцевального ансамбля при хоре, которым я руковожу. Академический хор Центрального Дома медицинских работников, которым с первой репетиции руководила Лобачева, прошел славный творческий путь. Этот коллектив удостоен звания лауреатов московских, всероссийских и всесоюзных конкурсов, дипломантов двух Всемирных фестивалей молодежи и студентов, награжден многочисленными почетными грамотами. И своих позиций, надо сказать, сдавать не собирается. Из рядов хора вышли такие известные артисты, как Майя Кристалинская, Михаил Котляэр, Сосон Акбашев и многие другие. Так что молодежи есть на кого равняться.

Елизавета Алексеевна — человек увлеченный, она умеет «зажигать» людей, увлекать их за собой. И все-таки довольно трудно представить себе молодых, современных людей, которые собираются вече-

рами не на дискотеках, не в концертных и кинозалах, а на репетициях «традиционного» хора. Явление это может быть именно тем исключением, которое подтверждает правило. Тем более что все-таки они воспитаны на хоровом пении. Семейные традиции... Без притока «свежей крови» со стороны не может быть поступательного движения в творчестве. Ведь во «взрослом» хоре возраст певцов от 36 лет и старше. А что будет, скажем, лет через десять?

— Сейчас в молодежной группе двадцать человек, — продолжает Елизавета Алексеевна. — Я не хочу, чтобы этот коллектив сильно разрастался: он будет немобильным. Конечно, работать со «своими» легче, но есть у нас и люди со сторо-

ны. Способности у всех разные, но это все в принципе поправимо. И я буду заниматься с «отстающими» индивидуально и научу их смыкать связки на нужной высоте. Самое сложное даже не это. Мои «музыкальные внуки» пока не достигли уровня культуры большого хора. И привить им любовь к настоящему, сложному искусству — вот основная задача. Процесс познания идет постепенно. Человека нельзя механически переносить из одной духовной ипостаси в другую. Он должен сам все понять, осознать и полюбить, иначе результат может быть прямо противоположным. А для этого очень важно доверие.

Мне кажется, нам удалось найти ту форму взаимоотношений, которая удовлетворяет и молодежь, и меня. Ребята, помимо

хорового пения, занимаются и танцами, и игрой на гитаре. Пожалуйста! От этого в конечном итоге только польза. Более того, по предложению самих ребят мы проводим одну репетицию в месяц у кого-нибудь дома. В тесноте, но не в обиде. Два часа честно репетируем, а потом — чай и разговоры. Девочки пекут к этому дню пироги, мальчики покупают соки, фрукты, конфеты... Не это ли то, что сейчас модно называть неформальным общением? За столом не затихают шутки, смех, споры. Идет процесс взаимного познания: я тоже учусь у молодых, стараюсь жить их интересами, а они платят мне доверием и вниманием. Вот она — атмосфера дружбы, творчества, взаимного уважения. Атмосфера хора!

Хор не умрет: у человека в крови потребность петь вместе с другими. Я часто вижу, как у нас перед подъездом собираются ребята с гитарами: играют, поют. В этих мальчишках и девчонках есть польза к коллективному творчеству, к музыке. Нужно только его развить и направить в нужное русло. Почему бы этим не заняться преподавателям музыки с многолетним опытом, пенсионерам. Их жизнь обретет другой смысл, они снова станут активными членами нашего общества. И не нужно бояться трудностей, результат окупит сторицей все затраты!

Что ж, проблема воспитания молодежи и занятости людей пенсионного возраста, которую поднимает Лобачева, нуждается в разрешении. Но сегодняшних молодых вряд ли можно увлечь «мелодиями старины». Желание желанием, но нужен и конкретный современный репертуар — отправная точка для путешествия по легкой дорожке познания Прекрасного. Тем более что нынешняя система музыкального воспитания находится на уровне, который ниже всякой критики.

— С репертуаром для хора, особенно молодежного, всегда возникают сложности. Существует довольно большое количество произведений, проверенных временем, интересных, красивых. Но, как правило, они рассчитаны на высокопрофессиональный коллектив. А хорам начинающим эти произведения, к сожалению, не подходят. Вот и приходится выкручиваться. Подзабыли нас композиторы, подзабыли...

Мы решили идти путем некоего переосмысления уже хорошо известных произведений. Молодежная группа старается открыть их новые грани, старается, чтобы они звучали по-новому. В свое время, более тридцати лет тому назад, мы решили создать две театрализованные программы с большим хором. В них применялось сценическое движение во время исполнения. Людям, стоявшим у кормила нашей культуры, подобные новации в академическом исполнении казались кощунственными. Нас «раздолбили» в прессе, а потом просто запретили выступать. Сколько было потрачено сил и нервов, чтобы доказать свою правоту! Но, увы, все безуспешно.

Теперь другие времена, и мы стараемся наверстать упущенное. Говорят, что хору подобное «поведение» не свойственно. Конечно, «Вечернюю звезду» Шумана петь и при этом дрыгаться на сцене нельзя. Но почему, скажем, «Гибель «Варяга» не исполнить с движением, с какими-нибудь световыми эффектами? Не нужно бояться эксперимента.

Такие опыты мы и практикуем с молодежной группой. И, надо сказать, весьма успешно. Подтверждение тому — реакция зрителей на наших пока немногочисленных выступлениях.

...Может быть, сейчас они выглядят чудаками, белыми воронами среди тотального наступления рок-групп и ВИА. Может быть. Но в них, в этих людях, есть свет высшей духовности, который неподвластен наждаку времени, а потому он будет жить вечно. Жить в сердцах людей, которые чуть-чуть не такие, как все. И кто знает, какой экивок выкинет музыкальная мода лет через десять. Электроника электроникой, но она никогда не сможет заменить теплоты человеческого голоса. Голоса души.

Академический хор Центрального Дома медицинских работников.

Алексей ТРОПИН

СТАЯ БЕЛЫХ ШИЩ

Модная фишка

Известно, что со второй половины XVI века мужские чулки, которые прежде шили из ткани или кожи, стали вязать. В ту пору они были предметом роскоши, их носили короли и дворянство. Но вряд ли европейским монархам могло прийти в голову, что со временем любая домохозяйка сможет позволить себе носить не только вязаные чулки, но и свитеры, джемперы, кофты... Причем надевать она их станет не к особо торжественному вечеру, а для занятий спортом или просто прогулки на свежем воздухе.

Трикотаж активно вторгается в мир молодежной моды. Ныне никого не удивит кожаная куртка с заклепками или «вареным» джинсовым костюмом. Поэтому молодые все чаще обращаются к традиционным формам одежды. И тем не менее мода, приходящая «с улицы», — яркая, непредсказуемая, вовсе не конфликтует с модой более привычной, возвращающейся к элегантному стилю, к классической линии.

Если трикотажные ткани поначалу использовались для изготовления теплого белья и чулочных изделий, славившихся легкостью, удобством и гигиеничностью, то позднее вошли в моду костюмы и платья из шерсти, облегающие юбки в резинку, пуловеры и даже пальто. Наряду с одеждой сугубо спортивного покроя появились вещи нарядные, предназначенные для отдыха.

Группа перспективного моделирования из Ленинградского Дома моделей трикотажных изделий старается удовлетворить потребность в такой одежде. Руководитель группы Тат-

яна Короткова вместе с художницами Ириной Юдиной и Татьяной Черновой в короткий срок разработали коллекцию женских элегантных моделей — повседневных и вечерних, а также моделей для молодежи.

— Молодежная мода очень разнообразна. Спросом пользуется как одежда для активного отдыха, так и для вечеров, — говорит искусствовед Дома моделей Валентина Спешилова. — Формы досуга определяют и направленность моделей: от костюмов для загородных прогулок до одежды городского типа. Специфика трикотажа такова, что авторы моделей одновременно становятся и создателями полотна. Его фактурные свойства безграничны — трикотажное полотно способно имитировать кожу рептилий, шкуры, не говоря уже о самых фантастических рисунках.

Художник Татьяна Короткова адресует свои модели и любителям загородного отдыха (характерен в этом отношении комплект — реиуты, жилеты, джемпер), и тем, кто любит движение, скорость («металлисты») — так пока названы эти модели с удачно примененной декоративной фурнитурой).

Для девушек, предпочитающих женственно-романтический стиль, модельер Татьяна Чернова создала платья с воланами, удлиненные джемперы...

Все эти модели демонстрировались на Всесоюзном фестивале моды в Москве и фестивале модельеров в Таллине. И, наверное, участники праздников моды согласятся с тем, что трикотаж — воистину королевская одежда.

Фото Валерия КАМЫШКО

Максим РЕЗНИК

Николай ЛЕОНОВ

ЕЩЕ НЕВЕЧЕР

Продолжение. Начало в №№ 7, 8.

— Кого искать? Где? Ты фанатик! Я много спрашиваю, мало предлагаю. Слушай меня. В республике идет следствие по делу наших бывших «князей». Они у нас жили, отдыхали, безобразничали. Верно? — Отари пожал широкими плечами. — Видно, в твоей гостинице живет свидетель, которого он боится. Этому, с зонтом, сказали, убери свидетеля, он людям спать мешает. Человек себя любит, руки пачкать не хочет, боится. Правильно рассуждаю, а? Пусть они убивают друг друга, нам меньше работы.

«Что я здесь делаю? — думал Гуров. — Не Москва, здесь свои обычаи... Вчера майор Антадзе говорил, что он начальник уголовного розыска и обязан. Сегодня передумал. Какое мне дело? Ну, не получился отпуск, улечу в Москву, пойду с женой в планетарий».

— Слушай, — сказал Отари, — а если дать в прокуратуру телеграмму с указанием примет Зинича и Артеменко и спросить, не разыскивается ли такой человек?

— А что сделает с тобой за это начальство? — Слушай, моя шкура, моя забота! — вспылит Отари.

— Как говорит мой любимый начальник: прыгай, здесь неглубоко. Подойдем к вопросу с другой стороны. Необходимо найти человека с зонтом.

— Ты уже подходил с другой стороны, — угрюмо ответил Отари. — Я могу дать телефонограмму, взять людей из других служб я не могу.

— Десять человек у тебя есть, розыскники подчиняются тебе непосредственно, — начал Гуров. — Конечно, нужен человек сто, но когда нет гербовой бумаги, пишут на простой. Я, фантазируя, могу и ошибиться, но работу надо выполнить. Запоминать. Москвич, лет шестидесяти, одинокий, живет не в гостинице и не в пансионате, снимает либо комнату с отдельным входом, либо, скорее всего, изолированную квартиру. Приехал в город в одно время с Артеменко, днем раньше или позже. Живет под легендой человека, приехавшего с Дальнего Востока или Севера, возможно, выдает себя за золотоискателя. Среднего роста, среднего телосложения, возможно, носит дымчатые очки и золотой перстень. Квартира находится от «Приморской» в трех — десяти кварталах. Ищите.

— Откуда все придумал?

— Долго объяснять, это моя кухня. С Зиничем москвич контакт прервал, из города не уехал, будет искать связи с Артеменко. Надо узнать у администратора, интересовался ли кто, в каком номере живет Артеменко и номером его телефона.

Гуров встал, пошел с веранды, остановился, взглянул на Отари.

— Быстро — хорошо не бывает, — и я упустил: он должен где-то есть и пить. Пошли двух человек в кафе и рестораны. Их в данном районе не так много...

Дождь иссяк, его сменил холодный ветер. Гуров застегнул куртку, сунул руки в карманы. «Отари обиделся, ну и пусть, отойдет, не красная девица», — рассуждал он, направляясь к центру. И увидел Таню, которая в плаще с капюшоном, с гвоздиками в руках шла по другой стороне улицы. «Вот напасть, — подумал Гуров, — этой девчонке вообще нет места в моей схеме».

На главной улице было немногочисленно. Гуров пошел быстрее, Таня не отставала. Он зашел в книжный магазин, взглянул на противоположную сторону через витрину, — девушка стояла у телефона-автомата. Неужели она следит за ним? Тоже Пинкертон нашелся в ярко-голубом плаще и с красными гвоздиками в руках! Флаг бы еще взяла, а лучше транспарант.

Гуров пересек улицу, подошел к Тане, спросил:

— Вы звонить?

— Нет, жду, пока вы выйдете из магазина, — без тени смущения ответила девушка. — Десять минут иду за вами по улице, думаю, соизволит заметить или не соизволит?

— Если хотите, чтобы вас видели, держитесь не за спиной, а перед глазами, — без всякого юмора сказал Гуров. — Проще и быстрее.

— Скучный вы, Лев Иванович. Ну чего мы стоим? Вам звонить некуда, мне не надо, пригласите на чашку кофе.

— Приглашаю. — Гуров взял девушку под руку и случайно зацепил сумочку. Она оказалась неестественно тяжелой.

Таня заметила взгляд Гурова, щелкнула замочком:

— Не пистолет, бутылка.

— Уверен, с минеральной водой. — «Нет, не проста девушка, — подумал Гуров. — Сумочку открыть-то открыла, а содержимое прикрыто носовым платком. И почему тебе пришла мысль об оружии? И «пистолет» — не женское слово».

Однажды Артеменко вышел из «Националя» с приятелем, и тот, указав на высокого парня в нейлоновой куртке, который стоял на улице Горького и кого-то ждал, спросил:

— Как ты думаешь, кто этот молодой мужик?

— Я не гадалка, — Артеменко взглянул на мужчину безразлично, отметил скромную курточку, неприятный шарф, туфли нефирменные. — Денег и вкуса у него точно нет.

— Но с головой все в порядке, — рассмеялся приятель. — Подполковник из МУРа, один из лучших сыщиков современности. Последнее, конечно, треп, но на прошлой неделе он выступал в университете. Мы были поражены его отличной реакцией, чувством юмора. Нашего записного остролова подрезал влет, мы обохотались.

Увидев Гурова в гостинице, Артеменко узнал его сразу и решил познакомиться. Скука, а тут интересный человек. И потом вообще смешно, он, Артеменко, и подполковник милиции за одним столом сидят и пьют, гуляют по набережной, философствуют о добре и зле. При ближайшем знакомстве милиционер разочаровал: неглупый, но вялый, рассеянный, как говорится, человек без изюминки. Молодой, уже подполковник, а волевого напора не чувствуется, предложит ему сидеть — съедет, позови гулять — пойдут, все ему безразлично. Мужики на Майю реагируют остро, а он ухаживает, улыбается, слова говорит — и все без души и азарта, будто по обязанности.

Когда произошла история с угоном и катастрофой, Гуров невольно изменился, лицо его стало твердым, взгляд не скользил, а упирался в каждого. Артеменко ни разу не заметил, чтобы Гуров за ним наблюдал, следил или подсматривал, но чувствовал — его изучают. «Совсем он мне не нужен, — подумал Артеменко. — Иметь по соседству пусть и не лучшего сыщика вселенной, но человека в розыске профессионального и обученного ни к чему». Сегодня после звонка шефа Артеменко думал о Гурове уже с открытой неприязнью и страхом. Правда, Юрий Петрович сказал, что приятель из МУРа уберется из гостиницы если не сегодня вечером, то завтра утром. Но это еще вилами по воде писано...

Артеменко заказал обед, слушал Майю, отвечал на ее вопросы, шутил и думал, думал.

Петровичу из Москвы хорошо командовать, распоряжаться и убеждать. Слово-то какое придумал —

ликвидировать. Что ни говори, а Петрович — гений, сидит в Москве и знает, чем местная прокуратура располагает, а чем — нет. И что подполковник Гуров живет в гостинице, тоже знает. А откуда? Артеменко хоть и двадцать с лишним лет назад, а в следствии работал, понимал — информация ниоткуда не поступает, всегда есть источник. Какой источник? О подполковнике знает он, Майя, бухгалтер и физкультурник. Ну, естественно, местная милиция. Но даже если там и приятель Петровича служит, какой ему резон рассказывать, что сотрудник МУРа живет в гостинице, и даже называть номер? Где связь?

— Володя, ты можешь не слушать меня, но человек, который вошел в ресторан, поймет тебя неправильно, — сказала Майя. — Даже я вижу, у тебя серьезные неприятности. Лев Иванович увидит значительно больше.

К их столику подходили Таня и Гуров.

— Здравствуйте, — сказала Таня. — Лев Иванович решил угостить меня чашкой кофе.

Артеменко подозвал официантку, распорядился и решал, каким образом сообщить Гурову, что его профессия не секрет. Ведь Кружнев или Зинич могут проболтаться, розыскник начнет анализировать поведение Артеменко, а это совсем лишнее.

Девушки разговаривали между собой — рассуждали о том, что раньше поклонники дарили брильянты, рысаков, стрелялись и из-за несчастной любви удалялись в келью.

— Милые дамы, — сказал Артеменко, — можно подумать, вам лет эдак по сто. Лучше отправьте нас, несчастных, на поиски Граала. Только учтите, леди, вам в этом случае должно еще не исполниться осьмнадцати.

Гуров отключился. Необходимо, как выражаются шахматисты, идти на материальные потери и организовать атаку на королевском фланге. Несколько минут назад королем стал Артеменко.

Придя в гостиницу, промоклие и озябшие, Таня и Гуров зашли к Лева в номер. Девушка сняла плащ, Гуров переодевался, когда зазвонил телефон.

— Ты прав, — сказал Отари, — сегодня около пятнадцати мужчина, русский, позвонил администратору и спросил, в каком номере живет Владимир Никитович Артеменко и как ему позвонить.

— Находишь все время у телефона, буду думать, — ответил Гуров.

— Рыцарей, которые в присутствии своих прекрасных дам мечтали неизвестно о чем, закалывали в постели! — сказала Таня.

— Легче отравить, — поддержала Майя.

— И не цианитом, а мышьяком, чтобы помучился!

— Так у вас в сумочке бутылка с мышьяком? — спросил Гуров. — Доставьте, разольем на всех.

Таня смуглилась. «Ну куда я лезу, ведь решила, что его трогать нельзя, он бьет всегда неожиданно и больно».

— Ладно, живите, — Таня покраснела.

Официантка принесла закуски, коньяк.

— Владимир Никитович, — начал Гуров, — ходят кошмарные слухи, что вас утром официально допрашивали. Якобы машина была испорчена и катастрофа запланирована. Это правда?

«Сейчас. Лучшего момента не представится», — решил Артеменко.

— Товарищ подполковник, — он смотрел Гурову прямо в глаза, — погиб человек, готовилось покушение, вы знаете об этом значительно больше, чем мы. Гуров опешил.

— Я в нокауте, не бейте лежачего, дайте встать на ноги.

— Лев Иванович, я случайно тебя знаю по Москве, присутствовал на твоём творческом вечере в университете.

— Было, — признался Гуров.

— Мы тебя разыгрывали, — Артеменко обаятельно улыбнулся. — Интересно взглянуть на известного сыщика в домашней обстановке.

— Лева, хоть ты и подполковник, должна тебе честно сказать, что ты личность довольно заурядная, — сказала Майя.

— Подожди, Майя, сейчас не до шуток, — Артеменко, довольный, что так легко разрешил щекотливую ситуацию, понял — теперь можно не оправдываться, а атаковать. — Лев Иванович, ты, конечно, разговаривал с местными властями. Что несекретного ты можешь рассказать нам? Согласись, история не из приятных.

— Милиционеры, как все нормальные люди, лишней работы не любят. Уголовное дело возбудили по факту угона, — ответил Гуров.

— А правое переднее колесо? — вмешалась Майя.

— Открученные гайки к делу не подошьешь, — ответил Гуров. — Появилась мысль, что вы, Майя Борисовна, решили страховочку за старую машину получить.

— Вы что там, совсем? — Майя покрутила пальцем у виска. — Я решила за страховочкой в ущелье ныр-

нуть или туда своего мужа будущего отправить?

— А вы тем утром Кружнева за цветами налаживали, — гнул свое Гуров.

— Лева псих, факт очевидный, — вспыхнула Майя. — Я очень похожа на женщину-вамп?

— Не знаю, — Гуров отвечал Майе, а смотрел на Артеменко. — На Красную шалочку ты точно не похожа.

— Подполковник, а дурак!

— Майя!

— Я не у него в кабинете! — Майя махнула на Артеменко рукой. — Это он за моим столом сидит.

— Извините, мне нужно сходить в номер. — Гуров встал. — А ты, девушка, остынь, не плей в колодец, может, еще захочешь напиться.

— Майя! — донесся окрик Артеменко, дальнейшего Гуров не слышал. Он торопился в номер позвонить Отари, сообщить вновь открывшиеся обстоятельства и согласовать план оперативных действий.

«НЕ СТРЕЛЯТЬ!»

Гуров закончил разговор с Отари, положил трубку и остался сидеть в кресле, поглаживая мягкие плюшевые подлокотники.

«Артеменко изначально знал о моей профессии. В университете я выступал, но как туда мог попасть Артеменко? Трудно представить, но допустим, всякое случается, так почему он в первый день не сказал, а признался сегодня? Не размениваться на мелочи, сосредоточиться на главном», — приказал себе Гуров, оттолкнул плюшевое кресло и направился в ресторан. Приказы отдавать легко, да сознание не всегда подчиняется. И выскочил совершенно никчемный вопрос: что находится в сумочке у Тани? Если она ушла, значит, я прошляпил и вообще напрасно отодвигаю девушку на второй план.

Таня не ушла, за столом появились Зинич и Кружнев, команда оказалась в полном составе.

— Здравия желаю! — Толик встал, щелкнул каблукми.

— Можете сидеть, — серьезно ответил Гуров, увидел, что сумка Тани висит на спинке стула и, занимая свое место, отстранил сумку, якобы она ему помешала.

Таня подняла на него спокойный взгляд, укоризненно покачала головой, как бы говоря: кончайте ваши штучки, ничего в моей сумке интересного нет.

— Ну, ошибся, ведь живой человек, — ответил Гуров вслух, кроме Тани, никто ничего не понял.

— На твоей работе ошибаться нельзя, — сказала Майя.

— Оставь меня в покое, я в отпуске, — миролюбиво ответил Гуров.

— Вы-то в отпуске, — Кружнев смотрел воинственно, — а милиция творит безобразия. Зачем ни в чем не повинную девушку допрашивали? Вчера ночью к ней домой приезжали.

Гуров услышал какой-то звонок, напрягся, но не понял, что так насторожило, — мешало общее внимание. Артеменко, Майя и Кружнев наблюдали за ним открыто, Таня и Зинич смотрели исподволь, все чего-то ждали.

— Будете приставать, я уйду, — раздраженно ответил Гуров. — Я потому и не признавался, где работаю, чтобы не отвечать за все грехи человеческие.

К столу подошла женщина и тихо сказала: — Владимир Никитович, вас междугородная, на первом этаже, у администратора.

— Прошу прощения, — Артеменко поднялся и быстро пошел к выходу.

«Не вовремя Петрович позвонил, но, слава богу, междугородная, значит, он в Москве, а то мне уж новость что мерещится», — подумал Артеменко, подходя к стойке администратора, и взял лежавшую трубку.

— Слушаю! — и услышал частые гудки. — А вам этот человек днем не звонил, мой номер не узнавал? — спросил Артеменко, опуская трубку на аппарат.

— Сейчас женщина звонила по междугородному, — ответила администратор. — А после четырнадцати вами интересовался мужчина по местному.

— Точно?

— Я работаю двенадцать лет, междугородный звонок от местного отличаяю.

— Извините. Если дама снова будет звонить, пожалуйста, попросите ее позвонить мне в номер после двенадцати или завтра утром.

Администратор кивнула и сделала запись. Артеменко не торопился вернуться к столу и увидеть умные, с легкой смешинкой глаза Гурова, облокотился на стойку. «Так, значит, я нелуганая ворона, Петрович здесь. Он сказал, что подполковник сегодня вечером, самое позднее завтра утром, уберется в Москву. Так ли это? Какую игру ведет Петрович за моей спиной и с кем он связан? Кружнев или Зинич? Не может же он получать информацию от парня и требовать, чтобы его и убили. Таня? Кто такая, почему от нас не отходит?»

Гуров стоял в двух шагах, любовался Артеменко. Задумчивость пожилого героя-любownika очень нравилась подполковнику. Для того и провел он простенькую комбинацию с вызовом Артеменко, чтобы тот призадумался. Никакая женщина ему не звонила, а организовал все Отари по просьбе Гурова.

— Поговорили? — Гуров подошел вплотную. — Успех у женщин — дело опасное.

Артеменко внимательно изучал рисунок на ковре, боялся поднять взгляд и выдать свое смятение. Сколько времени сыщик стоит за его спиной, слышал ли разговор с администратором? Гуров тут же развеял его сомнения, сказав:

— Шучу, знаю, поговорить не удалось. А днем мужчина разыскивал вас, дозвонился?

— Нет, — солгал Артеменко.

— А-я-я-я, — Гуров рассмеялся. — Дозвонится обязательно, кто ищет, тот всегда найдет. Вы вроде из гостиницы не уходили, что же он не дозвонился?

— Да откуда я знаю? — вспыхнул Артеменко. — Сюда позвонил, а в номер нет. Я понятия не имею, кому понадобился. У меня и знакомых в городе нет.

— Все-то вы врете. — Гуров обнял Артеменко за плечи, повел к лестнице. — И дозвонился, и поговорили, и знаете с кем. Ох, Владимир Никитович, а еще следователем в прокуратуре работали.

— Откуда знаете? — Артеменко остановился, хотел убрать с плеча руку Гурова.

— Вы обо мне все знаете, а я о вас ничего? — Гуров обнял Артеменко крепче. — Ладно, будет время — побеседуем. А сейчас вперед, дамы ждут.

В зале накурили, появился оркестр. Начав работать, Гуров не позволял себе и рюмки спиртного, пил минеральную воду, на еду смотрел с отвращением. Он когда-то часами болтался на вокзалах и рынках, простаивал в подворотнях, зачастую ожидая неизвестно чего, мок под дождем, дрон на ветру, плавился под солнцем, но никогда не представлял себе, что сидение в ресторане такая пытка, раздражающая буквально всем — и сексуальным разговором за спиной, и визжащим оркестром, и доверительным шепотом в микрофон певицы, разукрашенной, как индеец, вышедший на тропу войны. Оказаться бы сейчас в полутемном сыром подъезде, пусть пахнет кошками, и ты не веришь, что засада поставлена верно и скорее всего никто не придет. Но ты не должен взвешивать каждое слово и пытаться удержать на лице резиновую улыбку, а можешь, сидя на ребристой батарее отопления, молчать и думать, о чем пожелаешь.

Толик Зинич выпил порядочно, но не опьянел, поглядывал на чуть склоненную голову миллионера, который сидел напротив и думал: «Шарахнуте бы по слишком умной башке кирпичом и выбить из нее лишнее».

Кружнев взглянул на Артеменко с симпатией. «Я тебя, старый потаскун, приберу, через твой труп из благодетеля хорошие деньги вытряхну, упакуюсь до конца жизни, лучших девок накоплю».

На Гурова Кружнев взгляда не поднял, лишь подумал о нем, и захлестнула жаркая злоба, и почувствовал: сейчас при всех может броситься, и убивать, убивать, убивать... «Позади у меня чисто, в ажуре, а перед носом шлагбаум, пока сыщик тут, я будто в наручниках».

Ни Майя, ни тем более Таня убивать Гурова не собирались.

Майя сидела опустошенная, вялая. Надоело все, выпить бы сейчас, включить тихую музыку, лечь в прохладную постель, заснуть и не просыпаться.

Таня мечтала лишь об одном: чтобы не было никогда подполковника Гурова и не ходила она на пляж, не искала знакомства, не любопытничала... Но подполковник рядом, на спинке ее стула висит сумка, в которой не бутылка коньяка и даже не мышьяк, и впереди у Тани наверняка неприятности.

В общем, компания за столом собралась, можно сказать, задушевная.

Полковник уехал домой, а майор Антадзе остался в отделе за старшего. Пять часов назад, как и договаривались с Гуровым, Отари передал в прокуратуру телефонограмму с указанием примет Артеменко, Кружнева и Зинича, ответа не последовало. Тогда он позвонил, долго разыскивал старшего следователя по особо важным делам, который ведет дело, наконец соединился, представился и попросил следователя перезвонить в дежурную часть, так как разговор предстает серьезный.

— Товарищ майор, — ответил следователь. — Я серьезных разговоров по телефону не веду. А если вас интересует дело, которым я сейчас занимаюсь, то и личная наша встреча может состояться только в кабинете прокурора. Не хочу вас обидеть, но порядок для всех один, извините.

— Подожди, дорогой! — закричал Отари. — Не вешай трубку! Ничего не спрашиваю, ты умный, думай, нужны мои слова или нет.

Отари казалось, что он сможет сложившуюся ситуацию коротко и толково объяснить, но, начав рассказы-

вать, быстро запутался, так что в конце концов сам не понял, зачем позвонил и что конкретно просил.

Следователь выслушал терпеливо, затем сказал: — Помочь ничем не могу. Информация ваша слишком расплывчата. Сами посудите, майор. Неизвестно кому из подследственных угрожает неизвестный свистель.

— Главарю банды угрожает.

Следователь рассмеялся.

— Я утром доложу прокурору. Возможно, он захочет с вами встретиться.

— Хорошо, жду.— Отари хоть и не получил конкретной помощи, но повеселел.

А настроение следователя после разговора испортилось. Вина каждого из группы доказана полностью. Эпизодом больше или меньше — не имеет значения. Следователь позвонил прокурору домой и попросил принять его в восемь утра.

— Вы можете меня не беспокоить хотя бы на ночь глядя? — раздраженно спросил прокурор.— Это что, так срочно и серьезно?

— Если бы я мог ответить на любой вопрос, то работал бы не следователем, а прокурором. Спокойной ночи.

Прокурор, боясь, что сорвет свою злость на домашних, заперся в кабинете, звонок следователя оказался той каплей, которая переполнила чашу терпения.

С момента возбуждения уголовного дела прокурор не имел ни часа покоя. Звонили из горкома, приходили герои и депутаты, в изобилии сыпались советы, высказывались одобрения и порицания. Прокурор все выслушивал и молчал. Он оберегал своих следователей, принимал на себя советы друзей и клевету врагов. Сейчас он взорвался из-за пустяка: почему надо приезжать в восемь, когда рабочий день начинается в девять?

Начальник уголовного розыска, старший следователь по особо важным делам и прокурор волновались и сердились, а в ресторане гостиницы «Приморская» беспечно танцевали и слушали охрипшую певицу, которая в микрофон докладывала, что «листья желтые над городом кружатся...»

Официантка, проходя мимо столика, легко тронула Таню за плечо, подмигнула и кивнула на дверь. Таня встала, взяла сумочку, тут же поднялся и Гуров.

— Я вас провожу.

Когда Таня вышла из туалетной комнаты, Гуров отметил, что она подмазала губы и причесалась. Проходя сквозь танцующих, Таня остановилась, положила руку ему на плечо.

— Я вас приглашаю.

— Сумочку-то повесьте, тяжело,— сказал Гуров.

— Вам просили передать, что разговор состоялся, приметы не работают.

— Когда кто-то не работает, всегда плохо,— Гуров растерялся.

— Я перед вами виновата, Лев Иванович.— Таня приподнялась на цыпочки и коснулась губами его щеки.— Проводите меня сегодня, хорошо?

Они вернулись к столу, Гуров сказал:

— Друзья, у меня к вам маленькая просьба, сделайте необходимые распоряжения, вернусь и объясню, в чем дело.

Он запомнил официантку, которая вошла в туалет следом за Таней.

— Вас как зовут? — спросил Гуров, отведя девушку в сторону.

— Гая.

— Гая. Вы знаете Отари Георгиевича?

— Да, он помог моему брату...

— Отлично,— перебил Гуров.— Отари просил передать фразу мне или Тане?

— Вам лично, и так, чтобы никто не слышал,— быстро заговорила девушка.— Но неудобно отзывать мужчину, а Таня...

— Понятно. Забудем. Вы сейчас позвоните Отари Георгиевичу и скажете, чтобы он немедленно приехал сюда вместе с экспертом. Слово «эксперт» запомните?

— Что я, совсем стоеросовая? — обиделась Гая.

— Возьмите ключ от моего номера, накройте стол, шесть фужеров и бутылку шампанского. Фужеры тщательно протрите, до блеска, и, придерживая салфеткой, расставьте на столе. Скажите Отари Георгиевичу, чтобы он ровно в одиннадцать тридцать позвонил мне в номер. Все запомнили? — Гуров взглянул на часы, было без пятнадцати одиннадцать.

Он боялся, что кто-нибудь в номер к нему не пойдет, но все согласилось с радостью, ресторан изрядно надоел, а легенда Гурова звучала естественно. Гуров сказал, что сегодня у жены день рождения, он послал телеграмму, звонил днем и поздравил. Но супруга в шутку ли, всерьез, неизвестно, завершила, мол, проверит его поведение и позвонит в половине двенадцатого в номер. Давайте, друзья, выпьем за здоровье именинницы, и мужчины прокричат в трубку трехкратное «ура».

Шампанское разлили, все приготовили, Майя не удержалась и спросила:

— Лева, можно я одна крикну?

— Можно,— отшутился Гуров.— Но уж лучше ты в меня выстрели.

— Эх, был бы пистолет,— вздохнула Майя.

— У Льва Ивановича наверняка имеется,— сказал Толик.

— В Москве, в сейфе,— Гуров взглянул на часы и подошел к телефону, поднял трубку, прервав первый звонок.— Дорогая, я стою по стойке «смирно», рядом три мушкетера, они пьют за тебя!

Приветствие прозвучало дружно, Артеменко поставил бокал, протянул руку.

— Как зовут супругу? Дайте, я скажу ей несколько слов.

Гурова выручила Майя, она тоже рванулась к телефону.

— И я скажу!

Гуров зажал трубку ладонью, прошептал:

— Целую, жди,— и разъединился.

— Трус! — заявила Майя.— Все вы одинаковые! Володя, проводи,— и вышла из номера.

Толик с Кружневым взглянули на Таню, многозначительно переглянулись и тоже направились к выходу. — Молодые люди, ведите себя прилично,— Таня догнала их, обернулась.— Лев Иванович, вы напрашивались в провожатые, жду на улице.

Оставшись один, Гуров вырвал из блокнота листок, разрезал на пять частей, написал имена, бросил в фужеры, свой убрал в туалет, черкнул записку: «Отари, следователю не годятся приметы, может, заработают пальчики?»

Когда он вышел из гостиницы, на улице его ждали Таня и Толик Зинич.

— Леня ушел,— сообщил Зинич,— спокойной ночи, товарищ подполковник.

— До свидания, товарищ Зинич,— в тон ему ответил Гуров.— Не забывайте нас.

Дождь прекратился, но лужи не высохли. Таня взяла Гурова под руку.

— Лев Иванович, я вела себя несерьезно, но повинную голову меч не сечет? — Таня заглянула ему в лицо.— Я работаю в отделе майора Антадзе.

— Интересно,— сказал Гуров, останапливаясь неподалеку от фонарного столба.— В сумке у вас пистолет, наверное, и удостоверение имеется?

— Вы проверять станете?

— Обязательно.

Гуров сердился на Таню, больше на себя, взял милиционерское удостоверение, внимательно изучил.

— Увлекаетесь театром, старший лейтенант? Почему не представились раньше?

Таня смутилась, пошла рядом с Гуровым, не решаясь взять его снова под руку.

— Черт знает что,— Гуров, смягчая резкость своих слов, обнял девушку за плечи.— Себя ставите в идиотское положение, меня отвлекаете, мешаете работать.

— Кто мог предположить? Я была в отпуске, сейчас меня отозвали. Увидела вас с Отари Георгиевичем в аэропорту — я провожала подругу, а вы прилетели. А в прошлом году я слушала вашу лекцию в Москве, на курсах...

— Понятно, Таня,— перебил Гуров.— Женское любопытство... Вы мне мешали, теперь будете помогать. Зачем вы носите оружие?

— Вчера Отари Георгиевич сказал, чтобы я вошла в компанию плотнее. Между прочим, он еще сказал...— Таня остановилась.— Вам не нужно меня провожать.

— Ты что же, меня охраняешь?

— С младшим по званию можно разговаривать на «ты»? — Таня попыталась увести разговор в сторону.

— Я поговорю с майором. У него неправильное представление о гостеприимстве.

— Не надо,— быстро сказала Таня.— Вы уедете, я останусь.

— Хорошо.— Гуров снова рассмеялся, вспоминая свои предположения относительно Тани и ее роли в происходящем.

— А вы меня принимали за проститутку?

Гуров не ответил, они долго шли молча, начали подниматься к дому Тани. Асфальт и фонари кончились, идти по осклизлой темной тропинке стало трудно, Гуров пропустил девушку вперед.

— У вас большая семья? — спросила Таня, останапливаясь у калитки.

— Мама и папа работают за рубежом. Я живу с дочерью, женой и ее младшей сестрой, которая для меня и товарищ, и головная боль.

— Такой человек, как вы, и называет родителей папа и мама.— Таня повесила сумку на штакетник и обняла Гурова.— Счастлив человек, который может быть вашим товарищем и головной болью,— она поцеловала его в губы и отстранилась.— Я влюблена в тебя, подполковник.

— Это приятно и больно,— ответил Гуров.

— Понимаю. Считаете, пальцевые отпечатки могут что-либо дать.

— Черт его знает. Возможно.

— Когда мне завтра появиться и как себя вести?

— Утром зайди в отдел, положи пистолет в сейф,

в гостиницу приходи часам к двенадцати, найди Майю, старайся проводить с ней как можно больше времени.

— Понятно.— Таня скользнула в калитку и скрылась за черными стволами деревьев.

Гуров спускался осторожно, боялся поскользнуться и упасть. Тропинка, кое-где усыпанная мелким белым камнем, вилась между заборами, из-за которых свешивались темные, еще голые ветви деревьев. «Надо было надеть кроссовки, изгваздаю парадные туфли», — подумал Гуров.

Звезды проглядывали сквозь редкие расплывающиеся облака, он поднял голову, в который раз подумал, что над Черным морем звезды больше и ярче, чем над Москвой, и поскользнулся. Сучковатая палка, которая должна была размокнуть ему затылок, скользнула по волосам и плечу. Гуров покатился по острым камням, прикрывая руками голову и ожидая нового удара, когда за спиной громыхнул пистолетный выстрел. Кто-то перепрыгнул через Гурова и, срываясь на крутизне, понесся вниз.

— Не стрелять! — громко сказал Гуров, оперся коленями об острые камни и поднялся.

— Я догону его! — Таня, тяжело дыша, взмахнула пистолетом.

— Не догонишь! — Гуров отобрал у девушки пистолет, поставил на предохранитель, сунул в карман брюк.— Надо же такому случиться? Парадные брюки и туфли французские, только купил. Бандиты, а не люди.

Он достал носовой платок, вытер ободранные ладони, взглянул на Таню.

— Да, видик у меня, надо сказать, не героический,— он поднял с земли здоровенную палку, взмахнул.— Ты его видела?

— Невысокий, одет в темное,— Таня провела ладонью по голове Гурова.— Кровь. Вы ранены.

— Как и положено герою, отвечаю: пустяки, царапина. Где живет Зинич? Мы шли медленно. Он мог успеть заскочить домой и переодеться?

— Мог, но напавший был невысокого роста.

Они вышли на асфальт, при свете фонаря Гуров оглядел грязные, порванные на колена брюки, покачал головой, словно именно потеря штанов больше всего его огорчала в данный момент.

— Девочка, когда смотришь сверху вниз, любой человек видится маленьким. Конечно, ботинки у него сейчас тоже не начищены до зеркального блеска. Но зачем ему возвращаться домой? Он может переночевать у приятеля или приятельницы.

Гуров сел на грязную сырую скамейку, платком протер место рядом.

— Садись. Ты спасла мне жизнь, я твой должник до гробовой доски.

— Все шутите?

— Человек в моем положении может либо шутить, либо плакать. Артеменко в гору не ползет, палкой размахивать не будет, не его стиль. Да и бегать и прыгать ему уже поздно. Палочка тяжеловата, Кружнев мужик жилистый, сильный, но он бы выбрал камень поувесистее. Длинная палка ему не по руке.— Гуров поднялся со скамейки.— Я хочу принять душ и вздремнуть. Что мне с тобой делать, снова провожать?

— Ни в коем случае!

— Конечно,— сказал Гуров и поплелся провожать Таню.

Отари сидел в кресле гуровского номера и дремал, увидев Леву, вскочил, забежал по комнате, принес из ванной мокрое полотенце.

— В тумбочке кофе и кипятыльник, приготовь.— Гуров стянул с себя мокрую грязную одежду и пошел мыться.

Ссадина за ухом и плечо вспухли и болели, Гуров знал, через несколько часов станет еще хуже. Он тщательно вымылся теплой водой с мылом, принял контрастный душ, надел чистое белье и тренировочный костюм, выпил приготовленный майором кофе, достал из пиджака сигареты и закурил.

Отари молчал, гладил пятерней бритую голову и терпеливо ждал.

— Выдохни,— Гуров улыбнулся.— А то у тебя все предохранители перегорят. Я, Отари, очень способный сыщик, почти гениальный. Практически на пустом месте я заставил преступника сорваться.

Отари поднялся, провел ладонью по шее Гурова, на ладони была кровь.

— Это не пустое место, твоя голова, дорогой.

Гуров коротко рассказал о случившемся.

— О твоём и Татьяны поведении поговорим позже,— Гуров налил себе вторую чашку кофе, взглянул на часы.— Без пяти три. Отпечатки получились?

— Исключительно. Утром я пошлю отпечатки в прокуратуру. Почему ты думаешь, что они могут сработать?

— Не знаю. Так, на всякий случай,— ответил Гуров.

— Ты не видел нападавшего, кто мог быть? — спросил Отари.

— Полагаю, Зинич. Наверное, он уйдет в бега,—

Гуров закашлялся и погасил сигарету.— Инициативу мы с тобой перехватили. Конечно, доказательства у нас никаких...

Гурова прервал телефонный звонок.

— Слушаю.

— Здравствуй, Лева. Три часа ночи, а ты не спишь,— Гуров узнал спокойный, немного ленивый голос своего начальника полковника Орлова.

— С добрым утром, Петр Николаевич. Я в загуле, а вы все еще в кабинете? Срочно понадобилась консультация профессионала?

— Пока человек шутит — он живёт.

Гуров тронул кончиками пальцев вздувшуюся шишку.

— Как с погодой, Лева?

— Великолепно,— Гуров прикрыл мембрану ладонью, подмигнул Отари.— Начальство,— и уже в трубку продолжал: — Петр Николаевич, пропусти двадцать страниц текста, объясни, чего тебе не спится?

— На тебя пришла анонимка. И не мне, не генералу Турилину, а в кадры. Константина Константиновна вчера вечером не было, я сначала хотел переговорить с ним, потом позвонить тебе, да не спится. Куда ты там вляпался?

— И что нового обо мне сообщили?

— Взял десять тысяч.

— И десять бы не помешали, но уверен, что дадут и сто! — рассмеялся Гуров.

— Тебе сколько лет? — вспылил Орлов.— Ты что, все еще Лева из Могилева? Жена Цезаря должна быть вне подозрений! Ты куда лезешь?

— В цвет, полковник, иначе бы не тратили денег на телеграмму. Из какого отделения отправили?

— Мальчишка? Ты понимаешь, что эта телеграмма будет храниться в твоём личном деле вечно?

— Ничего, скоро следователь приобщит ее к уголовному делу,— Гуров начал сердиться.

— Дурак и мальчишка,— перебил Орлов.— Утром доложу генералу, он решит. А ты собирай вещички, до одиннадцати из номера не выходи.

— Из какого отделения отправлена телеграмма? — повторил свой вопрос Гуров.

— Она что, у меня под подушкой лежит? Спокойной ночи! Если в одиннадцать не будешь у телефона,— я тебе не завидую!

— Угрозами, Петр Николаевич... — начал было Гуров, но услышал гудки и положил трубку.

— Твой генерал очень умный,— сказал Отари,— он поймет правильно.

— Ни один генерал, Отари, даже сверхумный, не хочет лишних забот.

— Это точно,— Отари кивнул.— С чего начнем утром?

— Я буду спать, ты отправишь дактокарты в прокуратуру и найдешь человека с зонтом. Ничего не знаю и слушать не хочу! Ты его найдешь, потому что он здесь и нам необходим.

НА ВСЕХ ФРОНТАХ

Выяснив, что за Толиком Зиничем наблюдают, Юрий Петрович, переполненный негодованием и жалостью к себе, некоторое время находился в прострации. Он был умен, осторожен и расчетлив. Понимал, что операция, которую он проводит с Володиной, Лёной и дебилом-физкультурником, не более чем самодеятельность. А что прикажете делать, если его, образно говоря, композитора и дирижера, заставляют исполнять роль Яго в драмкружке? Юрий Петрович никогда даже не помышлял об убийстве.

Однажды, много лет назад, судьба свела его с профессиональным убийцей. Мужчина средних лет, прилично одетый, изъяснялся литературным языком, внешне не имел никакого отношения к теории Ломброзо. Звали его незатейливо — Иван. Он ликвидировал бухгалтера известного Юрию Петровичу синдиката. Вскоре после этого без приглашения и предварительной договоренности Иван явился к Юрию Петровичу и, демонстрируя свою квалификацию, звонком не воспользовался, вошел тихо и спокойно, словно дверь забыли запереть. Юрий Петрович сначала испугался, и растерялся. Иван неторопливо снял плащ, поздоровался, передал привет от общего знакомого и заверил, что без крайней необходимости оружия с собой не носит и к хозяину испытывает глубочайшее уважение.

Юрий Петрович воспринял визит философски: пришел человек, за дверь сразу не выставишь, придется потерпеть. Он открыл бар, жестом предложил гостю уюта и сел в кресло. Иван церемонно поклонился, налил в стакан немного коньяку, сел рядом.

— Профессии у нас разные,— начал Иван и повел беседу культурно, явно пытаясь произвести впечатление.— Мы оба медики, лечим общество от ожирения, вы, так сказать, терапевт, я хирург. Так что делать? Иной раз требуется отрезать, даже отпилить, порой и оторвать...

Медленно прихлебывая коньяк, Иван говорил долго, витиевато, приводил примеры из хирургической практики, заверял, что фирма гарантирует качество и абсолютное молчание.

«Я тебе верю,— думал Юрий Петрович и согласно кивал.— Когда тебя возьмут и пообещают сохранить жизнь, ты расскажешь то, чего даже и не знаешь».

Когда Иван замолчал и поставил пустой стакан на инкрустированный столик, Юрий Петрович сказал:

— Выслушал все с большим вниманием и интересом. И ничего не понял. Вас кто-то разыграл, уважаемый, я человек, далекий от медицины.

— Ясно,— Иван поднялся, глухим, без всякой интонации голосом произнес: — Возьми ручку и запиши.

Юрий Петрович не понял и замешкался, но, увидев, как у гостя скривились в улыбку губы, а глаза — белые, без зрачков, пустые, смотрят на него и не видят, почувствовал, что до небытия всего один шаг, открыл блокнот и схватил ручку. Иван продиктовал номер телефона.

— Сегодня не знаешь, как карта ляжет завтра. Надумай, позвонишь и назовешь себя. На прощание подкинь штучку. Ехал к тебе, но такси потратился.

Юрий Петрович знал, что «штучка» означает тысячу и благодарил судьбу, что деньги у него в доме были, большей частью он держал в кармане всего пятьсот — шестьсот рублей на мелкие расходы. Он достал пачку десятков в банковской упаковке, Иван сунул деньги в карман и молча пошел к выходу. Надев плащ, он задержался у двери и, не оборачиваясь, сказал:

— Ты мне понравился. Звони.

Тогда, много лет назад, он страшно рассердился, пытался выяснить, кто навел Ивана, но соратники отрещивались. Через два года грошовая лавочка, где Иван убрал бухгалтера, сгорела дотла, всех пересадили, но убийцу, как слышал Юрий Петрович, не нашли.

Когда явился посланец от южанина и Юрию Петровичу передал совершенно непристойную просьбу, он сразу вспомнил своего давешнего гостя, отыскал телефон, позвонил, но какая-то женщина раздраженно ответила, что живет в квартире сто лет и ни о каком Иване сроду не слышала. «Эх, знать бы, где упадешь, соломки бы подстелил», — сетовал деловой человек. Передал бы сейчас Ивану деньги, объяснил задачу и жил бы спокойно. Так нет, осторожничал, брезговал, а теперь самому приходится велосипед изобретать и порош придумывать.

Все это вспоминал Юрий Петрович, попивая чай с медом, жалея себя, кляня несправедливость, следую судьбу-злодейку. Кружка была большая, но чай и время, отпущенное на пустую философию, кончились. Он собрал чемоданчик, оставил записку хозяину — деньги были уплачены вперед, — и с квартиры съехал. Взяв в камере хранения большой, из натуральной кожи, чемодан, Юрий Петрович без парика, очков и зонтика, со смывтой с кисти татуировкой, одетый, как человек, прибывший из столицы, где занимает солидный пост, явился в гостиницу и предъявил подлинный паспорт.

Он принял душ, чисто выбрился, протер лицо французским одеколоном. «Теперь,— думал он,— если Толика Зинича и возьмут, то искать начнут старого поношенного уголовника, а отнюдь не уважаемого молодящегося чиновника, который приехал из Москвы лишь сегодня». Администратору, которой он преподнес коробку дорогих конфет и передал привет от Зинаиды Васильевны из «Космоса», Юрий Петрович вскользь сообщил, что приехал поездом, а не прилетел. В общем, он не опасался, что уголовный розыск может выйти на его след, и занялся решением неотложных дел.

Володя Артеменко, как Юрий Петрович и ожидал, выслушал его молча, заверив, что серьезно подумает. «Ловчит,— понял старый бизнесмен,— тянет время, ищет лазейку». Он умышленно сказал Артеменко, что конкретные инструкции поступят позже. Пусть человек обдумает происходящее, поймет безвыходность своего положения.

К убийству Юрий Петрович был готов давно, и вся операция в гостинице «Приморская» уже продумана до мельчайших деталей. Еще лет десять назад через одного шустрого дипломата, сегодня он работает в фирме «Заря», Юрий Петрович приобрел пять капсул с ядом. Как он называется, тем более химический состав его, Юрия Петровича не интересовало. Получив заверение, что на Западе фуфло не изготавливают, не Одесса, и одна капля убивает быка, он заплатил деньги и коробочку с ампулами убрал. Однажды, пожертвовав одной ампулой, он проверил яд на собаке. Проглотив брошенный ему кусок колбасы, пес моментально издох. Штука отменная, решил Юрий Петрович, только слишком быстрая, использовать следует с большой осторожностью.

Он позаботился буквально обо всем. Сначала обработал Артеменко, разъяснил, что если следствие найдет неизвестного физкультурника, то выйдет персонально на него. Володя долго упирался, но в конце концов капсулу взял и сказал, что если Петрович сумеет создать ситуацию, при которой физкультурник сам найдет Артеменко, сам пойдёт на сближение, то тогда, возможно, и представится удобный случай.

С Лёной Кружневой все произошло значительно проще. Он подбросил на ладони прозрачную капсулу, заверил, что все будет в порядке, и полетел к Черному морю. Сговорились, что Лёня сам познакомится

с Артеменко, но решающего шага без команды Юрия Петровича предпринимать не станет.

Найти Толика Зинича, напугать прошлым и заставить его сблизиться с Артеменко и компанией, тоже большого труда не составило.

Все было готово, когда произошла эта дурацкая история с машиной. Какой-то идиот, либо Лёня, либо Володя, а может, и его девка, отвинтил гайки, другой идиот попал в ловушку, и произошло крушение его гениального плана. Да еще сыскарь из МУРа объявился, нет ему другого места и времени передохнуть от уголовщины. В эмвевском санатории надо отпуск проводить, лечить надорванное в бессмысленной борьбе сердечко, проверять пульс, давление. И вернуться обновленным к своему любимому труду, получить мизерную зарплату и радоваться, когда поймал карманника или дебила-уголовника.

В общем, весь день Юрий Петрович пребывал в гневе и решал, как встретиться с Володиной, который явно выходил из-под контроля. Необходимо его успокоить, снять мандраж и предложить конкретный ход. Ясно, что, будь яд не мгновенного действия, Володя уже угостил бы парня и не мучился угрызениями совести. Артеменко боится оказаться рядом с трупом и поспать в поле зрения милиции, и правильно боится. Однако необходимо историю кончать. Володя и Толик должны исчезнуть. В живых останется лишь психопат Лёня. Замаранный в убийстве, он будет молчать, как рыба. Ему надо дать денег, но не одновременно, а определить содержание: хоть Лёня и законченный псих, а сообразит, что лично заинтересован в здоровье Юрия Петровича.

Спал он прекрасно, поднялся бодрый, жизнерадостным и тут же позвонил Зиничу.

— Слушаю,— глухим голосом откликнулся Толик.

— И прекрасно, мальчик,— сказал Юрий Петрович,— станешь слушаться, будешь жить на свободе долго и красиво. Я говорю из Москвы...

— И черт с тобой, старый хрен, я уматываю,— зашептал Толик.— Тут совсем плохо стало, твой земляк копает, мне ждать нечего.

— У тебя здоровые инстинкты, мальчик, кому в зону хочется? Ты будешь сидеть тихо, кушать и пить в «Приморской», в той же компании и получишь за это деньги. Завтра в восемь утра я тебе позвоню. Если телефон не ответит, отбью соответствующую телеграмму,— пока в уголовном розыске товарищи зарплату получают, мне самому тебя искать недосуг. Ты меня понял?

— Ну? — прошептал Толик.

— Не слышу?

— Понял! Шучу я, нервы.

— У всех нервы, будь здоров,— Юрий Петрович положил трубку, тут же набрал номер Артеменко и, когда тот ответил, сказал коротко: — Володя, жду тебя у входа на центральный рынок.

Ветер погнал тучи, выглянуло солнце. Люди высыпали из гостиниц и санаториев, как по команде.

Юрия Петровича хорошая погода устраивала. Хотя он, как и легендарный предок, «не любил большого скопления честных людей в одном месте», тем не менее лучше затеряться в толпе, чем наслаждаться опасным одиночеством. Он перекинул пиджак через руку, ослабил узел галстука и прогуливался у «Приморской», поджидая своего лучшего ученика.

Юрий Петрович не проходил специальной подготовки и не был знаком с работой спецслужб, однако не желал встречаться с Володиной, если последний прибудет в сопровождении. За физкультурником наблюдали, могут интересоваться и Артеменко.

Володя вышел из гостиницы, был, как всегда, элегантен, кремовые брюки, ботинки в тон, фирменная белоснежная рубашка. Юрий Петрович смотрел на ученика с легкой завистью. Умен, осторожен, не жаден, жить умеет, очень жаль, что ему придется умереть так рано. Когда Артеменко, обогнув здание гостиницы, направился к центру, Юрий Петрович следом не пошел, а внимательно присматривался к окружающим. Ему повезло, к гостинице подъехало такси, высадило пассажиров, Юрий Петрович сел в машину, обогнал Артеменко на несколько кварталов, дал шоферу десятку и попросил подъехать через час. Он не подошел к Володе ни у входа, ни на самом рынке, выжидал. Лишь когда Артеменко, купив цветы, направился назад, к гостинице, Юрий Петрович пересек ему дорогу, сел за столик открытого кафе и заказал мороженое.

Володя сел рядом, тоже заказал мороженое, молчал, разглядывал проходивших мимо женщин.

— Наконец-то погода наладилась.— Юрий Петрович отметил, что ученик अनुлылся, под глазами тени, пальцы слегка дрожат. — Тебе надо позагорать, возраст проступает, пьешь наверняка.

Артеменко достал из заднего кармана фляжку, сделал несколько глотков.

— Сердишься. Я же тебя не контролирую, помочь хочу, потому и болтаюсь в городишке вторую неделю. Кто машину испортил?

— Раньше не знал, теперь думаю, что ты,— ответил Артеменко.— Сдается, я тебе больше мешаю, чем этот придурок.

— Ясное дело, я тебя в Москве не мог достать,

надо за тысячу с лишним верст вывезти. Ты из-за своей девки по фазе даинулся. Не можешь сообразить, как заставить Зинича лекарство принять не в гостинице, а у себя дома, так и скажи. Спроси у старших, они тебе разумным советом помогут.

Гуров заснул, когда уже начало светать. А в семь его уже разбудил телефонный звонок.

— Нет,— сказал Отари.— Люди работали вечер и всю ночь, твой с зонтиком, видно, улетел. Зинич никуда не бегал, к восьми отправился в санаторий.

— Собери ребят у себя дома, я приеду,— Гуров сел, ему казалось, что за левым ухом прилепили нечто тяжелое, плечо ныло.

— Ты мне не веришь?

Гуров услышал в голосе майора обиду и разозлился.

— Как оперативника я тебя мало знаю. То, что могу сделать я, ты сделать не можешь.

— Нехорошо говоришь.

— Да, дорогой, я умру не от скромности. Ты втянул меня в историю, терпи, собери людей, приготовь мне кофе и жди.

Гуров брilsя, рассматривая себя в зеркале. «Что со мной? — рассуждал он.— Совести меньше стало, а наглости прибавилось? Переродился в максималиста. Кратчайший путь к цели есть прямая, укладывая рельсы, катись, и не важно, если раздавил чье-то самолюбие. Ты стремишься совершить большое добро, и маленькое зло тебе простят?» Он критиковал себя, урезонивал и стыдил и не замечал, что не становится добрее и снисходительнее, а наливаются упрямством и злостью.— «Почему Отари думает только о себе? Веришь — не веришь, что за детские игры? Пока мы выясняем отношения, прикончат человека».

Гуров надел костюм, белую рубашку с галстуком: для выполнения задуманного требовалось выглядеть парадно, раздражать не только содержанием, но и внешним видом. Чиновник из Москвы, заскорузлая душа, чистенький, самовлюбленный.

Он вошел на веранду дома Отари, поздоровался кивком, занял место во главе стола.

— Прошу садиться,— Гуров придвинул чашку кофе.

Семь оперативников, трое совсем мальчишки, разногласно поздоровались. Отари взглянул на Гурова удивленно, поглаживая голову, вздохнул и подумал, что подполковник человек умный и опытный, но повел себя неправильно, следовало с каждым за руку поздороваться.

Гуров молчал, лицо у него было надменное, уголки губ брезгливо опустились, он допил кофе.

— Работаем плохо, лениво, словно из-под палки. Человека в вашей дыре найти не можете. В Москве,— Гуров поднял палец,— находим! Мне ваш майор ночью одну завиральную идею изложил,— он наступил Отари на ногу.— Я не верю, но попробуйте... Ваш начальник,— Гуров покосился на опешившего Отари,— думает, что человек, которого вы разыскиваете, перекрасился, съехал с частной квартиры и живет сейчас в гостинице.

Оперативники заговорили на непонятном языке, затем старший по возрасту сказал:

— Может, Отари Георгиевич, правильно думает.

— Начальник всегда прав! — Гуров рассмеялся, кивнул на пустую чашку.— Кофе, пожалуйста. Если вам хочется своего начальника защитить, действуйте. Я не верю, но не возражаю. Вчера около четырнадцати часов в гостиницу — не интурист, но солидную гостиницу — поселился одинокий мужчина. Приметы: лет шестидесяти, среднего роста, среднего телосложения, одет хорошо. Москвич. Даю вам три часа, выполняйте.

Оперативники нерешительно поднялись, смотрели на майора Антадзе.

— Прошу, ребята,— сказал он, опасливо покосившись на Гурова,— я жду вас в кабинете.

— Если все это не бред и вы человека найдете, наблюдение не вести, только сообщить и вновь собраться у товарища майора. Выполняйте!

— Да, да,— Отари, провожая товарищей, спустился с крыльца.

Гуров снял пиджак и галстук, потер шею и плечо.

— Очень злые уши,— сказал Отари.— Ты очень хитрый.

— Все повторяем: человеческий фактор, личная заинтересованность. Людей подхлестывает не только лишний рубль, но и злость, обида за товарищей, стремление доказать плохому человеку, что он плохой.

— Ой, Лева,— Отари покачал головой.— Обидел людей, найдут — не найдут, о тебе все равно плохо будут думать.

— Мне нужен главарь, организатор, остальное стерплю,— сказал Гуров.— Вызови машину, мне нужно скорее вернуться в гостиницу.

Гуров лежал в своем номере, вытянувшись на спине, запрокинув голову, и думал. «Мне в высшей степени наплевать,— рассуждал он,— что обо мне думают местные оперативники. Я заставил их расстараться, доказать, что их любимый начальник очень умный, а это и есть главное. Почему людей хорошо работать необходимо всегда заставлять, отчего не по доброй

воле? Человек не машина, кнопку нажал, и она поехала. Каждому необходима вера, убежденность, что твой труд необходим, иначе человек не работает, а служит, а порой и того не делает, лишь изображает. Оперативника не проконтролируешь, труд его не взвесишь и на шуки не пересчитаешь. Ведь как они, замученные текучкой, бесконечными кражами из гостиниц, драками, проезжими мошенниками, относятся к данному делу? Угнали машину, угонщик разбилась, ну и — с плеч долой. А тут какой-то приезжий из Москвы с их начальником встречается, майор лицом потемнел, сам не свой ходит. Человека приказали найти? Нужно этому визитеру, пусть сам ищет, мы своими делами займемся, позже рапорт отпишем, мол, все проверено, мин нет».

Гуров самодовольно улыбнулся: ничего, голубчики, поносись, как наскипидаренные.

В том, что Гуров разгадал маневр Юрия Петровича, не было ничего удивительного.

Никто из арестованных по громкому делу не мог обратиться за помощью к рядовому уголовнику. Это должен быть человек их круга — головастый, осторожный и хитрый. Видимо, его из тюрьмы за горло держат, и не выполнить просьбу, уехать он не может. Наблюдение за Зиничем он засек, и на случай его ареста должен дислокацию сменить. Начнут искать задрипанного старикашку, проживающего на частной квартире, поэтому нужно объявиться respectableным, молодящимся и в гостинице.

В сознании Гурова кружились калейдоскоп не связанных между собой фактов и событий. Так образ разыскиваемого никак не сочетался с отвернутыми гайками и ночным нападением. В обоих случаях действовал дилетант. Подпольные финансисты и «цеховики» лично такими делами не занимаются. Если бы он нанял профессионалов, меня бы элементарно застрелили либо зарезали. Толик Зинич? Ну какой головастый человек обратится за помощью к Толику? Он не может быть исполнителем. Если не исполнитель, значит, жертва.

Гуров сел, сонливость пропала, он прошел к письменному столу, позвонил в отдел, когда Отари снял трубку, сказал:

— Немедленно арестуй Зинича.

— Что? Ты не заболел, дорогой? Я не прокурор, да и за какие дела?

— Извини, неточно выразился, — Гуров смутился, действительно, брякнул спросонья черт знает что. — Задержи его под любым предлогом и не отпускай.

В номер постучали, Гуров обернулся и увидел Толика Зинича.

— Здравствуй, товарищ начальник! — Толик шутковски поклонился. — Разрешите войти?

— Хорошо, дорогой, я перезвоню. — Гуров положил трубку. — Здравствуй, Толик. Ну-ка, подойди, покажи свои ладони. Меня гадать учили, дай потренируюсь.

Он осматривал руки Зинича, который глядел на Гурова, глупо улыбаясь. «Если шарханул меня он, то мог ошкаряться, дубина была уж больно сучковата», — думал Гуров. Ладони оказались гладкие, без единой царапины.

— Так, у меня к тебе дело, сиди в номере, не рылайся, скоро вернусь. — Гуров вышел, запер дверь, ключ положил в карман.

От дежурной по этажу позвонил Отари:

— Он пришел ко мне, я запер его в номере. Что у тебя?

— Лебедев Юрий Петрович, поселился в гостинице «Южная» вчера около пятнадцати часов, занимает двести восемнадцатый номер, сейчас отсутствует.

— Мне нужно время. Соскучился по Тане, не знаешь, где она? — Гуров видел, что дежурная с таким вниманием читает журнал, что можно не сомневаться, — не пропускает ни одного его слова. — Позвоню.

Гуров направился к своему номеру. «В моем расписании всего несколько часов», — думал он, перешагивая через пылесос, который горничная установила посреди ковровой дорожки. — Постояльца гостиницы «Южная» временно забыть. Быстро думать, быстро».

Зинич не может быть помощником человека умного. Почему между ним и Лебедевым существует контакт? Зинич работал в загородной резиденции, мог что-то видеть. Он через меня познакомился с Майей и Артеменко. Это была его инициатива, знакомства с ним никто не искал. Испортил машину и напал на меня дилетант. Скорее всего это один и тот же человек. Артеменко не подходит, Лебедев, если он тот, кого я ищу, глупостями заниматься не станет. В случае с машиной алиби Кружнева сомнений не вызывает. Если я рассуждаю правильно, Кружнев из действующих лиц исключается. Но он здесь, и в случайное совпадение не верится.

Гуров подошел к своему номеру, открыл дверь и громко сказал:

— Толик, у меня к тебе есть вопрос.

Никто не ответил, Гуров вышел на балкон.

Отари ликовал. Его ребята за несколько часов нашли приезжего, установили, где Лебедев жил раньше, в каком кафе завтракал и обедал. Отари был тщеславен, но не чрезмерно, чужие успехи никогда себе не

приписывал. Однако сейчас у него как-то выпало из сознания, что не он, майор Антадзе, высказал предположение, что Лебедев существует, а Гуров.

Когда первая волна ликования прошла, Отари начал прикидывать, а что конкретно они имеют против этого загадочного человека. Ничего. Снимал квартиру под чужим именем, так документов фальшивых не предъявлял, сказал, что он Иван Иванович Иванов. Шутка. И попробуй доказать обратное. Парик, палка, ношенный костюм? Ну и что?

— Орех, в котором нет ядра, пустой орех, — сказал майор, хмуро глядя на своих товарищей.

Оперативники принесли свои рапорты, словно удачливые охотники добычу. Хаастались друг перед другом. Когда выяснилось, что вроде и стреляли метко, а ни мяса, ни шкуры не добыли, горячка прошла, все притихли. Звонил Гуров. Говорил коротко, непонятно. Отари хотел разделить с ним радость, посоветоваться, но, когда сообщил об успехе, Гуров не поздравил, положил трубку.

Зинича арестовать? За что? Таня ему срочно потребовалась. Зачем? И зачем сразу трубку бросать? Почему не говорит, как мужчина, — спокойно и обстоятельно? За Лебедевым наблюдение не вести. Не верит он нам, снова не верит! Все ему сделали, как боги работали! А он не верит!

— Доброе утро, товарищ майор! Разрешите? — в кабинет вошел дежурный по отделу. — Телефоннограмма из республиканской прокуратуры. И какое-то письмо вам, лично.

— Давайте, — Отари расписался в получении телефоннограммы, дежурного офицера отпустил, письмо отложил в сторону.

«Пальцевые отпечатки, принадлежащие Артеменко Владимиру Никитовичу, присланные вами в наш адрес, являются серьезной уликой. Артеменко задержать, срочно этапировать в прокуратуру республики. Старший следователь по особо важным делам...»

Наконец-то! Отари вскочил, пробежался по кабинету. Молодец Гуров, умница, мы победили, теперь дело пойдет. Отари рассеянно взял конверт, на котором было написано: «Майору Антадзе. Лично». Почтовый штампель на конверте отсутствовал. Он прочитал письмо мельком, сначала ничего не понял, перечитал раз, другой и опустился в кресло. Он работал в милиции давно и знал, подобные угрозы пустыми не бывают.

Зазвонил телефон.

— Я просил тебя до одиннадцати из номера не выходить, — не поздоровавшись, сказал Орлов. — Что с тобой, Лева? Я звонил тебе из кабинета Турилина. Ты не ответил, безобразно.

Гуров напрочь забыл, что должен звонить начальнику. Оправдываться глупо и бессмысленно, решил он, и сухо ответил:

— Виноват, товарищ полковник. Обстоятельства. Не знаю, как вела себя жена Цезаря, но подполковник Гуров должен быть вне подозрений, он это заслужил.

Они работали вместе более десяти лет, отношения с годами переросли в дружбу, и то, что Лева назвал Петра Николаевича по званию, кольнуло Орлова. Утром, когда он докладывал историю с анонимкой генералу Турилину, тот рассмеялся.

— Гордись, Петр Николаевич, хорошего офицера воспитал. Лева, конечно, немного авантюрист, но честнейший парень и настоящий розыскник.

— Я о Гурове забочусь, — не сдавался Орлов. — Личное дело себе испачкает...

— Без сучка и задоринки личные дела только у карьеристов, людей холодных, с рыбьей кровью. Говоришь, сидит в номере и ждет звонка? Ну-ка, соедини меня с ним.

Орлов позвонил, но Гуров не ответил. Генерал не рассердился, взглянул озабоченно.

— Там грязное дело. Может, Гуров случайно залез?

— Случайно можно на дороге в коровью лепешку вляпаться! — горячился Орлов. — Вы же сами говорите, Гуров розыскник божьей милостью. Я ему приказал отдыхать, врачи им недовольны...

— Верно, — перебил генерал. — Дозвонись и реши, может, стоит к нему вылететь.

Орлов звонил Гурову каждые полчаса, наконец соединился, а Лева не оценил, начал хамить.

— Товарищ подполковник, — чуть растягивая слова, волнуясь и потому еще более лениво, чем обычно, заговорил Орлов. — Подумай, может, тебе не очень помешает полковник Орлов? Я бы к вечеру появился.

— Петр Николаевич! — Гуров откашлялся. — Спасибо. К вечеру все так или иначе кончится. Да, если бы ты был здесь, — он чуть улыбнулся, прикрыл глаза, — мы бы с тобой их в целлофан завернули, розовой ленточкой перевязали и отнесли на стол прокуратуры.

— Тебе виднее, — Орлов чуть было не сказал, мол, береги себя, но лишь хмыкнул, удивляясь собственной сентиментальности. — Ладно, звони.

— Слушаюсь! — гаркнул Гуров, положил трубку и выскочил из номера.

Компания поджидала его у гостиницы. Все, кроме Кружнева, улыбались. Гуров взглянул на свой балкон и понял, что перебраться с него на открытую веранду ресторана не составляло никакого труда.

— Лев Иванович, — сказал Артеменко, — используешь служебное положение, арестовываешь соперников.

— Ох, Владимир Никитович, кто о чем, а вы все о женщинах, — отшутился Гуров. — Мы с Таней прошлой ночью отношения выяснили, и она мне даровала свободу.

— Сначала подвесила тебе дулю за левое ухо, — Кружнев указал пальцем. — Правильно сделала, чтобы руки не разпускались.

— Ну-ка, похвастайся! — Артеменко взял Гурова за плечи, повернул. — Ничего, раны украшают войнов, — и рассмеялся.

«Дорогой, ты совершил последнюю ошибку, теперь я тебя быстро спеленаю», — подумал Гуров.

Беззаботно перешучиваясь, они шли по набережной, решая наиболее важный вопрос, где обедать, и клялись, что в ресторан гостиницы не пойдут никогда. Даже Кружнев томно улыбался, восхищаясь своей находчивостью, тем, как он подколол самоуверенного миллионера.

Майя думала о том, что жить дальше так нельзя, и не потому, что торговать красивым телом и бесмертной душой безнравственно и стыдно, просто однообразие и скука заели. «Володьку увольняю, отправляю в глубокий запас. Никто еще от работы не умирал, и я не подохну. Не возьмут тренером, — начну работать инструктором, поступлю в инфизкульт, на заочный. Одежда, обувь, здоровье — слава богу, выберу мужика попроще, рожу сына. На стадионе не была тысячу лет. Как там мои подружки-старушки? Как живут, чем занимаются, о чем болтают? К отцу с матерью надо взглянуть, не по-людски живу. Сегодня прощальная гастроль, завтра улетаю...»

Танины мысли были о Гурове. Как убедить подполковника, что он ошибается: Толик никогда не нападет в темноте, не ударит человека по затылку. Все мужики, — и знаменитый сыщик не исключение, — самоуверенные и самовлюбленные повелители. Он решил, что сказал, значит, тут и истина в последней инстанции. Артеменко, видите ли, ему не подходит. Староват бегать и прыгать. А этот старый козел еще молодому фору даст. Он — явный финансист и единственный из всех может иметь отношение к миллионным делам. И шишку на голове подполковника разглядывал с таким фальшивым интересом...

Майор с подполковником заузмую страдают, женщин следует слушать. Они умнее. А этот, Таня взглянула на улыбающегося Гурова, весь из себя гордый и высококонравственный, ночью в лоб поцеловал, будто покойницу. Так ему и поверили, что, кроме жены, все остальные бабы для него лишь друзья-товарищи.

Когда Зинич разговаривал с «чертом из подземелья», так Толик называл про себя Юрия Петровича, то пугался. Воршить связанные с «заповедником» старые дела совершенно ни к чему, ведь, кроме девки-психопатки, многое может выплыть. Молодой Толик был неопытный, только следователь таких слов не знает, поинтересуется лишь: совершеннолетний или нет. И точка. Тоже закон придумали, ум человека годами измерять. Один согли еще не подобрал, уже все соображает, другому жизнь плешь прест, а он внуков учит, что надо всегда говорить правду и жить гордо.

Сейчас Толику вроде бы бояться нечего, запер его в номере московский сыщик, так это шуточки. Когда у него будет что серьезное, Толика в другом месте зарпуг, где балконов нет, а на окнах железные намордники. Поскорее бы они все разъехались, а он своими дамами занялся. Противно, конечно, и не больно денежно, однако безопасно.

Кружнев шел в стороне от компании, поглядывал на всех с чувством превосходства, размышляя о смысле бытия. «Ну к чему мне убивать этого прибитого молью донжуана? Благодетеля я и так за горло возьму, за ним грехов на полный круг ада хватит. Меня на сегодняшний день в рай не пустят, а я и не рвусь, там скучно. Володьку Артеменко жизнь, как и меня, видно, не баловала, седой совсем, подсасывает втихую, словно грудняк соску. Можно вечером к нему в номер войти и в бутылку, что стоит у него на полочке в туалете, капнуть. Володя либо перед сном глотнет, либо утром во время бритья. А я тут при чем? У меня, как всегда, стопроцентное алиби».

Кружнев взглянул на Гурова с ненавистью, вот уж кого прибрать следует, тоже мне супермен-победитель, ни горя у него, ни забот.

Он вынул из кармана ватный шарик, в котором была спрятана капсула с ядом, осторожно подбросил. Что стоит жизнь? И вспомнились слова известной песни, которую пел в кинофильме Олег Даль: «Есть только миг, между прошлым и будущим...»

Артеменко шел между Майей и Таней, поддерживал светский разговор и вспоминал свою встречу с Юрием Петровичем.

Окончание следует.

БЕСТОКОУЩИЕ СЕРДЦА

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смена». По самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Михаил ЯГУНОВ,

биохимик,
Москва

ВЕСНА В МОСКВЕ

В Москву пришла весна,
раскрыла настежь окна.
В Москву пришла весна,
и солнечных зайчат
умытая толпа на стенках комнат
сохнет.
«В Москву пришла весна! Весна!» —
они кричат.

В Москву пришла весна,
и скоро в ситец мая
оденутся сады,
как в подвечный цвет.
Я белизну аллей за счастье
принимаю,
когда разлуки нет...
С тобой разлуки нет.
Рождаются стихи, поэмы, гимны,
вальсы...
Весна!.. И я плачу ей рифмою
сполна.

Потом считаю дни, сгибая их,
как пальцы;
считаю, как скупец у золотого дна.
Настанет этот миг,
и счастье неразмненно.
Я из ручьев сплету
чудеснейшую нить,
и колдовство мое свершится
непрерывно,
чтоб наши две судьбы навек
соединить.

Пусть не смутит тебя
высокопарность слога:
в Москву пришла Весна!
Я в рабство к ней попал...
Гадаю, ночь, туман
и дальняя дорога
в края, где не бывал;
туда, где не бывал.
Страна Любви всегда
открыта для полета
фантазии, мечты, надежд,
желаний, снов...
Осталась лишь одна у нас с тобой
забота:
чтоб мир Любви не стал
страною дураков.

Юрий ЧУВАНКОВ,

художник-оформитель,
п. Колывань, Новосибирская обл.

СТРАДА

Бесконечно пшеничное поле.
Прихожу я, как к другу, сюда.
С детских лет мне знакомо до боли
Это жаркое слово — страда.
Надо мной августовское небо,
В нем грустинка осенняя есть.
Столько хлеба кругом,
столько хлеба.
Даже некуда солнцу присесть!

Николай РУМЯНЦЕВ,

учитель,
г. Сафоново

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Война товарищей сгубила,
Скосила их шальная смерть.
В цветах вся братская могила,
Но тяжело на них смотреть.
Здесь словно кровь
на каждой розе...
О, сколько есть таких могил!
А рядом воин в скорбной позе
На вахте траурной застыл.
И долго, долго, долго греться
Ему у Вечного огня,
И с болью обмирает сердце,
Считая павших имена.

Сергей СОРОКИН,

электросварщик,
Ленинград

КОРАБЛЬ

Еще не тронутая сажей,
Блестела краска на трубе.
На «санки» был корабль
посажен,
Готовый к штормовой судьбе.
Вот наконец убрали шланги...
Рабочих стихли голоса...
И гордо реющие флаги
Вдруг взвились, словно паруса.
За проходной ручьи звенели,
А мы со стапеля смотрели;
«Вот, вот... сейчас произойдет!»
Казалось,
где бы взяться чуду?
И все же чудо по весне
Летит к заждавшейся волне.
Еще мы думаем с опаской:
Не подведет? Вода близка.
И вот — реальность или сказка? —
Громаду приняла река!..

Валентин ФЕДОРОВ,

профессор, Москва

ЖЕРЕБЕНОК

Не люблю коней треножить,
Не люблю ковать
И уздою их тревожить,
Волю отнимать.
Жеребенок жизни полон,
Мчит туда-сюда,
Мать с отцом веревкой в полон
Взяты навсегда.
Веселись, покуда пути
Обошли тебя,
Мать с отцом стоят, обуты,
Травку теребя.
Да запомни, как резвился
На родных лугах,
Лен растет, в веревку свился
На твоих ногах.

Сергей АРШИНОВ,

инженер-электрик,
Тольятти

ДЕБЮТ

Мне вспомнился город,
а в городе дом,
Где жили студенты
по комнатам тесно.
Там первые строчки
несмелым пером
Я вывел с надеждой,
что стану известным.
Когда же редактору прямо на стол
Легли все мои беспокойные ночи.
Он долго смотрел,
я ж уставился в пол,
И тихо сказал мне:
— Признаться, не очень!..
Мол, есть в этих строчках
и нежность, и грусть,
А вот своего непростительно мало...
— Ну что же, — сказал я, —
пойду поучусь.
И вышел, как будто меня не бывало.
Полгода ушло на статьи и труды.
Усвоен анапест, гекзаметр,
дактиль.

И, лишь заневестились в мае сады,
— Не ждали? — кричу я, —
товарищ редактор?
И снова смотрел он угрюмо в стихи.
Потом, будто нехотя, взял авторучку.
«В печать!» — написал и добавил:
— Ценю
Настойчивость вашу,
Но эти не лучше.

Виктор БАЖЕНОВ,

слесарь,
Череповец

■
Еще суда все на приколе
и не раскована река,
и за проселком в чистом поле
лежат глубокие снега.

Еще по утренней дороге
идут в пальто ученики.
Еще девчонкам на уроке
важней задачи, чем стихи.

Еще пороша ночью кружит,
порой завьюжит, но уже
сияет солнце в первой луже
и отражается в душе.

Валерий ТЕРЕНТЬЕВ,

преподаватель,
г. Куйбышев

■
За горизонт уходят корабли.
Все знают — почему: Земля поката.
Я ощущаю выпуклость Земли,
Когда гляжу на море в час заката.

А за спиной,
где степь струит свой жар,
За горизонтом прячутся отары.
Я ощущаю, что Земля есть шар,
И человек велик на этом шаре.

Александра САХНОВСКАЯ,

хореограф,
Москва

ПОДСНЕЖНИК

Подснежник, это чудо, тайна!..
Еще в оврагах спят снега
И солнце будто бы случайно
Березы озарит слегка,

А он уже пробился к свету,
Сквозь землю, скованную льдом,
И устоял! Кивая ветру
Зеленым, хрупким стебельком.

Он в талых водах искупался,
Окреп от их волшебных сил,
Ненастья он не побоялся,
Расцвел и, значит, победил!..

Вадим СИДОРОВ,

инженер,
Москва

Стрелков ячейки,
Ржавый остов танка
У топких торфяных болот.
За краем леса в ращице
землянка.
— Кто больше гильз, ребята,
наберет?!

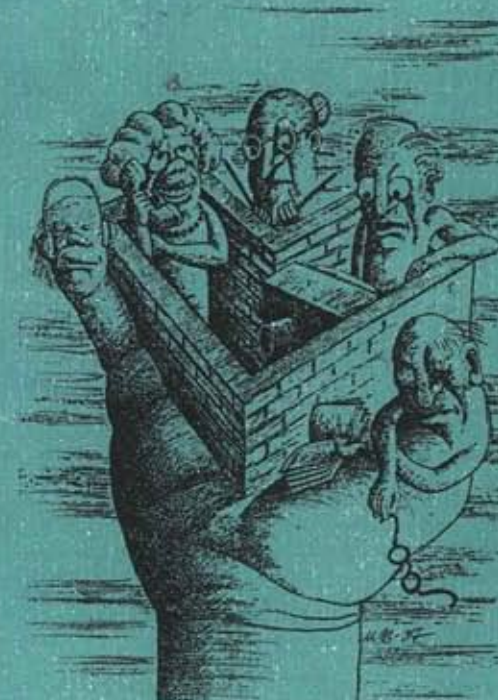
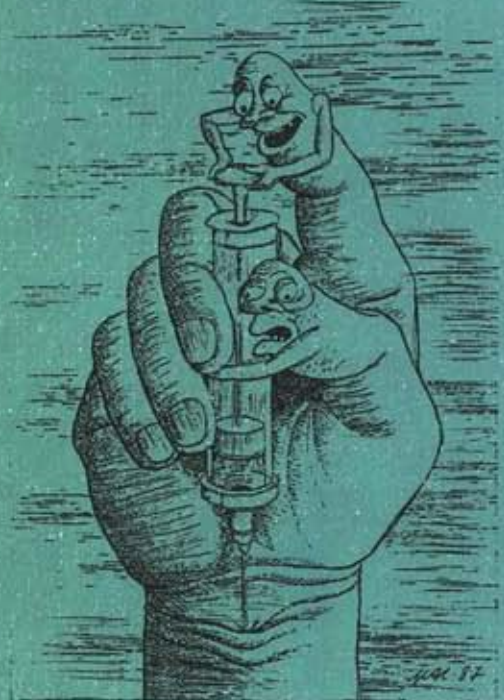
Как много на земле их
накопилось,
Лихих следов непрошенных
гостей.
Медяшки эти дорого ценились —
Десятки душ на парочку горстей.

Казаковали в детстве мы
немало —
Звенела медь, пропахшая
войной...
И слышалось мне в голосе
металла:
— Как хорошо вернуться бы
домой!

Бородатые на нашем вернисаже отступили и, как выяснилось, затаились. Один из них — в Дагестане. Таился долго — сначала школу окончил, потом художественное училище имени Джемала, а на выставке «Юг России» в 1984 году впервые обнаружился. И, похоже, надолго — успел с тех пор уже четыре персональные выставки провести, а уж серию «Жизнь наших рук» сегодня кто только не знает... И жизнь эта, между прочим, продолжается.

ГУСЕЙН МАГОМЕДОВ

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

К 70-летию ВЛКСМ.
Петр Смородин.

Граница.
Фотоочерк
о пограничниках.

Рассказ
Генриха Бёлля.

Воин и поэт
Денис Давыдов.

В «Клубе
«Музыка с тобой»
— группа
«Черный кофе».

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

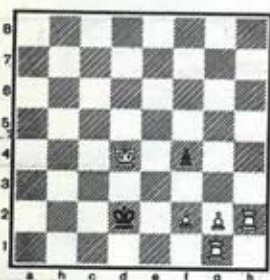

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

В. Кожакин
1985 г.

Мат в 4 хода

1. f3! Крс2 2. g4+! Крб3 3. Ла1 Крб4 4. Лб2х, 1... Кре2 2. g3+! Кр:ф3 3. gf Кр:ф4 4. Лf2х.

Задача с двумя правильными эхотатами. Остроумна мотивировка движения белой пешки «g» то на одно, то на два поля. Симметричные маты возникают в результате несимметричной игры!

Девятый тур

Белые: Кра8, Сб3, Сб4 (3)
Черные: Крс8, Сб8, Кб1 (3)
Выигрыш (4 балла)

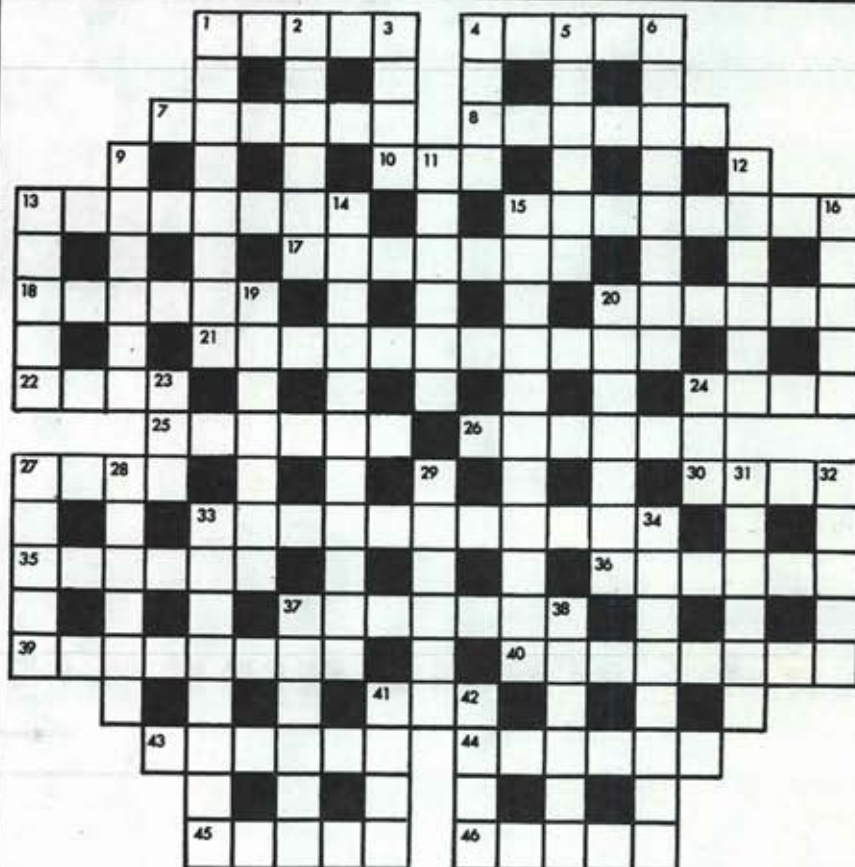
Белые: Крб2, Ке6 (2)
Черные: Кре4, пл. b4, b6, b7, g4 (5)
Ничья (6 баллов)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 9-й тур». Последний срок рассылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 июля.

Ответы с решением шахматных этюдов желательно присылать на отдельных открытках.

КРОССВОРД

Составила победительница конкурса кроссвордистов-87
О. Кошкер, г. Торез Донецкой области

По горизонтали:

1. Ямщик — машинист — ... — летчик.
4. Соцветие бузины, калины, рябины. 7. Город в Ровенской области, где Иван Федоров отпечатал первую полную славянскую Библию. 8. Пресноводная рыба, чья икра по удельному весу равна воде. 10. Компот, навар, суп (общее русское название в старину). 13. Вязаная материя. 15. Наука — «цветник». 17. Борнео — Калимантан, ... — Сулавеси. 18. Немецкий писатель, автор романов-биографий о Бетховене, Гёте, Наполеоне, Шлимане. 20. «И вся жизнь лесов была в ней, все их тайны, все их чары: гибкость лиственницы темной, крепость мощных сучьев кедра и березы стройной легкостью; на воде она качалась, словно желтый лист осенний, словно желтая кувшинка» (предмет в поэме в переводе Ивана Бунина). 21. Исполнительница роли мадам Грицацуевой в фильме Л. Гайдая «Двенадцать стульев». 22. Самая быстрая из акул. 24. Гора, наваленная Зевсом на гиганта Тифона, после чего она стала огнедышащей. 25. Пристань в нижнем течении Рионы. 26. Самый маленький военный парусник. 27. Ручной предмет, символ

власти в Индии. 30. Флаг приморской крепости. 33. Искусство, многолетнюю историю которого написал замечательный русский искусствовед Н. Врангель. 35. Рабочая профессия, открывшая трудовую биографию советского хоккейного вратаря В. Коноваленко. 36. Титул героя в опере Д. Верди «Дон Карлос». 37. Водопьянов, ..., Каманин, Леваневский, Ляпидевский, Молоков, Слепнёв. 39. Русский общественный деятель и публицист, одно время сотрудничавший с А. Герцеком и Н. Огаревым. 40. Южноамериканский болотный грызун. Легко ходит по трясинам и хорошо плавает. 41. Упражнение в тяжелой атлетике. 43. Полулегендарные князья Рюрик, Синеус и Трувор, а также наемные дружинники русских князей как выходцы из Скандинавии. 44. Чешский композитор, написавший по мотивам повести Н. Гоголя симфоническую рапсодию «Тарас Бульба». 45. Торжественный момент одобрения в русском свадебном обряде. 46. Болотная трава, играющая в биосфере роль аккумулятора пресной воды.

По вертикали:

1. Спортсмен-прыгун. 2. Двойной лист бумаги, соединяющий крышку переплета с книгой. 3. Любимое блюдо Ф. Энгельса. 4. Речная рыба, которую англичане в средние века считали самой вкусной и дорогой. 5. Бытовой сосуд, в котором использовано изобретение английского физика и химика Д. Дьюара. 6. Пересмотр, отмена прежнего решения более высокой судебной инстанцией. 9. Каждый из мостов, часто многокилометровых, по которым в Древний Рим поступала вода. 11. Глоток. 12. Титул де Бражелона в знаменитом романе А. Дюма. 13. Веточка примитивных растений, из которой в ходе эволюции образовался лист. 14. Русский поэт, поэтировавший В. Маковскому для картины «Вечеринка». 15. Цветок, из лепестков которого Н. Сядристый сделал обложку самого маленького в мире «Кобзаря» Т. Шевченко. 16. Австралийская плащеносная ящерица, способная бегать на двух задних ногах, дер-

жась вертикально. 19. Советский художник, автор картины «В. И. Ленин у прямого провода». 20. Грузинский инструмент, игра на котором схожа с игрой на балалайке. 23. Восток. 24. Единица работы. 27. Место, куда просочилась вода. 28. Один из двух металлов, из которых в основном состоят астероиды. 29. Индейский народ в США, для которого его вождь Секвойя создал азбуку. 31. Мексиканский полуостров, у древних жителей которого деньгами были бобы какао. 32. Изобретение американца Ли де Фореста, позволившее из диода сделать триод. 33. Александрийский грамматик, восстановивший текст поэм Гомера. 34. «Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла» (стилистическая фигура). 37. Самый крупный из наших дроздов. 38. Первоисточник. 41. Английский танец, использованный в сонате для скрипки с басом В. Корелли. 42. Основной продукт грузинской национальной кухни.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

1. Тахо. 6. Чуфа. 9. Поклажа. 10. Фантом. 12. Сальто. 14. Сенситивер. 16. Дума. 17. Вода. 18. Уголини. 20. Клинкер. 22. Антре. 24. Камознс. 26. Цистрон. 27. Гиперстен. 28. Юрвев. 29. Пиния. 30. Библиофил. 32. Инталия. 33. Нонсенс. 34. Экран. 37. Дискант... 38. Лазарет. 41. Эмея. 43. Репа. 44. Широконоска. 46. Крокет. 47. Анилин. 48. Щитовка. 49. Тетя. 50. ...жанр...

По вертикали:

1. Тинаму. 2. Хаос. 3. Роксана. 4. Улита. 5. «Джамиле». 7. Угар... 8. Алькор. 10. Федр. 11. Мемлинг. 12. Станним. 13. Опал. 16. Агломерация. 17. Вестминстер. 19. Интеллект. 20. Краснотал. 21. Шагренъ. 23. «Коринна». 25. Сирия. 26. Цехин. 30. Бисквит. 31. Лопатка. 34. Энеолит. 35. Набойка. 36. Язык. 37. Декотк. 39. Теллур. 40. Наян. 42. «Голос». 44. Шест. 45. Аноа.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1463)
май 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:
Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)

Борис ДАНИУШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)

Владимир ДЕСЯТЕРИК
Александр КУЛЕШОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда»,
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 18.03.88.
Подписано к печати 31.03.88.
А 13102. Формат 70x108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 2201.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

фото Евгения КАТЕНЬКИНА

**НА ВОПРОСЫ
АНКЕТЫ
ОТВЕЧАЕТ
АРТИСТ**

ЛЕОНИД ЕРМОЛЫНИК

стальное внимание со стороны режиссеров, поскольку режиссеры чаще всего мужчины. И не надо кривой ухмылки! Это нормально, когда мужчина замечает талантливую, юную представительницу прекрасного пола.

Какую роль в вашей творческой судьбе сыграли женщины?

— В творческой судьбе они никакой роли не сыграли, но в судьбе личной — вполне заметную, что, конечно же, отразилось на моем творчестве.

Какие чувства порождает у вас слово «эмансипация»?

— Чувство паники.

Считаете ли вы себя настоящим мужчиной?

— Временами.

Какой ваш основной недостаток?

— Несдержанность и злость на самого себя, когда у меня что-то не получается сразу. Хотя окружающим, увы, тоже достается. Ваше главное достоинство?

— Я не боюсь показаться несовершенным в своих проявлениях.

Когда ваша дочь достигнет определенного возраста, хотели бы вы, чтобы она вышла замуж за человека, который точь-в-точь папа в молодости — и духовно, и физически?

— Я не против. Себя-то я знаю и в принципе готов поклясться, что это — далеко не самый плохой выбор. Моя жена тоже так считает.

Что вы больше всего боитесь, как актер?

— Первое — отсутствие работы, второе — отсутствие зрительских симпатий.

А еще?

— Момент, когда я перестану вызывать интерес у женщин. Считаете ли вы себя красивым?

— Нет. Я всего лишь чертовски неотразим.

Мучает ли вас бессонными ночами совесть?

— Да, если я допускаю ошибки в отношениях со своими друзьями.

Если бы у вас был выбор, в какую эпоху вы хотели бы родиться?

— Пожалуй, во второй половине XIX века. Тогда, как мне кажется, были очень благодатные времена для актеров, поэтов, художников... Был особый воздух...

Вы считаете, этот «воздух» сейчас улетучился?

— Все, что делается сейчас в искусстве, не доводит меня до головокружения, до восторга. А хотелось бы, чтобы доводило до потери сознания.

Какие ваши метафизические планы на ближайшее будущее?

— Я хочу создать счастье взаимопонимания с дочерью. Как это сделать, не знаю. Поэтому очень волнуюсь...

Хотели бы вы сейчас встретиться с Леонидом Ермолыником из 1999 года?

— Нет. Все удвоительно — в постулативном давлении. Я люблю не результат, а погоню за ним.

На какой вопрос вам не хотелось бы отвечать?

— На вопрос — чего я больше всего хочу в жизни.

Будете ли вы откровенны, отвечая на наши вопросы?
— Буду.
Считаете ли вы себя очень талантливым?
— Конечно, считаю. Во мне невероятная творческая потенция.

Вы уверены?
— Даже если я заблуждаюсь, то окружающим людям долго придется убеждать меня в обратном.
Могли бы вы бросить профессию, если бы ваши финансовые трудности решились раз и навсегда?
— Нет. Потому что самая большая радость, которая у меня есть в жизни, — это радость рабо-

ты. Она ни с чем не сравнима.
Завидуете ли вы успехам своих коллег?
— Если это не просто удача, а явление, то завидую. Но это зависть святая. С достижениями друзей расту и я.
Что лучше: сниматься много, но с «браком», или редко, но четко?
— Второе желательнее, парное неизбежно.
Кому легче проработать на «большую» сцену: юному актеру или юной актрисе, если они одинаково талантливы?
— Актрисе. К ней более при-